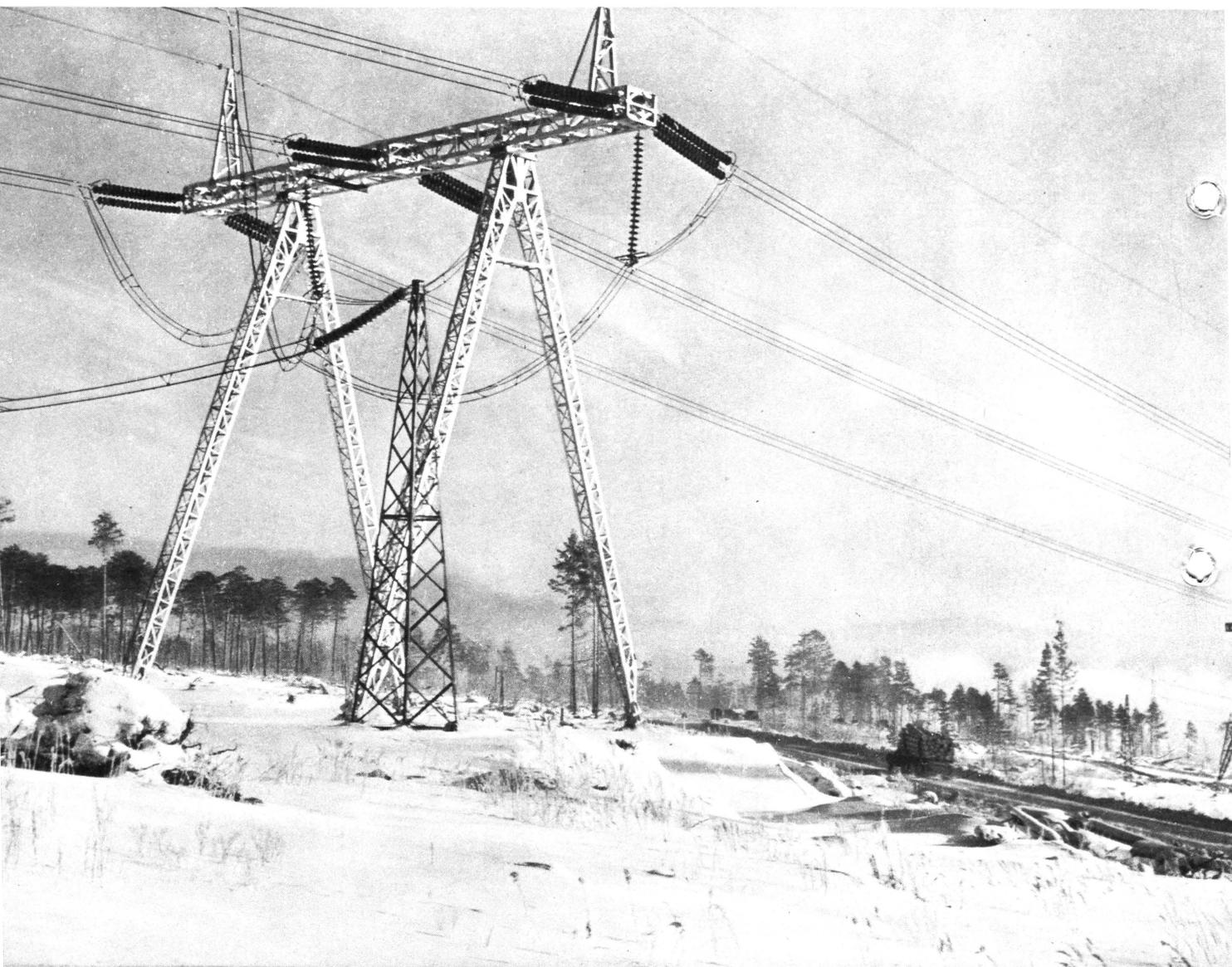

ВОКРУГ ГЛОБУСА

3 1966
МАРТ

Сибирь электрическая

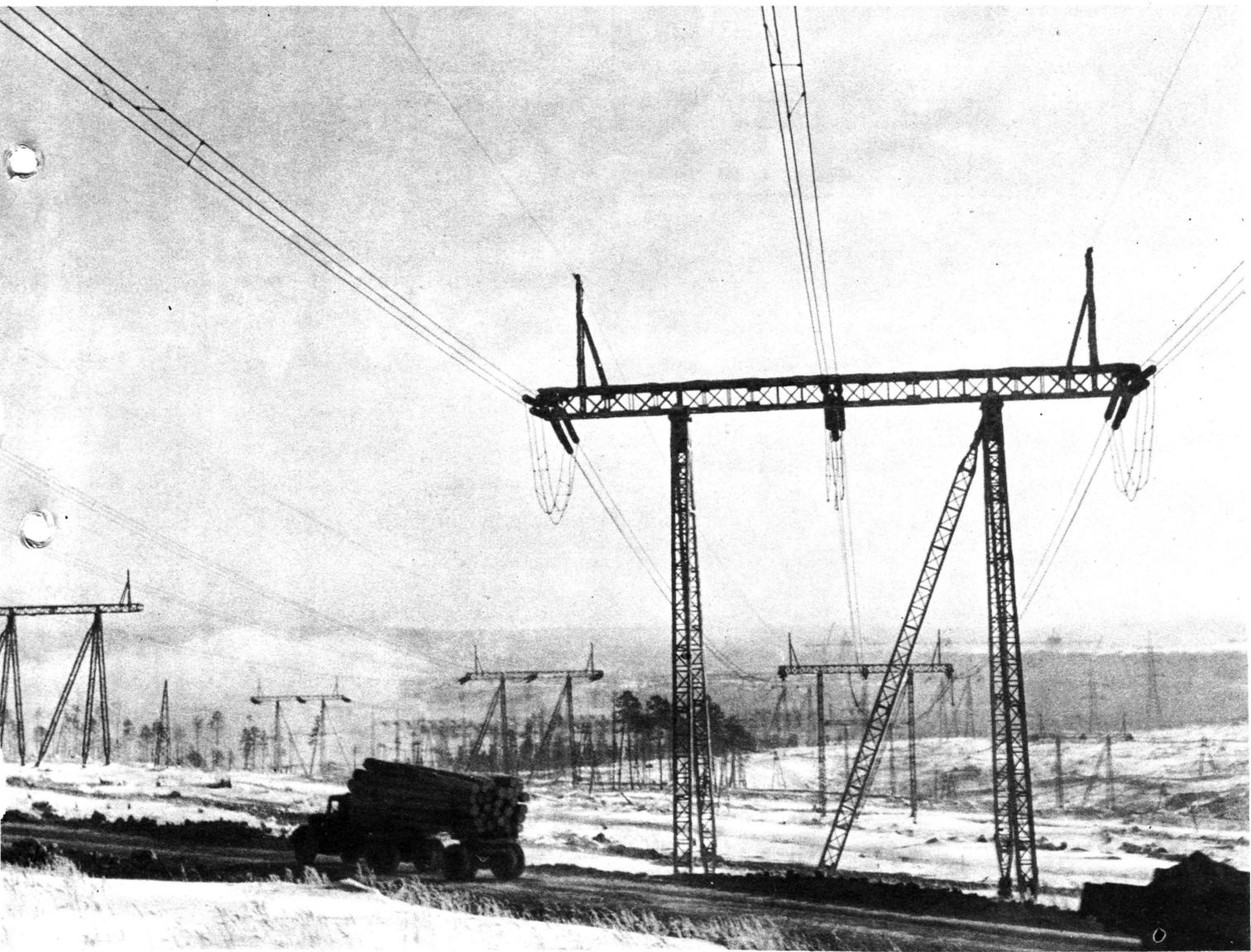
Чтобы охватить взглядом сибирский пейзаж, нужен широкий угол зрения. Чтобы осмыслить современный облик края — тоже.

Сибирь электрическая... Пятьдесят с небольшим лет назад некий житель Новониколаевска ходатайствовал о сооружении гидроэлектростанции «на 10 000 лампочек и 150 000 ведер воды». Проект оказался не по силам старой Сибири.

Необъятное пространство было унаследовано Советским государством, где, по выражению Ильича, царил «патриархальщина, полудикость и самая настоящая дикость». Сибирь превратили в строительную площадку.

Это было не просто. Сегодняшние дела и планы наши поистине грандиозны.

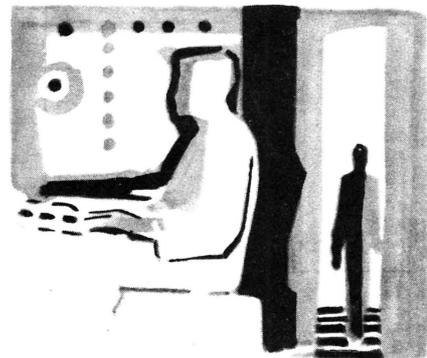
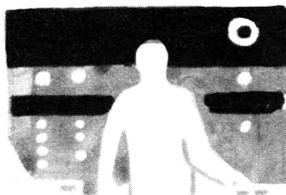
СОВЕТСКАЯ МОЛОДЕЖЬ РАПОРТУЕТ ХХІІІ СЪЕЗДУ ПАРТИИ О СВОИХ СЛАВНЫХ ТРУДОВЫХ ДЕЛАХ

Вспомним первый пятилетний план Сибири. Что было в нем? Во-первых, Кузнецкий комбинат. А еще? Завод молочной посуды. Проволочно-гвоздильный. Десять ремонтных мастерских. Обозный завод...

Так мы начинали. Домны, гвозди, телеги... Все это было нужно краю, где до революции в промышленности «на первом плане стояло винокурение» (справочник 1910 года).

В 1966 году на первом плане в Сибири стоит энергетика. Сибирь электрическая. Она стальная и угольная, алмазная и химическая, хлебная и молочная. Но все-таки прежде всего электрическая. Потому что энергетика — ключ современной экономики.

1966

ВОКРУГ ГЛОБУСА

№ 3
МАРТ

Журнал основан в 1861 году

НАУЧНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ
ПУТЕШЕСТВИЙ, ПРИКЛЮЧЕНИЙ И ФАНТАСТИКИ

На страницах номера:

«Николай Николаевич прямо по сугробам побежал к забою. Там действительно была руда. Руда, богатая никелем, медью и платиной. Руда, существованием которой обязан ныне прекрасный город Норильск. Это было новое, никому не известное месторождение, первая советская находка никеля, делающего сталь прочной и долговечной».

«Жизнь — поиск» — новый раздел к 50-летию советской власти.

«Ветер крепчал, и след колес таял на песке. Костя огляделся и ахнул. Кругом одни барханы. Нет дороги».

Очерк журналиста Н. Алеева о молодых строителях газопровода Бухара — Урал.

«Временами Пэпе поглядывал на пуму. Глаза желтого хищника были полузакрыты, будто его клонило ко сну... Внезапно она резко повернула голову, и ноздри ее затрепетали».

Приключенческая повесть Дж. Стейнбека «Бегство».

«— Капитан убит! — выкрикнул Олсен, глядя в глаза Баардсену...»

О пиратской флотилии судов, плавающих под «флагами-ширмами», рассказывают журналисты Л. Добрягин и Г. Еремин.

«Уходили силы. Острые льдинки прорезали меховую обувь, и все чаще на трудной ледовой дороге оставались кровавые следы... Землю заметили, только подойдя к ней вплотную...»

«Снежный путь Тимофея Булдакова» — рассказ писателя И. Забелина.

«Когда же чудовище стало медленно поворачиваться в нашу сторону, мы обратились в паническое бегство»

Снова «гигантский морской змей»!

Вести из Австралии, Адена, Англии, Венгрии, Исландии, Полинезии, Румынии, Саудовской Аравии, США, ЮАР.

Рисунки И. БРУНИ

TERRA INCOGNITA

Следы, как строчка у плохой швеи, кружили вокруг торосов и сугробов. Иногда песец оставался у лунок-продохов, грустно глядел в голубоватый мрак полярных озер. Опасаясь сердитого медведя, песец все же иногда лакомился у лунок тем, что оставалось от обильного стола арктического хозяина.

Но на этот раз медведя не было. Песец напрасно оглядывал белые снежные дали и голодный бежал и бежал к океану, обнюхивая однообразно пресные

Е. ФЕДОРОВСКИЙ,
наш спец. корр.

СЕВЕРНОЕ

ПРИТЯЖЕНИЕ

сугробы, ледяные глыбы и черные, из плиточного песчаника камни.

А по его следам, фыркая и повизгивая, неслась упряжка. Собаки, чуя далекого дикого родственника, тянули санки легко, азартно, будто влились в них новые силы и не было двухлетней каторжной работы, от которой падали даже самые крепкие псы.

И двое людей бежали за нартами на лыжах.

Перед взором закутанных в меха лыжников лежала опустылевшая в своем однообразии равнина с лысыми и покатыми холмами. Эти холмы уходили за горизонт, сливаясь с бесцветным небом. Сквозь него просвечивало равнодушно-холодное оловянное солнце.

Но люди считали, что конец их дороги близок. Они ожидали увидеть берег огромной, ранее неизвестной земли.

Холмы кончились. Показался океан. Там, на берегу, стояли одинокий столбик и каменная пирамидка. Столбик и пирамидка, сооруженные человеческими руками. Лыжники изо всех сил налегли на палки, как перед финишем.

...Они сняли обледеневшие рукавицы. Руки нежно гладили почерневший от старости, изглоданный медведями столбик. Его поставили русские моряки, первооткрыватели, ознаменовавшие начало столетия крупнейшим географическим открытием. На столби-

ке сохранилась надпись: «1913 г. 29 августа... СЛО». Но память дочитала недостающие буквы: «Гидрографическая экспедиция Северного Ледовитого океана». Так называлась экспедиция, которая на ледокольных судах «Таймыр» и «Вайгач» искала северную морскую дорогу.

Рядом с этим столбиком полярники подняли советский флаг. Земля, впервые встреченная русскими моряками, была исследована...

Тогда, в 1913 году, в приказе начальника экспедиции Вилькицкого по поводу нечаянно встреченной земли говорилось: «При исполнении приказа начальника Главного гидрографического управления пройти после работ на запад, в поисках Великого Северного пути из Тихого океана в Атлантический... нам удалось достигнуть мест, где еще не бывал человек, и открыть земли, о которых никто и не думал...»

Но эти земли еще долго оставались загадкой. Был известен только клочок восточного берега... Берега... Берега чего? Острова, архипелага, материка? Может быть, огромной страны со своим особенным растительным и животным миром? Своеобразной Плутонии? Географическая загадка планеты не давала покоя итальянскому генералу Нобиле и норвежцу Амундсену, американцу Бартлетту и немцу Эккенеру. На судах, самолетах, на дирижабле они пытались добраться до неведомой земли.

В августе 1930 года ледокол «Седов» высадил Николая Урванцева вместе с Георгием Ушаковым, охотником Сергеем Журавлевым и радистом Васей Ходовым на одном из небольших островков, близких к западным берегам Северной Земли. Дальше ледокол не мог пройти из-за тяжелых льдов. Начальник Арктического института Отто Юльевич Шмидт на прощанье говорил Ушакову:

— Вам вверяется нечто совершенно неизвестное. Кот в мешке. Может быть, вы получаете территорию целого европейского государства, может быть, и совсем незначительный клочок суши. Найти Северную Землю, исследовать ее и в случае необходимости своими силами выбраться — вот что вы должны выполнить с честью.

История арктических путешествий знала много примеров человеческого упорства и стойкости. Но даже и в этой насыщенной подвигами летописи мало найдется подобного.

Нечто совершенно неизвестное нужно было сделать известным, точно измеренным и выверенным. На белом листе ватмана были нанесены лишь условные линии меридианов и параллелей. На них требовалось нанести реально существующие острова, заливы, проливы, вершины гор и долины неизвестной земли. Горстка советских людей прошла более трех тысяч километров по каменистой тверди и морскому льду. Полярники открыли архипелаг в 38 тысяч квадратных километров, превосходящий по площади такие государства, как Бельгия и Голландия.

Все испытали они. Все, что могло бы в любое мгновение оборвать столь хрупкую, столь не защищенную в этих широтах жизнь.

Полярники не были новичками в Арктике. Они видели и обиженные природой Таймыр и Чукотку, и плачущую туманами Новую Землю, и метельный остров Врангеля, и Землю Франца-Иосифа с ее

Жизнь-поиск

мертвым синим небом и гордыми голубыми куполами гор. Но никто из них не встречал такого безжизненного, гнетуще-сурового края. Изъеденные годлыми вьюгами скалы, спрессованные за столетия снега, мгlistое пасмурное небо — такой предстала перед полярниками Северная Земля, где суждено было им прожить два вьюжных тревожных года.

Быстро ушло лето, наступила долгая полярная ночь. Упряжки собак направились в неизвестность. Собаки резали о колючий лед еще не огрубевшие в работе лапы, люди тянули сани наравне с ними. Призрачный свет полярной ночи смутно освещал заструги. Разноцветные столбы сияний двигались по краю неба. Иногда они замирали, на горизонт ложился занавес, сшитый из разноцветных полос — фиолетовых, красных, зеленых, желтых. От колючего ветра он, казалось, покачивался, полосы набегали одна на другую, и снега, и сугробы, и торосы пускались в бег.

Сменялись сутки, времена года. Пылала на востоке заря, появлялся ободок солнца, распавшаяся на несколько ободков. Потом солнце поднималось выше и рядом вспыхивали новые солнца. Они, как ослепительная свита, двигались за настоящим солнцем и слепили глаза. Чистый воздух Арктики творил чудеса.

А по пятам шла смерть. Незаметная лунка в океане грозила утянуть под лед, или коварный медведь скребся в палатку, и приходилось откладывать в сторону циркуль и логарифмическую линейку, брать в руки карабин.

С весной Арктика огласилась трубными криками гусиных стай, поползли с Большой земли липкие густые туманы, в снегах появились гиблые озера с ледяным дном.

Пронеслось лето, и снова уходило солнце и поднималось с новой весной. В тысячах замеров, в неисчислимых километрах дорог по хаосу льдин и торосов пряталась искомая расчета, прятался малозаметный сегодня штрих на карте планеты Земля.

Часто путешественники попадали в такие ледяные горы, что приходилось карабкаться сутками по отвесным скользким глыбам.

Им было нечеловечески трудно. Может быть, еще труднее было собакам. И было вдвойне трудней поднимать окровавленных, изможденных собак, когда они смотрели на людей умоляющими глазами. А помочь было нельзя...

Именно так дело, которое начали в 1913 году русские моряки, завершили советские полярники. В дар своей Родине они принесли острова: имени Октябрьской революции, Большевик, Комсомолец, Пионер...

14 августа 1932 года к острову Домашнему — зимовке экспедиции — подошел пароход «Русанов». Николай Николаевич Урванцев положил перед капитаном только что вычерченную карту. Сквозь градусную, сетку широт и меридианов проглядывали очертания открытой Северной Земли. Копию карты, составленную в морской проекции, Урванцев передал капитану Воронину на ледокол «Сибиряков», который беспрепятственно обогнул Северную Землю и совершил первое в истории человечества плавание по Ледовитому океану в Тихий в одну навигацию...

Так на карте страны появился еще один арктический архипелаг. Terra incognita получила имя — Северная Земля.

ВО ВЬЮГАХ РОЖДЕННЫЙ...

Нолучими сырыми сумерками 1920 года к подъезду государственного банка подкатила коляска. Из парадного вышел человек в пенсне, с большими, свисающими вниз усами. Он бросил холщовый мешок в коляску и сел возле него, поглаживая в кармане рукоятку револьвера.

Тяжелое было время, тревожное, смутное... Дон и Тамбовщина полыхали пожарами кулацких востаний, в зимовьях по Оби, Енисею и Лене орудовали белогвардейцы. Но большевики знали, что тревожное время скоро кончится, это ненадолго, а советской власти быть навсегда.

Исследование Северной Земли для Страны Советов было частью огромной проблемы — освоения Севера. Вызвать к жизни мертвые пространства Арктики, спасти северные народы от вымирания, невежества и дикости, включить в хозяйственную орбиту страны новые экономические центры — вот за что бралась с первых же своих дней молодая власть.

В эту лихую годину Владимир Ильич Ленин задумал смелый план освоения Севера, до этого

никогда не поднималась царская Россия. В «Наброске плана научно-технических работ» он выдвинул идею рационального размещения промышленности России «...с точки зрения близости сырья и возможности наименьшей потери труда при переходе от обработки сырья ко всем последовательным стадиям обработки полуфабрикатов вплоть до получения готового продукта».

Нищая, полуголодная страна, на душу населения которой выплавлялось меньше килограмма чугуна и производилось меньше метра ситца в год, дала на разведку северных месторождений 50 миллионов советских рублей. Эти-то деньги и доставил в холщовом мешке в Петроградский научно-технический отдел человек в пенсне, с большими, свисающими вниз усами. Это был один из горячих следопытов Севера, Рудольф Лазаревич Самойлович.

Сейчас земля Печоры, Воркуты, Мурмана, Таймыра и Чукотки покрылась буровыми вышками, дымящимися угольными терриконами. Но не всякий знает и помнит, как начиналось великое освоение Севера. Первые ассигнования пошли на разведку апатитов в Хибинах, на исследование печорских углей, топографическую съемку Новой Земли.

На эти же деньги на Таймыре вел разведку угля геолог Николай Урванцев.

На картах того времени Таймыр представлялся тонкой подковой более или менее исследованного берега с белым пятном неизвестности в центре. Но именно около Таймыра, у Диксона и в проливе Вилькицкого, тяжелые льды останавливали суда на зимовку, именно у Таймыра они часто оставались без угля. Уголь здесь был так же необходим, как хлеб и воздух.

Геолог Урванцев шел по Таймыру, как боец-разведчик. Он был один из тех, кто с геологическим молотком выстукивал кладовые страны. Молодая Советская республика брала на учет свои богатства. Под дикий свист полярной вьюги, под звон комариных туч Урванцев искал уголь. Он

нашел его у берегов Норилки. Он двинулся к Диксону в поисках судоходного пути, проплыл на байдарке по совершенно незнакомой Хантайке, пробился к северу Таймыра через великую тундру и буреломное прилесье, слыша лишь истеричный рев медведей, заедаемых комарами, да тоскливый лай песцов.

Рабочие отряда нарыли в тундре множество шурфов. Но ни один не дал богатого месторождения. Сидя перед керосиновой лампой с закопченным стеклом, Урванцев просматривал тысячи образцов. В них он находил нежно-розовые пылинки пентландита — природного источника никеля, зеленовато-золотистые капельки халькопирита — медного минерала, серебристые зернышки драгоценной платины. До этой экспедиции предполагали, что на Таймыре есть только уголь. О никеле, меди и платине никто не слышал.

Поиск шел трудный и долгий. Люди валились от усталости, болели от скудной и однообразной пищи, вконец износились обувь и одежда.

Хрипло и глухо гремели под землей взрывы. Исследователь бросался к воронкам, среди дымящихся камней, пахнущих динамитом и паром, тщетно искал ту самую богатую руду, которая часто снилась ночью. Но ее не было. Расхлябанный буровой станок то и дело ломался. Вода в скважине замерзала. Единственная алмазная коронка могла заклинить. Чтобы отослать пробы на химический анализ, надо было раздробить в порошок множества камней. Ни дробильной машины, ни ступ в экспедиции не было. Из толстого железного листа пришлось сделать подобие чаши и двухпудовой гирей, подвешенной к потолочным блокам, перемалывать образцы.

Это была адова работа. Домик содрогался от грохота гири. Едкая пыль резала глаза. Порою рабочих охватывало желание выбросить ненавистную гирю в сугроб. Но Урванцев доказывал им, что без химических анализов невозможно подсчитать запасы полезных ископаемых.

— Да где ж они? — возмущались рабочие. — Уж больно муторно в пустых породах копать. Грызем, грызем, а все без толку!

— Не отчаивайтесь, будет руда, будет, — убеждал их Николай Николаевич, но иногда и сам приходил в отчаяние.

Бежали недели за неделями, а богатая руда все еще не показывалась. Шла простая порода, хотя такая крепкая, что каждый сантиметр выработки давался невероятным трудом. Долота тупились, динамит был плохого качества, часто Урванцеву приходилось рисковать, обезвреживая неразорвавшиеся заряды.

И все же наступил день — радостный, праздничный.

В хату влетел весь в инее горный мастер и с порога крикнул:

— Ох, Николай Николаевич, дорогой... руда оказалась!

Николай Николаевич прямо по сугробам побежал к забюю. Там действительно была руда. Руда, богатая никелем, медью и платиной. Руда, существованием которой обязан ныне прекрасный город Норильск. Это было новое, никому не известное месторождение, первая советская находка никеля, делающего сталь прочной и долговечной.

Была ночь... На дворе скорбно выли на тусклые звезды собаки, стучался в обледеневшие окна полярный ветер, над трубой плескались искры — единственные огоньки на тысячи километров к югу, востоку, западу и северу.

В бараке рабочие сидели вокруг печки, держа над огнем стывшие носки и портянки. Небритые, с обмороженными щеками, они молча и взволнованно слушали. С неожиданным красноречием Урванцев говорил о будущем городе, о счастье пионеров Севера, о возмужании молодой, потрясенной революционными грозами республики. Но даже им, рабочим, энтузиастам Арктики, астрономически далеким казалось время, когда на земле, где кончалась власть живой природы и вступали темные силы стихий, диких вьюг, ледящих морозов и полярных ночей, вырастет большой город.

Но город уже жил в мечтах первооткрывателя.

(Окончание на стр. 58)

ВОТ ОНА КАКАЯ — ЛУНА!

Тысячелетиями притягивала она к себе взоры людей — сверкающая и таинственная. Мечта увидеть — до мельчайшего камешка — открытую всем космическим «ветрам» лунную «землю» жила всегда! И вот мечта эта стала реальностью!

3 февраля 1966 года впервые в истории осуществлена мягкая посадка на Луну советской автоматической станции «Луна-9». На Землю переданы изображения лунного ландшафта. По радиокомандам, передаваемым с наземного центра космической связи, по выбору ученых проводился детальный просмотр отдельных участков лунной поверхности, и мы увидели ее — до мельчайшего камешка!

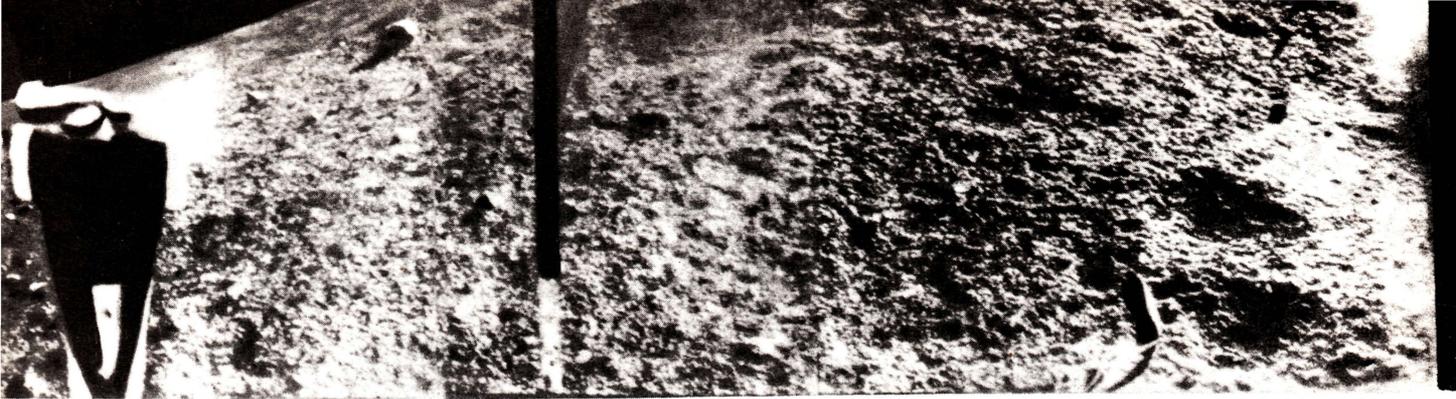
После запуска первого искусственного спутника Земли, первого полета человека в космос, первого выхода космонавта из космического корабля мягкая посадка автоматической станции на поверхность Луны — новое важнейшее достижение космонавтики. Советские ученые и конструкторы шли непроторенным путем, решая совершенно новые для космической техники вопросы.

Знаменательно, что этот научный подвиг, воплощение самоотверженного, упорного труда народа, его великих революционных свершений, достигнутых под испытанным руководством нашей Коммунистической партии, совершен в канун исторического события в жизни нашей Родины — XXIII съезда КПСС.

В этом небывалом еще достижении человеческого разума и труда с неотразимой убедительностью демонстрируются неисчерпаемые возможности и жизненная сила нашего социалистического строя.

Начался новый этап освоения космоса, познания тайн Вселенной. Реально приблизилось время полета человека на Луну!

Академик М. В. КЕЛДЫШ:

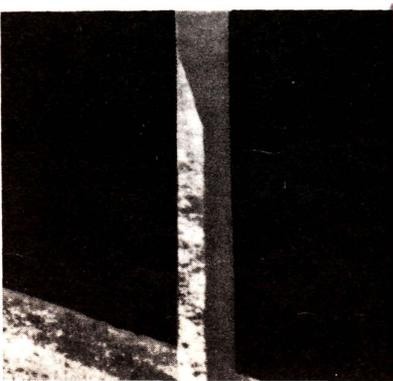
«Это открывает новый этап в развитии астрономии... Это успех не только советской науки и техники, но успех всего советского народа, успех, обусловленный мощным техническим и экономическим развитием нашей социалистической Родины».

Академик М. Д. МИЛЛИОНЩИКОВ:

«Посадка на Луне — одно из наиболее выдающихся научно-технических достижений нашего времени. Это событие войдет в историю человечества как века, отмечающая начало активного освоения небесных тел».

Академик А. А. МИХАЙЛОВ:

«Теперь мы вправе ожидать решения многих загадок — о строении лунной поверхности, в том числе о физических и механических свойствах ее покрова, наличии и составе пыли, гравитационном поле Луны и многом другом».

Иорген Бич — известный датский путешественник, кинооператор и исследователь — уже знаком читателям «Вокруг света». В № 12 за прошлый год была опубликована заметка «Амазонский трофей Иоргена Бича». В этом номере мы предлагаем вниманию читателей главы из книги о новом путешествии И. Бича «За чадрой Аравии». Книга выйдет в свет в издательстве «Мысль».

ЗА АРАВИЙСКОЙ ЧАДРОЙ

ИОРГЕН БИЧ

ПУТЕШЕСТВИЕ В ШИБАМ

По извилистой дороге мы медленно поднимаемся в горы, отгораживающие Мукаллу от материка. Оставляя за собой облако пыли длиной в целый километр, «лэндровер» везет нас в самое сердце области Хадрамаут, о которой еще несколько десятилетий назад европейцы ничего не знали.

Когда смотришь на этот ландшафт с самолета, кажется, будто он весь изрезан бороздами и трещинами, но на самом деле это глубокие ущелья — вади. Они врезаются в плоскогорья на сотни метров, хотя водой заполняются лишь на несколько дней, когда, раз в десять-двенадцать лет, здесь выпадают дожди. Единственный путь внутрь страны проложен вдоль вади, и других видов транспорта, кроме верблюда и «джипа», здесь нет. До того, как удалось приручить верблюда, внутренние области Аравийского полуострова были необитаемы.

Кое-где в вади растут гхаф и акации, гигантские корни которых обеспечивают растения влагой, несмотря на почти полное отсутствие воды. Такое же упорство требуется и от людей, которые хотят жить здесь.

Но через каких-нибудь несколько лет XX век возвращается и в этот уголок земли. В небольших городках на побережье уже теперь больше грузовиков, чем верблюдов. Но для машин нужны более совершенные дороги, и сейчас ведутся работы по расширению караванных верблюжьих троп, чтобы по ним могли проехать и машины.

Мы едем через высохшие русла рек и горные цепи. Мы едем через плоскогорья по толстому слою вулканической пыли, такой мелкой и тяжелой, что она брызгами, словно вода, разлетается из-под колес. Время от времени мне приходится выверять наш курс по компасу, потому что мы непрерывно петляем из стороны в сторону.

Ночью Аравийская пустыня¹ кажется еще более призрачной и нереальной, чем днем. Мы остановились возле каменоломни, пораженные тем, что кому-то мог здесь понадобиться камень, и чтобы узнать, как ехать дальше.

Шофер заметил палатку, которая прижалась к огромной каменной глыбе.

По-видимому, она пуста, и едва ли за нами кто-нибудь сейчас наблюдает. Но если в палатке люди, то, прежде чем встретиться с ними, лучше как следует изучить местность.

Было тихо, потом из палатки послышался слабый шум — и тут же блеснули три винтовочных ствола.

Мы стояли озаренные лунным светом и, несомненно, были отличной мишенью. Сначала мы не двигались, но потом я овладел собой и сказал Ниангаре: — Крики им, чтобы они убрали свои проклятые ружья. А то ведь, чего доброго, угробят нас!

Ниангара немедленно выполнил мою просьбу.

Отвечом из палатки был смех, явно выражавший такое же облегчение, какое почувствовали мы сами. Из палатки вышел человек и направился к нам. Он все еще держал винтовку, но больше не целился в нас. Тогда мы развели руки в разные стороны, чтобы показать, что мы безоружны и у нас нет злого умысла.

Он начал с того, что спросил:

— А вы испугались, когда я прицелился в вас?

— Конечно, испугались, — ответил я, и Ниангара тут же перевел. — И потому, будь добр, убери ее подальше.

Еще какой-то миг он смотрел на нас несколько подозрительно, но, окончательно убедившись, что никакой опасности мы не представляем, опустил винтовку и сделал знак, что мы можем подойти к палатке.

По самым оптимистическим расчетам в палатке могло уместиться четверо. Но в ней уже было пять человек, и им пришлось потесниться, чтобы впустить еще Ниангару, шофера и меня. Стены палатки были из довольно тонкой мешковины, и ветер пустыни легко продувал ее насквозь.

Я хотел показать хозяевам палатки, что испытываю к ним самые дружественные чувства, и выудил из коробки несколько сигарет. В дороге они немного отсырели, и их было трудно раскурить. Было ясно, что нашим хозяевам они не доставляют ни ма-

¹ В данном случае автор называет Аравийской пустыней южную часть пустыни Руб-эль-Хали, занимающую большую часть полуострова Аравия. Название «Аравийская пустыня» в принятой у нас терминологии относится к северо-восточной части Сахары, расположенной между Нилом и Красным морем. — *Прим. ред.*

лейшего удовольствия. И тем не менее они докуривали сигареты до конца — из вежливости.

Зато я тоже должен был из вежливости отвезти немного рыбы, сухой и уже порядком подпорченной. Аравское гостеприимство неотразимо, его называют все: от шейха до простого дорожного рабочего, вроде тех, что мы встретили теперь в пустыне. Разница лишь в том, что шейх поставит перед вами на стол самые изысканные яства, а рабочий угостит вас гораздо более спартанской пищей.

Между тем рабочие вскипятили воду и приготовили очень горький чай, который отдавал солончаками, мятой и какими-то крепкими пряностями. Чайник ходил по кругу, и скоро в палатке стало тепло и уютно.

Дорожные рабочие по многу месяцев живут без всякой связи с внешним миром. Лишь изредка, когда пройдет караван верблюдов или проедет машина, они могут приобрести немного продуктов, чтобы добавить их к тому рису, который составляет их главную пищу. Но если при этом им не удастся достать воды, они идут к ближайшему колодцу за много километров и обратно несут воду на спине.

Нельзя не восхищаться стойкостью и твердостью этих сынов пустыни, которые трудятся в этом покинутом богом краю.

Около часа мы беседовали с нашими гостеприимными хозяевами, а потом улеглись спать.

Было чертовски холодно, хотя палатка была битком набита людьми, и я надел полярную куртку, с которой никогда не расстаюсь, даже если еду в тропики. Днем она спасает от зноя мои киноленты, а ночью служит одеялом или подушкой. Я натянул на голову капюшон и крепко заснул.

Когда я проснулся, хозяева уже были на ногах и стояли возле палатки. Дрожа от холода, я вышел к ним. Палатка стояла в довольно глубоком ущелье, и солнце еще не успело согреть этот маленький лагерь, затерянный между крутыми склонами гор.

Рабочие совершили омовение — песком, как рекомендует Магомет в тех случаях, когда поблизости нет воды. Потом они встали на колени и, обратив лица в сторону Мекки, начали молиться. Лишь после этого начался их рабочий день.

Скоро я заметил, что всю ночь спал на рыбе, которую вчера засунул в карман. Две собаки ходили за мной по пятам. Они вдруг проникились ко мне необыкновенно трогательной любовью, и их нельзя было отогнать ни на шаг, когда мы садились в наш «лэндровер», чтобы продолжать путешествие. Они долго бежали вслед за нами и отстали лишь после того, как машина увеличила скорость. Когда я оглянулся, чтобы еще раз посмотреть на маленький лагерь в ущелье, мне показалось, что псы все еще стоят и пускают слюни при мысли о пище, которую упустили. Когда, часов через пять, мы доехали до какого-то оазиса, я совсем пал духом. Запах рыбы, исходивший от меня, оказывал магическое действие на окрестных собак, и они с лаем сбегали со всех сторон. Нам разрешили остановиться в небольшом глиняном домике, и когда мне удалось, наконец, захлопнуть перед носом у собак тяжелую деревянную дверь, я поднялся на плоскую крышу. Наконец я был в безопасности.

Итак, я устроился поудобнее и приступил к завтраку. Хлеб был твердый как камень, но я уже давным-давно научился раскалывать его одним ударом ножа на мелкие кусочки так, чтобы они не разлетались в разные стороны. Кроме того, я виртуозно вылизывал банки из-под селедки в масле, сохраняя при этом бороду в девственной чистоте,

а губы — в целостности и сохранности. Питьевая вода в оазисе была грязновато-мутного цвета, соленая, с каким-то очень неприятным привкусом. В общем на лукуллов пир моя трапеза не была похожа, но все-таки мне удалось насытиться.

Покончив с едой, я подошел к краю крыши и стал смотреть на оазис. И тут передо мной возникли картины природы, которые всегда наполняли мою душу невыразимым счастьем, и уже самая мысль о возвращении в лоно цивилизации начинала казаться мне нелепой и противоестественной.

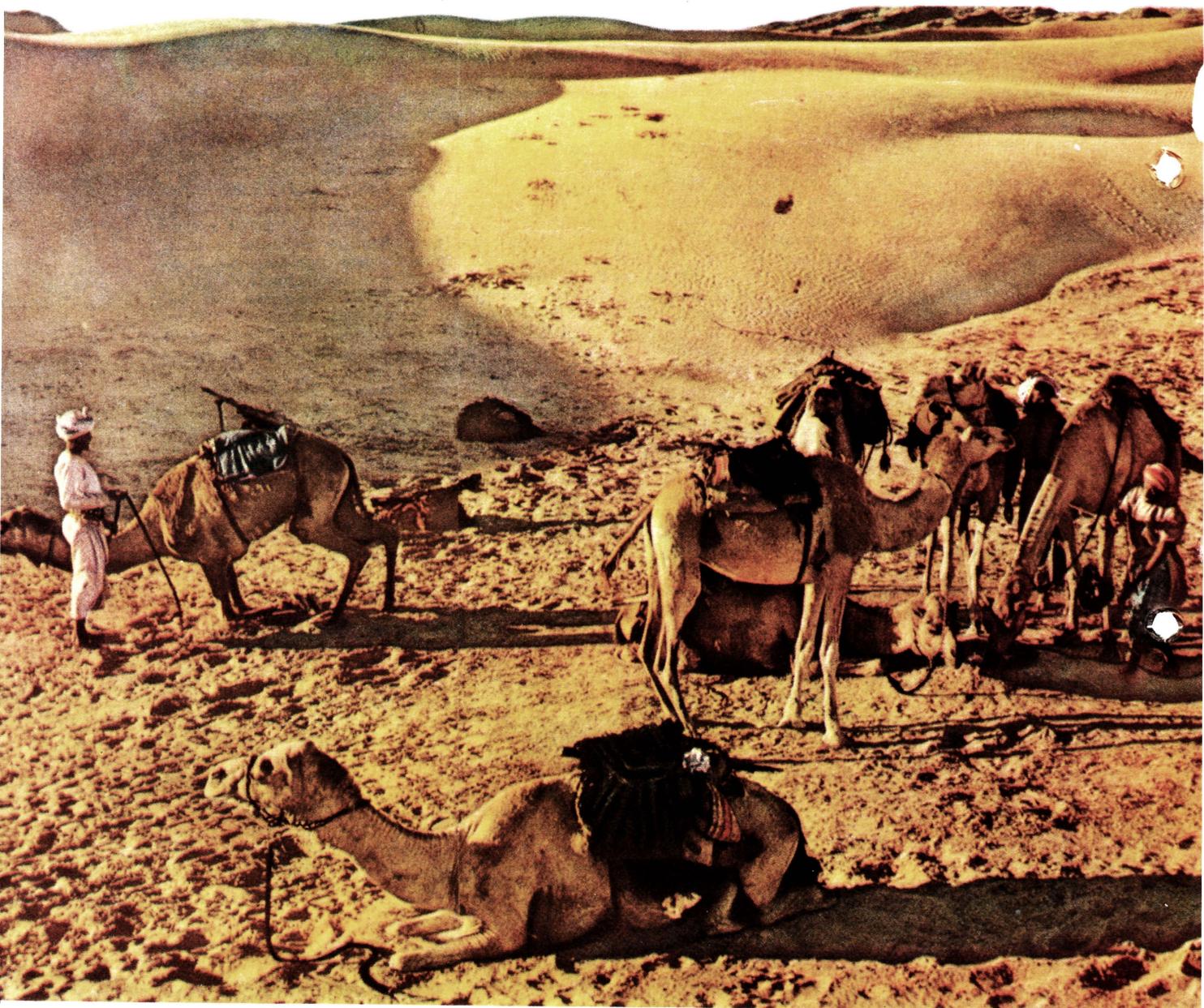
Вдали, в трепещущем от зноя воздухе пустыни, высится голубовато-серый горный массив, одно из многочисленных плоскогорий, которые обрамляют эти плодородные оазисы. До самого подножья зеленеют рощи финиковых пальм. Там, где начинаются глиняные домики городка, с горы спускается, извиваясь змеей, каменная стена. Бедуины не умеют одолевать горы, и стена издавна защищала городок от набегов кочевников.

Однако сейчас трудно себе представить, что этот идиллический оазис бывал кровавым полем битвы.

Вот за огромным стадом овец бегут двое ребята-шек-пастушков, за ними мчатся, заливаясь лаем, рыжие псы. Все это окутано огромным облаком пыли, так что я могу проследить их путь до самой городской стены.

Под сенью нескольких пальм у колодца работает семья. Доносятся монотонная песнь и надрывный скрип колодезного колеса. Потом слышится плеск воды, и из небольшого водоема устремляются к многочисленным грядкам длинные ручейки, похожие на скользкие пояса. Босоногие темнолицые мальчуганы бегут рядом с водой, загоняя ее в узенькие канавки, из которых она растекается по желтой, задыхающейся от жажды земле. Земля разделена на ровные квадраты полей: пыльно-желтые, желто-бурые, грязно-бурые, нежно-изумрудные и темно-зеленые.

С крыши видно, как вдалеке, почти у горизонта, медленно двигаются силуэты верблюдов, вытянувшихся в ровную изящную линию: каждый верблюд привязан к хвосту шагающего перед ним собрата. Когда караван подошел к самому оазису, я спус-

тился с крыши, чтобы рассмотреть его поближе. Караван состоял из полусотни верблюдов: они представляли все оттенки желтого, бурого и серого цветов.

С караваном прибыло много женщин. Когда я достал кинокамеру, караванчик вдруг стал шипеть на меня, словно строптивый верблюд на погонщика.

Ниангара посоветовал мне быть осторожнее. По его мнению, эти женщины были рабынями, которых везли на невольничий рынок. А может быть, их уже купил какой-нибудь богатый купец или даже сам султан, и их везут в султанский гарем. Караванщик обязан доставить их к месту назначения в целостности и сохранности, и, вероятнее всего, он решил, что моя кинокамера в какой-то мере ущемляет интересы владыки.

...Оазис остался позади, и мы снова едем через каменистую пустыню к Шибаму. Перед нами растилается лента золотисто-желтого песка. На вид он кажется твердым и плотным, но верхний его слой чрезвычайно податлив. Иногда он предательски прячет от взгляда путника глубокие ямы, в которые тот проваливается на каждом шагу.

Просто удивительно, как рессоры машины и наши почки выдерживают такую тряску. Когда колесо внезапно проваливается в яму, вулканическая пыль почти не амортизирует удар. Песок разлетается, словно брызги воды, и нам порой кажется, что наша машина — это корабль, плывущий по волнам среди бурного моря. Наши нервы подвергаются весьма суровому испытанию: мы все время ждем аварии. Ведь если машина, провалившись в очередную яму, откажется от дальнейшей борьбы с природой, мы застрянем всерьез и надолго. Рассчитывать на чью-либо помощь не приходится.

Но вот наступил момент, когда мы почувствовали твердую почву под колесами и решили выжать из машины все, на что она способна. За нами поднялось облако пыли длиной в целый километр. Когда же решили сделать остановку, чтобы передохнуть, это облако мгновенно окутало нас со всех сторон. Оно настигло нас совершенно неожиданно, и мы даже не успели сообразить, что дует попутный ветер. Через секунду все исчезло за непроницаемой стеной. Бежать было некуда. Мы буквально не видели протянутой вперед руки.

Лишь через пять-десять минут облако рассеялось. Но оно нас многому на-

учило. Теперь, прежде чем остановиться, мы всегда сворачивали в сторону и проезжали несколько десятков метров против ветра.

К счастью, мы были застигнуты облаком пыли, которую подняли сами, а не мучительной бурей, порождаемой природой. Во время такой бури тучи песка надвигаются на вас, словно гигантская стена, застилая мраком и небо и землю. Яркое солнце мгновенно превращается в матовый кружок и скоро совсем исчезает за непроницаемой черной пеленой.

На землю опускаются призрачные мертвенно-бледные сумерки, вас охватывает ужас, и когда в следующее мгновение черная стена смыкается вокруг, все, кажется, поглощено песком.

Ноздри верблюдов — это длинные узкие щели, поросшие тонкими волосками, которые смыкаются почти наглухо. Поэтому верблюды гораздо легче переносят песчаные бури, чем другие животные. К сожалению, человеческие ноздри устроены гораздо примитивнее.

Мы едем все медленнее, часами петляя по дну глубоких вад. Иногда мне хочется взобраться по крутому склону хребта и определить, куда же ведет наш подземный маршрут. Наконец мы выезжаем на равнину — и прямо перед нами, совершенно неожиданно, возникает из песчаного моря многоэтажный белый город.

Что это — мираж? Или город-призрак из сказок Шехерезады?

ПУСТЫННЫЙ ГОРОД НЕБОСКРЕБОВ

Еще в километре от Шибамы путник может не заметить этот колосс пустыни с десяти- и двенадцатиэтажными домами. Лишь миновав вад и приблизившись к оазису, мы замечаем его, словно он возник из-под земли. Желтые, бурые и белые фасады домов так сильно сливаются с песком и окружающими горами, что при определенном освещении город становится почти невидимым.

«Шибам» означает «юный» или «новый», хотя возник он много столетий назад. Его дома поднимаются из песка, образуя гигантскую квадратную глыбу. Но глыба эта не кажется монолитной; она состоит из сотен соединенных домов — крепостей. В отличие от многих арабских городов Шибам лишен городской стены, сами фасады зданий образуют стену. Нижний ряд окон находится на высоте нескольких метров от земли и служит бойницами; лишь в верхних этажах настоящие окна. Проникнуть в город можно только через несколько ворот. И хотя эти небоскребы построены не из железобетона, а из высушенной солнцем глины, они производят не менее солидное впечатление, чем гиганты «нового города» — Нью-Йорка.

На протяжении веков эта область была ареной ожесточенных схваток и битв. Племя воевало против племени, род — против рода, и чтобы выжить в этой непрерывной борьбе, надо было уметь обороняться. Когда враг напал, мужчины не выходили из домов, пока не составляли себе ясного представления о его силах, и лишь после этого переходили в контрнаступление. Женщины, напротив, свободно разгуливали по городу, так как согласно старинному арабскому обычаю на женщин нападать нельзя. Женщины могли пойти в оазис, принести воды и обеспечивали мужчин провиантом, пока длилась осада.

На улицах Шибамы сразу бросаются в глаза ка-

кие-то странные жерди, которые торчат из стен до-
мого на разной высоте и придают домам сходство
с ежом.

Это сточные трубы.

Прогулка по улицам Шибама не доставляет осо-
бого удовольствия: хотя часть нечистот впитывает-
ся в землю, воздух буквально пропитан миазмами.
К тому же, когда идешь по шибамской улице, ни
на миг не покидает чувство, будто находишься на
дне глубокого ущелья, куда не проникает солнце.

Улицы образуют невероятно острые углы и самые
неожиданные изгибы и повороты. В машине или по-
возке можно пробраться от ворот только до пло-
щади. На тесных улицах разминуться могут, да и то
с трудом, только пешеходы, а глубокие сточные ка-
навы посреди улицы вообще исключают езду на
колесах.

В центре Шибама, словно карлик среди великанов,
стоит мечеть. Она тонет в окружающих ее небос-
кребах, как церковь святой Троицы тонет на
Бродвее в Нью-Йорке.

В противоположность жилым домам, скучным и
серым, арабские мечети очень красочны. Изящная
отделка и стройные минареты делают их оазисами
красоты посреди каменной пустыни, в которой нет
ни одного зеленого дерева.

Единственное, что украшает дома Шибама, — это
входные двери, большие и тяжелые. Как правило, их
изготавливают из кедра, реже из пальмы, и покрыва-
ют замысловатой резьбой. Замки отличаются чрез-
вычайно сложным механизмом: ключом служит не-
что вроде деревянного гребня, с помощью которо-
го и открывается засов.

Оконные рамы тоже украшены резьбой, но сами
окна так малы, что если кто-то смотрит на улицу,
лицо закрывает весь оконный проем. На верхних
этажах в окнах висят соломенные шторы, спасаю-
щие жителей от солнечных лучей.

Однажды я заметил веревку, которая была натя-
нута над улицей между двумя зданиями на уровне
восьмого этажа. С помощью веревки обитатели со-
ответствующих квартир обмениваются продуктами
питания, табаком и другими не менее важными
вещами. Это весьма практичное приспособление из-
бавляет жителей верхних этажей от необходимости
бегать вниз и вверх по лестнице, когда надо одол-
жить что-нибудь у соседа.

Увидеть зеленые деревья можно лишь за горо-
дом, однако и здесь пальмы такие пыльные и вы-
сохшие, что больше похожи на деревья из пластика
или папье-маше, чем на живые растения.

Как и большинство других городов Аравии, Ши-
бам построен на небольшой возвышенности. Поэто-
му колодцы находятся за городом. Лишь при ме-
чети есть маленький колодец, но, естественно, свя-
тую воду из него нельзя употреблять на мирские
нужды. Поэтому весь день между городом и колод-
цами двигаются толпы женщин, одетых в синее.
Здесь, как и в других районах Саудовской Аравии,
самую тяжелую работу делают они.

У некоторых женщин я заметил на голове какие-
то странные предметы. Издали мне показалось, что
это колпаки, и лишь вблизи я понял, что это самая
обыкновенная жестяная воронка!

Когда женщинам нужно перелить воду из коло-
дезного бурдюка в свой собственный, они пользуют-
ся воронкой, чтобы не расплескать ни единой капли,
а когда бурдюк полон до краев, воронку надевают
на голову, и она защищает от солнца.

В оазисе самое большое уличное движение, ка-
кое возможно в пустыне, и громко ревущих ослов,

несущихся во весь опор, так и хочется сравнить
с нашими велосипедами, на которых укреплены ма-
ленькие моторчики. Но в самом городе жизнь
очень монотонна и бедна событиями. И поэтому на-
ше появление в городе вызвало немалый интерес.

В Шибама нет отелей, зато здесь есть один не-
обитаемый дом, который предоставляют в распоря-
жение путников. В это время в городе, кроме нас,
не было других иностранцев, и мы трое: Ниангара,
шофер и я — оказались во всем доме совершенно
одни.

Ходить по нему — все равно что блуждать в нед-
рах огромной горы. Температура воздуха здесь чу-
десная, как в прохладном гроте, но разобраться
в запутанном лабиринте коридоров и комнат не-
легко.

В доме семь этажей и невероятное количество
маленьких и больших комнат, не считая всевозмож-
ных кухонь и прачечных с крюками, на которые
можно вешать бурдюки с водой. Возле каждого
крюка устроено вентиляционное отверстие. Внеш-
няя поверхность бурдюка всегда немного влажна, и,
поскольку воздушная тяга усиливает испарение, вода
в бурдюке остается холодной.

Во время нашего путешествия Ниангара выполнял
обязанности повара, но, как только мы приехали
в Шибам, мы наняли по местным обычаям несколь-
ко слуг. Если нужно было принести мне стакан
воды, то Ниангара обегал в поисках кого-нибудь из
слуг весь дом — от первого до последнего этажа.

В ранние утренние часы весь оазис и город оку-
тан туманом из пыли. Как только забрезжит рассвет,
горы, окружающие город, образуют на фоне ут-
ренней зари самые фантастические силуэты, окра-
шенные в самые фантастические тона. Некоторые
из них еще совершенно черные, другие уже чуть
подсвечены солнцем, а третьи словно растворяются
в утреннем небе.

Оазис медленно просыпается. Сначала холодно,
но солнце быстро поднимается над горизонтом, и
в половине восьмого его лучи уже в полную силу
обжигают склоны гор. В один миг оазис приходит
в движение.

Рбыта-пастухи бегут рядом со своими козами
или гонят вниз по склону стада баранов. Стада эти
так велики, что напоминают гигантский оползень,
вдруг обрушившийся с гор на оазис. Одно стадо го-
нит красивая девочка лет четырнадцати; когда
я хочу сфотографировать ее овец, она сердито по-
ворачивается ко мне, и я спешу объяснить, что мне
нужны овцы, а не она.

В длинных черных покрывалах идут, спотыкаясь,
маленькие девочки; многие из них уже прячут ли-
цо под чадрой. Они направляются к колодцам или
просянным полям, где отпугивают нахальных во-
робьев.

Вот закрипели колодезные колеса, и день на-
чался.

При всяком удобном случае мы садимся в маши-
ну и совершаем долгие прогулки. Мы уезжаем в сто-
рону от селений, караванных троп и оазисов, туда,
где красота пустыни поистине чарующая. Это неист-
овая и в то же время полная гармонии симфония
красок и оттенков, каких не найти ни в Альпах, ни
в цветущей Флориде. Стоит окунуться в пустыню, и
вы чувствуете себя околдованным.

Надо сказать, что поездки по пустыне достаточно
сложны. Бешеный ветер ударяет в лицо и свирепо
впивается в кожу тысячами песчинок.

(Окончание на стр. 74)

Сибирь электрическая

Сибирское племя здоровое, рослое, умное... Так А. И. Герцен писал о правнуках русских землепроходцев.

Землепроходцами называют и нынешних сибиряков — старожилов края и его новоселов, приехавших сюда по призыву партии и комсомола. Землепроходцы... Слово это недаром молвится, хотя середина XX века придала ему особый смысл. Унаследовав черты первооткрывателей — энергию и отвагу, — нынешнее «племя» сибиряков обладает еще одной, рожденной эпохой, главной чертой: чувством хозяина страны.

Эти люди открыли Сибирь вторично и заново. Они начали новую историю края. Они подняли и электрическую «целину» Сибири.

Романтики, веселые жители палаточных городков, они приняли эстафету из рук отцов и деловито умножают наследство первых строителей советской Сибири. И рядом с легендарным Комсомольском рождается город добровольцев шестидесятых годов — Солнечный. Рядом с Норильском — Снежногорск. Рядом с Кузнецким металлургическим гигантом — Западно-Сибирский гигант.

Энтузиазм молодых строителей неугасим. Когда Братская ГЭС была построена, бригады и целые участки попросились на новую стройку — в Усть-Илим. Построив город, они снова рвались в палатки. Таков их характер: комсомольцы первыми хотят зажигать новые огни Сибири.

Сибирь электрическая

Только реки Сибири несут полтора триллиона киловатт-часов энергии в год, а на каждого сибиряка приходится миллион тонн потенциальных запасов угля. Это резервы энергетики. Резервы, которые вводятся в дело. Новым гидростанциям: Красноярской, Саяно-Шушенской, строящимся сейчас, — суждено превзойти Братскую, пока самую крупную на планете... Сибирь бьет свои же рекорды.

Сибирь, юная, жизнелюбивая, краснощекая, как та девушка-сибирячка, что на первой странице обложки нашего журнала, молодая, но возмужавшая Сибирь вступает в новую пятилетку.

«В Сибири все еще только начинается», — так говорят иногда сибиряки, патриоты края. Наверное, они не совсем правы. Пожалуй, они ошибаются. Но это ошибка оптимистов. Ошибка-мечта.

В Сибири все продолжается.

Продолжает наращивать мощь электрическая Сибирь. В ее истории есть свои знаменательные вехи. Вот некоторые даты из летописи Братска.

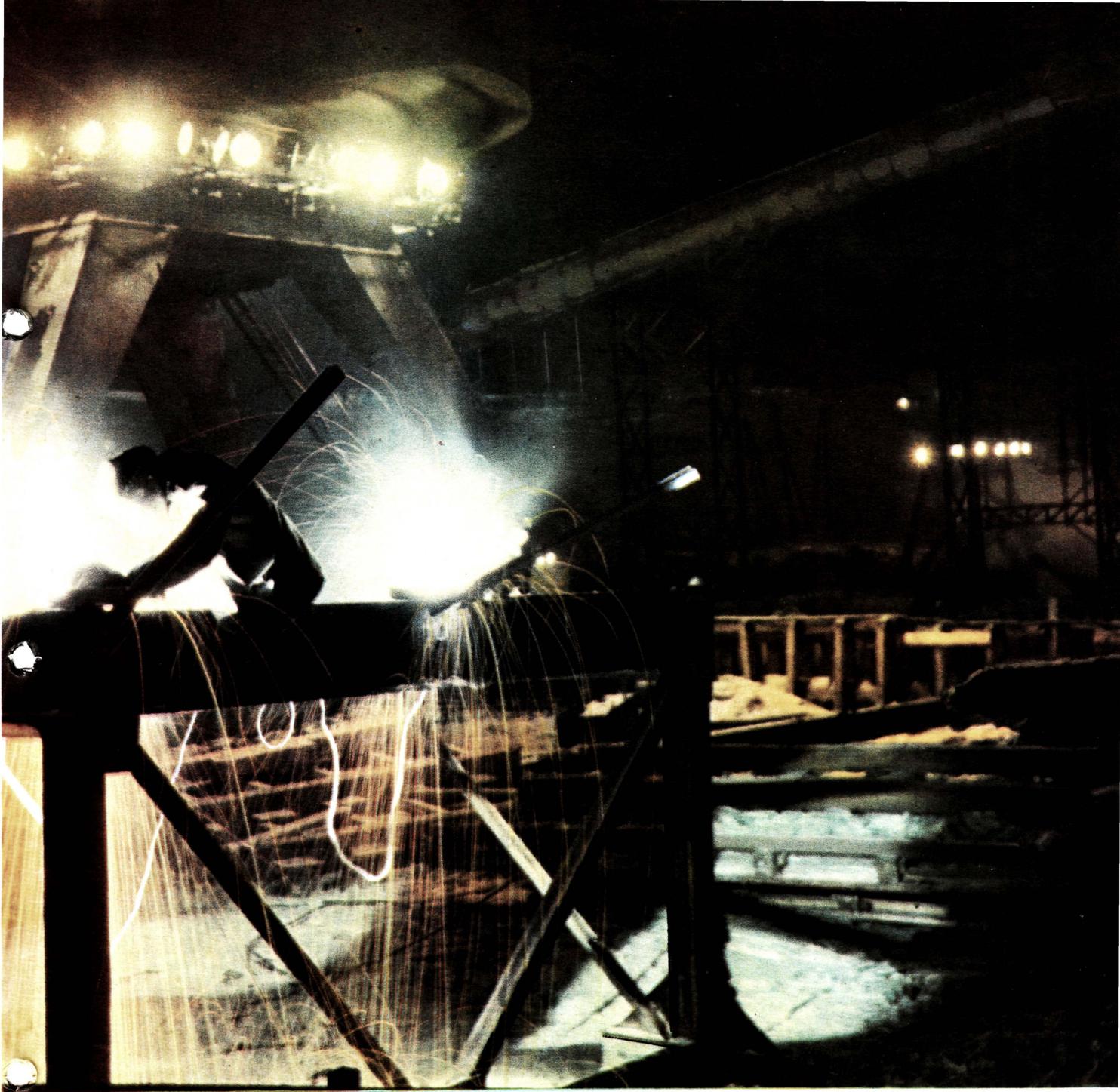
1956 год — первые строители ГЭС прибыли на берег Ангары. 1961 год — пущен первый агрегат. Весна 1964 года — станция достигла проектной мощности.

Но эпопея Братска повторяется. Только теперь у нее новый адрес — Усть-Илим. Первой на устьилимскую землю ступила бригада Иннокентия Перетолчина, братского ветерана. Братск послал сюда людей, механизмы, материалы, энергию по проводам

ЛЭП. Братск стал родителем новой станции. Мысу Толстому, около Усть-Илима суждена та же известность, что и мысу Пурсей у Братска: все ближе тот праздничный день, когда сюда съедутся гости посмотреть на третье перекрытие Ангары.

Такие моменты, наверное, никогда не станут будничными. История отмечает их с уважительной точ-

ностью: 17 часов 30 минут 25 марта 1963 года — перекрыт Енисей у Дивногорска. Эхо от грохота самосвалов, сбрасывавших в проран бетонные кубы, облетело весь мир. А на Енисее готовится новое чудо — мощнейшая Саяно-Шушенская ГЭС.

Впрочем, экономисты, люди деловые, сказали бы: чудес нет — просто в Сибири согласно планам со-

здаются крупные промышленные районы-комплексы, и электростанции будут их энергетическими сердцами. В Кузбассе за 30 лет выросли десятки заводов и шахт, новые города и поселки, население увеличилось в 300 раз — вот что такое «рождение комплекса». Теперь промышленные созвездия разгорятся еще ярче.

Джон Стейнбек

Бегство

Рисунки В. ЧЕРНЕЦОВА

Ферма семьи Торрес находилась на пустынном побережье мильх в пятнадцати от Монтерей¹ — несколько акров земли по горному склону над утесом, круто обрывающимся к коричневым рифам, к вспененным, свистящим волнам океана. За фермой вздымались к небу каменные гряды. Строения фермы, как цепкие травяные вши, лепились на склоне горы, так плотно прижатые к земле, будто ветер мог сдуть их в море. Небольшая лачуга и подгнивший, расшатанный амбар были до

Повесть Джона Стейнбека печатается в полном переводе по просьбе наших читателей.

¹ Монтерей — городок в Центральной Калифорнии, бывшая столица штата.

того изъедены морской солью и истрепаны влажными ветрами, что цветом своим стали неотличимы от гранитных холмов. Две лошади, рыжая корова с таким же рыжим телком, полдюжины свиней и стайка пестрых тощих кур составляли все богатство фермы. На бесплодном склоне удавалось выращивать лишь немного маиса, и рос он на ветру низким и густым, и все початки на стеблях были обращены в сторону прибрежных гор.

Матушка Торрес — тощая, иссохшая женщина с потухшими глазами — хозяйничала на ферме вот уже десять лет, с тех самых пор, как ее муж однажды споткнулся в поле о камень и плашмя рухнул на гремучую змею. Немногим можно помочь тому, кого кобра укусит в грудь.

У матушки Торрес было трое детей: двое темнокожих коротышек двенадцати и четырнадцати лет, Эмилио и Розы, которых она постоянно посылала удить рыбу возле рифов у подножия скалы — если, конечно, море было добрым и если школьный инспектор находился в отдаленной части округа Монтерей. И еще был Пэпé, стройный девятнадцатилетний юноша с вечной улыбкой на губах, кроткий и ласковый, но очень ленивый. С макушки вытанутой, заостренной кверху головы Пэпе во все стороны, как тростниковая крыша, свисали жесткие черные волосы. Чтобы они не заслоняли ему свет, мать выстригала челку над его маленькими, всегда улыбающимися глазами. У Пэпе были острые скулы индейца и орлиный нос, но рот был нежный и изящно очерченный, словно у девушки, а подбородок точеный и хрупкий. Он был неуклюж, долговяз, весь — ноги, и руки, и запястья, и очень ленив. Матери он казался красивым и смелым, но она никогда не говорила ему об этом. Она говорила: «Какая-то ленивая корова затесалась в родню твоего отца, иначе откуда бы у меня мог взяться такой сын?» И она говорила: «Когда я еще носила тебя, из кустов выскочил однажды и посмотрел на меня трусливый койот. Вот ты и получился таким».

Пэпе застенчиво улыбался и беспрестанно выкал в землю свой нож, чтобы он не ржавел и не тупился. Он достался ему по наследству, этот нож, нож его отца. Длинное тяжелое лезвие убиралось в черную рукоятку. На рукоятке была кнопка. Когда Пэпе надавливал кнопку, стремительно выскакивало готовое к действию лезвие. Пэпе не расставался с ножом, потому что это был отцовский нож.

Однажды солнечным утром, когда море под скалами светилось и голубело и белая полоса приборя пенилась на рифах, когда даже каменные громады гор казались добрыми, матушка Торрес крикнула из дверей хижины:

— Пэпе, у меня есть дело для тебя!

Ответа не было. Мать прислушалась. Взрыв смеха донесся из-за амбара. Она приподняла свою широкую длинную юбку и направилась в сторону шума.

Пэпе сидел на земле, опираясь спиной о ящик. Его белые зубы сверкали. По обе стороны от него стояли двое темнокожих малышей, возбужденные и выжидающие. Футы в пятнадцати торчал из земли обрубок секвойи. Правая рука Пэпе вяло лежала на коленях, в ладони покоился большой черный нож. Лезвие было убрано в рукоятку. Улыбаясь, Пэпе поглядывал на небо.

Вдруг Эмилио крикнул:

— Йя!

Кисть Пэпе дернулась, как голова змеи. Лезвие,

казалось, само раскрылось в воздухе, его острее, глухо стукнув, вонзилось в секвойю, черная рукоятка мелко дрожала. Все трое разразились восторженным смехом. Розы подбежала к обрубку, выдернула нож и принесла его Пэпе. Убрав лезвие, он бережно опустил нож на безжизненную ладонь. При этом он смущенно улыбался, глядя в небо.

— Ия!

Вновь метнулся тяжелый нож и вонзился в обрубок. Мать двинулась вперед, как корабль, и расстроила всю игру.

— Целый день ты дурачишься с ножом, как маленький, — бушевала она. — Встань на свои длинные ножищи, которые только и способны, что изнашивать обувь. Встань же! — Она ухватила его вялое плечо и потянула вверх. Пэпе застенчиво ухмыльнулся и нехотя встал. — Слушай, бездельник! — кричала мать — Ты должен поймать лошадь и взять отцовское седло. Ты должен съездить в Монтерей. Лекарство кончилось, и в доме нет ни крупицы соли. А ну, пошевеливайся, пустая голова! Поймай лошадь.

В расслабленном теле Пэпе произошла мгновенная перемена:

— В Монтерей? Я? Один? Si¹, мама?

Она нахмурилась:

— Не думай, баранище, что ты едешь за сладостями. Нет, я дам тебе только на соль и лекарство.

— Мама, а ты позволишь повязать шляпу лентой? — улыбнулся Пэпе.

— Да, Пэпе. Можешь повязать ее лентой, — смягчилась она.

Голос его стал вкрадчивым:

— И надеть зеленый платок, мама?

— Да, если ты общаешься быстро собратиться и вернуться без приключений, можешь взять и зеленый шелковый платок. Если только ты не забудешь снимать платок на время еды, чтобы на нем не было ни единого пятнышка.

— Si, мама. Я буду осторожен. Я мужчина.

— Ты? Мужчина? Пустышка ты.

Он вошел в ветхий амбар, вынес веревку и с несвойственной ему живостью направился вверх по склону — ловить лошадей.

Когда он был готов и перед дверью хижины вскочил в седло — в отцовское седло, такое старое, что кожа во многих местах совсем истерлась и виден был дубовый каркас, — тогда мать вынесла черную круглую шляпу с тисненой кожаной лентой и, встав на цыпочки, повязала вокруг его шеи зеленый шелковый платок. Его синяя из чертовой кожи куртка была намного темнее штанов, потому что стирали ее гораздо реже.

Мать вручила ему бутылку на лекарства и несколько серебряных монет.

— Это на лекарство, — сказала она, — а это на соль. Это на свечу, которую ты поставишь за упокой души твоего отца. Это на dulces² для малышей. Наш друг миссис Родригес накормит тебя обедом и, может быть, приютит тебя на ночь. Когда пойдешь в церковь, прочитай только десять раз Pater Noster и только двадцать пять — Ave Maria³. Я-то тебя знаю, койотище! Будешь сидеть в церкви целый день, бормотать Ave и разглядывать свечи и изображения святых. Набожный человек не пялит глаза на красивые вещи.

¹ Si — да (испан.).

² Dulce — сладости (испан.).

³ Pater Noster и Ave Maria — католические молитвы (латин.).

Черная шляпа, скрыв остроконечную макушку Пэпе и его черные всклокоченные волосы, придала ему достоинство и солидность. Он хорошо сидел на мускулистой лошади. Мать подумала о том, как он красив — смуглый, и стройный, и высокий.

— Я бы ни за что не послала тебя одного, малыш, если бы не лекарство, — сказала она нежно. — Нехорошо, когда в доме нет лекарства. Мало ли что может приключиться — заболят зубы или живот схватит. Всякое бывает.

— Adios¹, мама! — крикнул Пэпе. — Я скоро вернусь. Ты можешь всегда посылать меня одного. Я уже мужчина.

— Ты просто глупый цыпленок.

Он расправил плечи, хлестнул поводом по шее лошади и тронулся в путь. Оглянувшись, он увидел, что все они смотрят ему вслед: Эмилио, и Розы, и мать. Пэпе улыбнулся горделиво и радостно и перевел на рысь свою крепкую гнедую лошадь.

Когда он скрылся в ложбине, мать повернулась к смуглым малышам, но заговорила так, будто думала вслух.

— Он почти мужчина уже, — сказала она. — Как будет хорошо, когда в доме опять появится мужчина! — Она строго посмотрела на детей. — Ступайте теперь на берег. Начинается отлив. У скал можно будет набрать раковин.

Она дала им железные крючья и проводила их вниз по крутой тропе, ведущей к рифам. Затем она вынесла к порогу гладкий каменный metate², села и начала размалывать маис, время от времени поглядывая на дорогу, по которой уехал Пэпе. Прошел полдень и приближался уже вечер; малыши вернулись с раковинами и принялись колотить их о камень, чтобы они стали нежнее на вкус, а мать начала раскатывать tortillas³, чтобы они сделались тоньше. Они пообедали, когда багровое солнце уже погружалось в океан. Сидя на ступенях у входа в хижину, они смотрели на огромную бледную луну, поднимавшуюся из-за горных вершин.

— Сейчас он в доме нашего друга миссис Родригес. Она вкусно накормит его и, может быть, подарит что-нибудь, — сказала мать.

— Когда-нибудь я тоже поеду в Монтерей за лекарством. Правда, Пэпе сегодня стал мужчиной? — сказал Эмилио.

— Юноша становится мужчиной, когда в доме нужен мужчина. Запомни это. Я знавала сорокалетних, которые так и остались мальчишками, потому что не было нужды в мужчинах, — мудро сказала мать.

Вскоре они отправились спать; мать легла на дубовую кровать у одной стены, Эмилио и Розы — на свои устланные соломой и овечьими шкурами топчаны — у противоположной.

Луна двигалась по небу, у скал грохотал прибой. Пропели первые петухи. Грохот прибоя сменился легким шепотом волн. Луна опускалась в море. Снова пропели петухи.

Луна уже почти касалась воды, когда Пэпе на загнанной лошади подъехал к дому. Навстречу ему выскочила собака и закружилась у его ног, радостно повизгивая. Пэпе соскользнул с седла. В лунном сиянии ветхая хижина казалась серебряной, и ее квадратная тень чернела к северо-востоку. На востоке в утренней дымке неясно темнели громады гор; вершины их словно таяли в небе.

¹ Adios — до свидания (испан.).

² Metate — жернов (испан.).

³ Tortilla — пресная лепешка (испан.).

Пэпе устало поднялся по трем ступеням и вошел в дом. Внутри было темно. В углу послышался шорох.

Мать окликнула его из постели:

— Кто это? Ты, Пэпе?

— Si, мама.

— Ты привез лекарство?

— Si, мама.

— Хорошо, тогда ложись спать. Я думала, ты переночуешь у миссис Родригес. — Пэпе молча продолжал стоять в темной комнате. — Что ты стоишь, там, Пэпе? Ты пил вино?

— Si, мама.

— Хорошо, раздевайся тогда и проспись.

Голос его звучал устало и сдержанно, но очень настойчиво:

— Зажги свечу, мама. Я должен уйти в горы.

— Что случилось, Пэпе? Ты с ума сошел! —

Мать циркнула серной спичкой и выждала, пока голубой венчик не охватил всю спичку. Тогда она зажгла свечу, стоявшую на полу возле кровати. — Ну, Пэпе? Объясни, в чем дело. — Она тревожно взглянула ему в лицо.

Он стал другим. Подбородок его уже не казался таким хрупким. Исчезла припухлость рта, выпрямилась линия губ, но больше всего изменились глаза. В них уже не было ни веселья, ни робости. Они были зорки, ясны и полны решимости.

Ровным, усталым голосом он рассказал ей все, рассказал именно так, как это случилось. Несколько человек собрались в кухне миссис Родригес. Было вино. Пэпе выпил вина. Ссора из-за пустяка — человек кинулся к Пэпе, и тогда нож — он вылетел почти что сам. Он сверкнул, он метнулся раньше, чем Пэпе осознал это. По мере того как Пэпе говорил, лицо матери становилось все суровее и, казалось, худело на глазах.

— Я теперь мужчина, мама. Он обругал меня такими словами, что я не мог стерпеть, — закончил Пэпе.

Мать кивнула:

— Да, ты мужчина, мой маленький, бедный Пэпе. Ты мужчина. Я видела, что ты становишься мужчиной, видела, как ты втыкал этот нож в столб, и мне становилось страшно. — На миг лицо ее смягчилось, но тут же посуровело вновь. — Хватит! Нам надо собрать тебя. Разбуди Эмилио и Рози. Живо!

Пэпе шагнул в угол, где на овечьих шкурах спали брат и сестра. Он нагнулся и осторожно растолкал их:

— Эй, Рози! Эй, Эмилио! Мама велит вам вставать.

Смуглые малыши сели на своих постелях и в мерцании свечи начали протирать глаза. Мать уже стояла возле кровати в длинной черной юбке поверх ночной сорочки.

— Эмилио, — крикнула она, — поднимайся, поймаешь другую лошадь для Пэпе! Живо, слышишь? Живо!

Эмилио сунул ноги в комбинезон и, сонно спотыкаясь, вышел.

— На дороге никто не гнался за тобой? — спросила мать.

— Нет, мама. Я внимательно прислушивался. На дороге не было никого.

Мать металась по комнате, как птица. С гвоздя на стене она сняла брезентовый мешок для воды и бросила его на пол. Сорвала со своей постели одеяло, туго скатала его и завязала концы бечевой.

Из ящика возле плиты вытащила мешок из-под муки, до половины набитый черными длинными ломтами вяленого мяса.

— Плащ твоего отца, Пэпе. Надень его.

Пэпе стоял посреди комнаты, наблюдая за ее стремительными движениями. Из-за дверей она извлекла длинноствольную винтовку 38-го калибра; ствол ее был до блеска истерт. Пэпе взял ее у матери и положил на согнутую в локте руку. Мать принесла небольшую кожаную сумку и отсчитала ему в ладонь патроны.

— Остался всего десяток, — предостерегла она сына. — Не трать их попусту.

Эмилио всунул голову в дверь:

— 'Qui'st 'l caballo', мама.

— Возьми седло с той лошади. Приторочь к нему одеяло. И еще — привяжи мясо к луке седла.

Пэпе стоял по-прежнему молча, наблюдая за лихорадочной деятельностью матери. Подбородок его был тверд, губы тонки — так крепко сжал он свой пухлый рот. Маленькие глазки подозрительно следили за каждым движением матери.

— Куда едет Пэпе? — тихо спросила Рози.

Глаза матери стали жесткими.

— Пэпе уезжает в дальнюю дорогу. Пэпе теперь мужчина. Он должен делать мужское дело.

Пэпе выпрямил плечи. Очертания рта вдруг изменились так, что он стал похож на мать.

Наконец приготовления были закончены. Навьюченная лошадь стояла у порога. Капли воды из мешка отметили плечо гнедого влажной полоской.

Лунный свет померк перед зарей, и огромная белая луна почти касалась моря. Вся семья стояла у входа в хижину. Мать посмотрела в лицо Пэпе:

— Слушай, сын мой! Не останавливайся, пока опять не стемнеет. Не спи, даже если ты и устанешь. Заботься о лошади, чтобы она не выбилась из сил и не стала. Помни, что надо беречь пули — их всего десять. Не набивай живот вяленым мясом, не то заболеешь. Ешь мясо понемногу и заедай обязательно травами. Когда доберешься до высоких гор, то, если заметишь темнокожих стражников, не приближайся к ним и не пытайся заговорить с ними. И не забывай молиться.

Она положила свои худые руки на плечи Пэпе, привстала на цыпочки и торжественно поцеловала его в обе щеки, и Пэпе поцеловал ее в обе щеки. Затем он подошел к Эмилио и Рози и также поцеловал брата и сестру в обе щеки.

Пэпе вновь повернулся к матери. Казалось, он хотел увидеть хоть немного нежности, хоть маленькую слабость в ней. Глаза его пылливо разглядывали лицо матери, но оно было все так же сурово.

— Теперь поезжай, — сказала она. — Не медли, не то тебя схватят, как цыпленка.

Пэпе вскочил в седло.

— Я мужчина, — сказал он.

День только зарождался, когда он стал подниматься по склону холма к небольшому каньону, откуда тропа вела дальше, в горы. Свет луны все еще боролся с дневным светом, и их соперничество ухудшало видимость. Пэпе не успел отъехать и сотни ярдов, как его очертания стали туманными; и еще задолго до того, как он въехал в каньон, он превратился в серую бесформенную тень.

Мать изваянием стояла на пороге, по бокам стояли Эмилио и Рози. Время от времени они украдкой поглядывали на мать.

1 'Qui'st 'l caballo — вот лошадь (испан.).

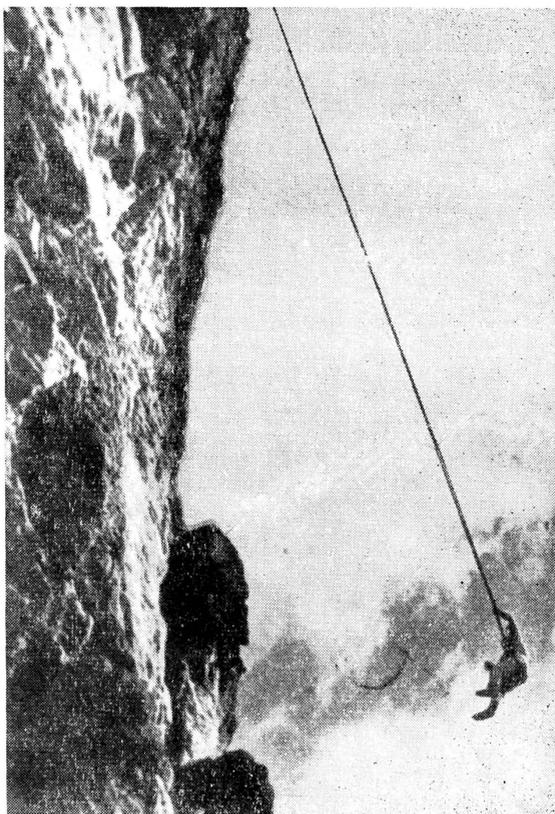
ПРОИСШЕСТВИЯ

Две головы появляются на вершине скалы. Люди смотрят вниз, на ревущее море, на острые скалы, о которые дробятся волны, на карнизы с белеющими точками птичьих гнезд. Сейчас начнется «горный слалом»...

Исландия — один из больших островов Северной Атлантики. Жители заселяют в основном побережье. Когда-то, давным-давно, первых поселенцев кормило море и прибрежные скалы. Знаменитые птичьи базары кольцом окружали страну. Но и сейчас каждую весну более 230 различных видов птиц прилетают к скалам Исландии. И с давних времен жители острова использовали этот природный птичник. Существовал целый промысел сборщиков свежих яиц, правда, доступ к гнездам был открыт лишь тем, кто обладал изрядным запасом силы и ловкости.

...Снасть у любителей свежих яиц довольно простая: мешок за плечами и связка прочного каната. И конечно, нужен напарник с литыми мускулами и ясной головой. Когда раскачиваешься между небом и землей, вернее, между небом и острыми скалами, в которые океан с размаху швыряет волну за волной, нужно твердо знать, что рука на том конце каната не дрогнет.

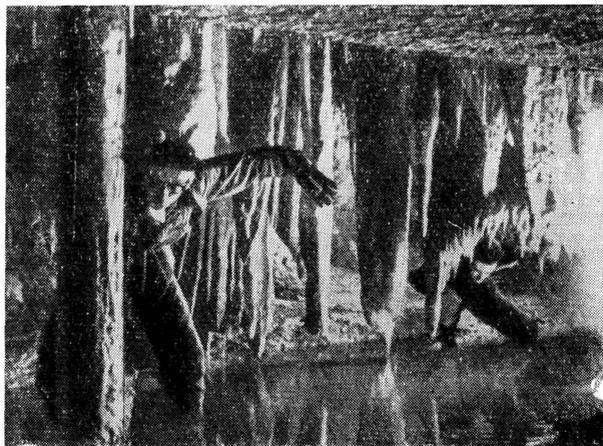
Сейчас людей со связкой каната можно увидеть на прибрежных скалах Исландии не только весной. Азарт скалолазания заразителен. Среди туристов тоже встречаются любители острых ощущений. Древний промысел становится своеобразным аттракционом: летишь, и проsto дух захватывает!

Люди бредут по колено в воде. Спускаются все ниже и ниже. В царство вечной ночи их ведет река. Но кто знает, где кончится путь? Впереди что-то тяжело рухнуло в воду, в ноги плеснула упругая волна: глыба камня или таинственное существо, навечно поселившееся во мраке пещеры. Мощный сноп света не может побороть темноту. Тяжелую и загадочную... На каждом шагу людей подстерегают опасности мира мрака и безмолвия. Каменные зубы огромных сталактитов рвут одежду и снаряжение. Путь преграждают осыпи из многочисленных камней. Тихая река временами убыстряет свой бег и свивается в стальные мускулы беснующихся водоворотов. Вода под землей непроницаема, черна и таинственна... Но вот река кончается, впереди зеркальная поверхность подземного озера. Так проходили исследования пещеры Аггтелек, расположенной в горах северной Венгрии.

Сорок тысяч лет тому назад она впустила под своды своих первых «исследователей». Сюда, спасаясь от пронизывающего дыхания северного ледника, вполз лохматый обмороженный человек. Отогрелся и привел свое племя. Не раз еще пещера служила первобытному человеку. Потом ее открыли вторично, уже в наши дни.

...Сказочные подземные дворцы, запутанные галереи, узкие извилистые лазы, сверкающие кальцитовые драпировки и занавеси, белоснежные сосульки сталактитов и нерукотворные сталагмитовые башни. Перед туристами пещера открыла неповторимое...

Когда серый силуэт Пэпе растворился в холмах и исчез, мать вдруг обмякла. Высоким, жалобным голосом завела она похоронный плач.

— Прекрасный наш, храбрый наш, — причитала она. — Защитник наш, сын наш ушел от нас.

— Прекрасный наш, храбрый наш. Он ушел от нас, — вторили ей Эмилио и Роза.

Это был традиционный плач по умершему. Он поднимался до пронзительного вопля и падал до глухого стога. Три раза мать повторила этот вопль, затем повернулась, вошла в дом и закрыла за собой дверь.

Эмилио и Роза стояли растерянные в свете замигающего дня. Из дому до них доносились рыда-

ПРИКЛЮЧЕНИЯ

**ОСТРЫЕ СКАЛЫ — ОСТРЫЕ ОЩУЩЕНИЯ
В ПОИСКАХ ПОДЗЕМНЫХ ДВОРЦОВ
ОГНЕННЫЙ ШЛЕЙФ НАД САН-ФРАНЦИСКО**

ГДЕ·КОГДА·ПОЧЕМУ·ГДЕ·КОГДА·ПОЧЕМУ

ГДЕ·КОГДА·ПОЧЕМУ·ГДЕ·КОГДА·ПОЧЕМУ

ния матери. Они направились к утесу над океаном. Они сидели, касаясь друг друга плечами.

— Когда Пэпе стал мужчиной? — спросил Эмилио.

— Прошлой ночью, — сказала Роза. — Прошлой ночью, в Монтерее.

Солнце, поднимаясь из-за гор, окрасило багрецом облака над океаном.

Пока туристы осваивают царство Плутона, спелеологи отвоевывают у мрака новые подземные дворцы. Не так давно вблизи пещеры Аггтелек они открыли новую гигантскую полость — «Пещеру мира». Она не менее красива, чем Аггтелек, но имеет мягкий климат, постоянную температуру во все времена года, ионизированный воздух. По мнению специалистов, у пещеры большое будущее: она является идеальным курортом и лечебницей для больных астмой и другими хроническими недугами дыхательных путей.

По всем законам вероятности этот снимок самолета должен был навсегда остаться внутри фотоаппарата, расплющенного о холм в окрестностях Сан-Франциско или покоящегося на дне Тихого океана. Однако любитель-фотограф, как и остальные 152 человека, находившихся на борту «боинга-707» авиакомпании «Пан-Америкен» живут и здравствуют и по сей день». (Из репортажа в журнале «Лайф».)

«Теоретически самолет должен был разбиться». (Из заявления представителя авиакомпании «Боинг».)

«Господа, у нас на борту небольшая неприятность... Впрочем, я бы не сказал, небольшая...» (Объявление бортового радио. Общий смех в салоне самолета.)

Что же произошло с «боингом-707»? В два часа одиннадцать минут пополудни самолет рейса 843 поднялся с аэродрома Сан-Франциско и взял курс на Гонолулу. Через две минуты он уже был на высоте двухсот пятидесяти метров. Неожиданно из мотора, расположенного на правом крыле, вырвался язык пламени.

— Вдруг самолет сильно тряхнуло, — рассказывал потом журналистам капитан Чарльз Каймз. — Кабина пилота была с левосторонним обзором, и он не видел, что же произошло с правым крылом. Я подумал, что мы потеряли часть крыла, — продолжал капитан, — и попытался выправить самолет из сильного крена.

На самом же деле они потеряли правый двигатель. Он упал в южном районе Сан-Франциско, прошив стену пустого в то время магазина.

Пожар погасить не удавалось — автоматические огнетушители не справлялись, — и за самолетом по-прежнему тянулся черный шлейф дыма. «Будем садиться в Тихий», — сообщил команде капитан. Однако вскоре самолет, хотя и с трудом, вышел из крена. Теперь с помощью руля высоты и левого элерона Каймз держал машину в равновесии. «Пожалуй, мы обойдемся без ныряния», — сказал Каймз и приказал установить связь с авиавоздушной базой «Трэвис».

Новая беда: отказала гидравлическая система выпуска шасси. В конце концов их все же опустили и закрепили вручную, спустившись в люк. И вот в два часа тридцать минут — через двадцать четыре минуты после старта — самолет, сделав второй круг над аэродромом (вот уж истине если не везет, так не везет — полоса оказалась занятой), коснулся бетона.

Причина пожара осталась в общем-то неясной. Капитан Каймз предполагает, что в турбину двигателя попала птица.

— Мы сегодня не будем завтракать, — сказал Эмилио. — Мама не захочет готовить. — Роза не ответила ему. — Куда же уехал Пэпе? — спросил он.

Роза оглядела его. Мудрость свою она почерпнула неизвестно откуда, из неподвижного воздуха.

— Он уехал в дальнюю дорогу. Он уже никогда не вернется.

— Он умер? Ты думаешь, он умер?
Рози вновь посмотрела на океан. Небольшой пародход с тянущейся за ним ниточкой дыма виднелся на горизонте.
— Он не умер, — пояснила Рози. — Еще нет.

Свою длинную винтовку Пэпе держал перед собой, положив ее поперек седла. Он предоставил лошади подниматься по склону холма и не оглядывался. Каменистый скат был покрыт лишь зарослями низкорослого кустарника, так что Пэпе без труда отыскал начало тропы и въехал на нее.

У самого устья каньона он впервые посмотрел назад, но предвечерние сумерки уже поглотили постройку. Резким движением Пэпе отвернулся. Высокие стены каньона сомкнулись за ним. Лошадь вытянула шею и, шумно вздохнув, зашагала по тропе.

Это была хорошо утоптанная тропа — темный, мягкий перегон, усеянный обломками песчаника. Тропа обогнула выступ каньона и круто спустилась к ложу горного потока. В мелких местах вода спокойно переливалась, поблескивая в первых лучах утреннего солнца. Небольшие обкатанные камни на дне были, как ржавчиной, покрыты коричневым мхом. На песчаных берегах росла высокая, густая дикая мята, а в самой воде, на старых и жестких водорослях, обильно вызревали семена.

Тропа вела прямо в поток и возникла вновь на другом берегу. Лошадь зашлепала по воде и остановилась. Пэпе бросил поводья, чтобы животное смогло напиться проточной воды.

Вскоре стены каньона стали почти отвесными, и первые исполинские часовые — секвойи с необъятными круглыми красными стволами и зеленой, кружевной, как у папоротника, листвой встали на охрану тропы. Едва Пэпе въехал в гущу деревьев — солнце исчезло. Насыщенный пряными запахами багряный свет лежал на бледной зелени подлеска. Кусты ежевики, крыжовника и заросли папоротника тянулись вдоль потока, а над головой, закрывая небо, смыкались ветви секвойи.

Пэпе отхлебнул из мешка с водой, потом запустил руку в другой и извлек черный лоскут сушеного мяса. Белыми зубами он грыз жесткое мясо до тех пор, пока не отделился кусок. Жевал он медленно, временами запивая мясо водой... Маленькие глаза его смотрели сонно и устало, но мускулы лица были по-прежнему напряжены.

Земля на тропе стала теперь совсем черной. Ударты копыт по ней звучали глухо.

Ложе потока поднималось все круче. Небольшие водопады разбивались о камни. Пятипалые листья папоротников клонились над водой, и с кончиков их стекали мелкие капли. Пэпе сидел свободно, сдвинувшись в седле, одна его нога болталась в воздухе. С лаврового дерева, росшего возле тропы, он сорвал лист, подержал его во рту, чтобы заглушить вкус сухого мяса. Винтовка была небрежно перекинута через переднюю луку.

Внезапно Пэпе подобрался в седле, свернул с тропы и, потораливая лошадь ударами каблучков, направил ее за толстый ствол секвойи. Он туго натянул поводья, оттягивая мундштук, чтобы лошадь не могла заржать. Лицо его стало напряженно-внимательным, ноздри чуть вздрагивали.

Глухой топот копыт послышался с тропы, и мимо проехал всадник — тучный, краснощекий человек с седой щетиной на подбородке. Лошадь его, порав-

нявшись с тем местом на дороге, где свернул Пэпе, отпустила голову и заржала.

— Пошла, пошла! — прикрикнул на нее всадник. Когда топот копыт замер вдали, Пэпе вновь въехал на тропу. Но теперь он уже не расслаблялся в седле. Он поднял винтовку и щелкнул рукояткой затвора, досылая в патронник патрон, а затем поставил курок на предохранитель.

Тропа становилась все круче. Секвойи были уже не так высоки, и вершины их иссохли там, где их достигали ветры. Лошадь брела понуро. Солнце, медленно двигаясь над головой, стало клониться за полдень.

В том месте, где поток вытекал из бокового ущелья, тропа сворачивала в сторону. Пэпе спешился, наполнил лошадь, наполнил водой мешок. Едва только тропа отделилась от потока, деревья исчезли, лишь густой ломкий шалфей, манцанита и чаппараль росли вдоль нее. Мягкий чернозем также исчез, сменившись рыжеватой битой щебенкой в проезжей части тропы. Ящерицы поспешно улепетывали в кустарник, когда мелкие камни похрустывали под копытами лошади.

Пэпе повернулся в седле и посмотрел назад. Он был теперь на открытом месте: его могли увидеть издали. По мере того как он подымался вверх по тропе, природа становилась все более дикой, угрюмой, бесплодной. Тропа вилась у подножий огромных кубических скал Серые кролики шныряли в кустарнике. Какая-то птица издавала резкий однотонный крик. К востоку, в лучах заходящего солнца видны были голые скалистые вершины, тусклые и иссушенные. Лошадь брела по тропе все вверх и вверх — к небольшой выемке в горной цепи; это был перевал.

Пэпе то и дело подозрительно оглядывался, глаза его обшаривали вершины горных хребтов впереди. На белом и голом выступе он заметил черную фигуру, но тут же поспешно отвернулся, так как это был один из темнокожих стражников. Ни один человек не знал, кто были эти стражники или где они жили, но лучше было не замечать их и никак не проявлять любопытство. Они не тревожили тех, кто не сходил с тропы и занимался своим делом.

Раскаленный воздух был полон тончайшей пыли, сдуваемой ветром с выветривающихся гор. Пэпе скупо отпивал из мешка, каждый раз тщательно закупоривал его и вновь вешал на луку седла. Тропа подымалась по бесплодному сланцеватому склону, огибая скалы, ныряя в расщелины, карабкаясь вверх и вниз вдоль старых промонн. Достигнув первого перевала, Пэпе остановился и долго разглядывал пройденный путь. Черных стражников нигде не было видно. Тропа позади была пустынна. Только верхушки секвой указывали, где протекал горный поток.

Пэпе тронулся дальше, через перевал. Маленькие его глаза закрывались от усталости, но лицо оставалось суровым, непреклонным и мужественным. Ветер с высоких гор, шелестя, спускался вдоль ущелья и свистел, завихряясь, у граней гранитных глыб. В небе над самым гребнем гор парил краснохвостый ястреб, время от времени вскрикивая пронзительно и недовольно. Пэпе миновал ущелье, окруженное острыми, изломанными скалами, и взглянул вниз.

Тропа круто шла под уклон, извиваясь среди выщербленных скал. У подножья горы пролегало пересохшее ложе ручья, густо заросшее кустарником, а по другую сторону русла тянулась небольшая ложбинка с дубовой рощицей в середине. Узкий зеле-

ный луг, как шрам, пересекал ложбину. А дальше, за ложбиной, опять подымалась гора, унылая, усеянная мертвыми скалами, покрытая кое-где чахлыми, черными кустами. Пэпе вновь отпил из мешка — воздух был так сух, что ноздри его пересохли и губы запеклись. Он пустил лошадь вниз по тропе. Оскальзываясь на крутом спуске, она осторожно переставляла ноги, и небольшие камни откатывались в кусты из-под ее копыт. Солнце уже скрылось за вершиной на западе, но лучи его яркими бликами еще сверкали в траве и дубовой роще внизу. Скалы и горные склоны продолжали излучать волны тепла, накопленного за день.

Подняв голову, Пэпе посмотрел на ближний, выжженный солнцем хребет. Он увидел на фоне неба черной силуэт человека, стоявшего на вершине скалы, и сразу отвернулся, чтобы не показаться любопытным. Когда, мгновение спустя, он вновь посмотрел наверх, человек уже исчез.

Спуск он преодолел быстро. Временами лошадь осторожно искала место, куда бы ей поставить копыто, временами расставляла ноги и соскальзывала вниз. Наконец они достигли подножья горы, где темные кусты чаппарала скрывали Пэпе с головой. Держа ружье в одной руке, другой он защищал лицо от острых, хрупких пальцев кустарника.

Перебравшись через русло пересохшего ручья, он поднялся по крутому откосу. Перед ним лежала заросшая травой ложбина, а за ней — круглые, приветливые, манящие к себе дубы. Несколько мгновений он внимательно разглядывал тропу, по которой только что спустился, но на ней все было тихо и безлюдно. Наконец он въехал в ложбину, к зеленой заболоченной полосе, и на дальнем ее конце обнаружил родничок, бьющий из-под земли и вливающийся в небольшой водоем, откуда вода просачивалась по всей ложбине.

Прежде всего Пэпе наполнил мешок и лишь после этого позволил напиться лошади. Он провел ее к группе дубков в середине рощицы, надежно, со всех сторон, защищенной от чужих взглядов, снял с лошади седло и уздечку и сложил их на земле. Лошадь из стороны в сторону шевельнула челюстью и зевнула. Один конец повода Пэпе завязал вокруг ее шеи, а другой прикрепил к молодому деревцу так, чтобы лошадь могла пастись на достаточной большой площадке.

Когда она принялась жадно щипать сухую траву, Пэпе подошел к седлу, вынул из мешка черную полосу вяленого мяса и неторопливо вернулся к одному из дубов на опушке, откуда мог наблюдать за тропой. Он уселся среди хрустящих сухих дубовых ветвей и привычно потянулся за своим большим черным ножом, чтобы разрезать мясо, но ножа не было. Он лег и, опершись на локоть, начал грызть твердое, жесткое мясо. Лицо его ничего не выражало, но это было лицо мужчины.

Яркий вечерний свет заливал восточный хребет, но в долине уже темнело. Голуби слетались к роднику с ближних холмов; из рощицы выбежал перепел и присоединился к ним, и их перекличка отчетливо звучала в тишине.

Уголком глаза Пэпе заметил тень, возникшую из зарослей пересохшего русла ручья. Медленно он повернул голову. Прижимаясь брюхом к земле, большая пятнистая рысь ползла к ключу, двигаясь бесшумно, как мышь.

Пэпе взвел курок, осторожно развернул ствол винтовки. Потом опасливо взглянул на тропу и вновь поставил курок на предохранитель. С земли позади

себя он подобрал дубовую ветку и швырнул ее в сторону ключа. Тяжело поднялся в воздух перепел, со свистом разлетелся голуби. Рысь поднялась на ноги; она долго разглядывала Пэпе холодными желтыми глазами и затем бесстрашно зашагала назад, к руслу ручья.

В глубокой долине сумерки сгушались быстро. Пэпе пробормотал молитву, положил голову на руку и мгновенно уснул.

Взошла луна и наполнила долину холодным голубым светом; с горных вершин, шурша, налетел ветер. Вдоль горных склонов летали вверх и вниз совы в поисках кроликов. Внизу, в кустарнике, бормстал койот. Ночной ветерок тихо шелестел в верхушках дубов.

Пэпе резко поднялся, прислушиваясь. Его лошадь тихо заржала. Луна опускалась уже за западный гребень, и долина погружалась во тьму. Пэпе сидел, напряженно сжимая винтовку. Издали, с верхней части тропы, донеслось ответное ржание и хруст щебеня под подковками. Пэпе вскочил, бросился к своей лошади, отвел ее под деревья. Он быстро оседлал ее, туго затянул подпругу, как делают в горах, когда предстоят крутые подъемы и спуски, поймал голову лошади и, преодолевая ее сопротивление, взнузд. Он ощупал седло и убедился, что сумка с мясом и мешок с водой на месте. Затем, вскочив в седло, он двинулся вверх по склону холма.

Ночь была непроницаемо черна. Лошадь нашла начало тропы, выводящей из ложбины, и стала подниматься, оступаясь и скользя на камнях. Пэпе дотронулся до головы. Шляпы не было. Она осталась под дубом.

Лошадь поднялась уже далеко вверх по тропе, когда появились первые предвестники рассвета — серо-стальные сумерки, смесь света и мрака. Постепенно на фоне неба стали вырисовываться резкие очертания горного хребта — гранитные зубцы, выщербленные и источенные ветрами тысячелетий. Пэпе бросил поводья на луку седла, предоставив лошади самой выбирать дорогу. Колочки кустарника, невидимые в темноте, цеплялись за его ноги, и штаны уже порвались на клене.

Мало-помалу, переливаясь через горный хребет, свет просачивался в долину. Скалы и чахлый кустарник возникали в призрачном полумраке, причудливые и одинокие в горных высях. Вместе со светом пришло тепло. Пэпе придержал лошадь и посмотрел назад, но внизу, в темной еще долине, ничего не было видно. Там, где должно было взойти солнце, небо поглубело. В пустыне горных склонов жалкий сухой кустарник был не выше трех футов. Местами, как разрушенные здания, поднимались обнажения невыветрившегося гранита. Пэпе стало спокойнее на душе. Он отхлебнул из мешка и откусил кусок мяса. Высоко в небе одиноко парил в лучах света орел.

Неожиданно лошадь Пэпе всхрапнула и повалилась на бок. Она оказалась на земле раньше, чем эхо винтовочного выстрела пришло из ложбины. Яркий фон крови пульсировал из дыры над дергающимся плечом лошади: плеснет и остановится, опять плеснет и остановится. Копыта били о землю. Оглушенный падением, Пэпе лежал возле лошади. Потом он осторожно приподнялся, чтобы окинуть взглядом горный склон. Пуля срезала ветку шалфея возле его лица, и вновь эхо выстрела прокатилось по склонам ущелья. Пэпе стремительно распластался за кустом.

Он полз вверх по склону холма на коленях, опи-

раясь о землю левой рукой. Правой он держал на весу винтовку, толкая ее перед собой. С инстинктивной осторожностью животного он быстро полз к глыбе гранита, поднимавшейся на склоне холма впереди. Там, где кустарник был достаточно высок, Пэпе вскакивал и, пригнувшись, перебежал; если же укрытие было незначительно, он полз, извиваясь, на животе, толкая винтовку перед собой. На последнем небольшом отрезке укрытия не было вовсе. Пэпе прикинул расстояние, затем метнулся через этот участок и укрылся за выступом скалы.

Тяжело дыша, он прислонился к каменной стене. Когда дыхание успокоилось, Пэпе двинулся вперед, скрытый гранитной стеной, пока не достиг узкой расщелины, сквозь которую просматривалась полоска местности внизу. Пэпе лег на живот и, просунув в щель ствол винтовки, стал ждать.

Солнце окрасило багрянцем западные гребни гор. Стервятники уже кружились над местом, где лежала убитая лошадь. В мертвой листве шалфея, прямо напротив ствола винтовки, чистила перышки коричневая птичка. Планируя, орел летел назад, навстречу восходящему солнцу.

Далеко внизу, в кустарнике, Пэпе уловил легкое движение. Он крепче сжал винтовку. Коричневая козочка грациозной поступью вышла на тропу, пересекла ее и вновь исчезла в кустах. Пэпе выжидал очень долго. Далеко внизу он видел и небольшую ложбину, и дубовую рощу, и полоску зелени. Внезапно тропа вновь приковала его внимание. Какое-то быстрое движение возникло в зарослях чаппарала в четверти мили ниже.

Развернулся ствол винтовки. Мушка точно расположилась в прорези прицела. Подумав секунду, Пэпе поднял на одно деление прицельную рамку. Слабое движение в кустах повторилось. Прицельная линия уткнулась в этот куст. Пэпе нажал на спусковой крючок. Грохот выстрела обрушился вниз по склону, поднялся вверх по другому и, ослабленный, вернулся назад. Все замерло на склоне горы. Никакого движения. Но затем белая полоска возникла на граните расщелины, и зазвенела, удаляясь, пуля, и снизу донесся выстрел. Пэпе почувствовал острую боль в правой руке. Осколок гранита пробил мякоть между большим и указательным пальцами, и его острие торчало из ладони. Пэпе осторожно вытащил осколок. Рана кровоточила медленно и ровно. Ни вена, ни артерия не были задеты.

Пэпе заглянул в небольшое пыльное углубление в скале, собрал горстку паутины и прижал ее к ранке, втирая мягкую паутину в кровь. Почти сразу кровотечение остановилось.

Винтовка лежала на земле. Пэпе поднял ее, дослал в патронник новый патрон и, прижимаясь к земле, скользнул в кустарник. Он отполз далеко вправо, вверх по склону, двигаясь медленно и осторожно. Подползал к укрытию, переводил дыхание и полз дальше.

Солнце в горах должно высоко подняться, прежде чем его лучи проникнут в ущелье. Раскаленный диск выглянул из-за вершины, и сразу дохнуло жарой. Ослепительный свет разбивался о скалы, отражался в них и, дрожа, поднимался от земли; скалы и кустарник расплывались в этом свете.

Пэпе зигзагами переползал от укрытия к укрытию по направлению к самой высокой вершине горной цепи. В глубоком порезе между пальцами возникла пульсирующая боль. Пэпе почти вплотную подполз к гремячей змее, прежде чем заметил ее; змея подняла плоскую голову и издала негромкий угрожаю-

щий треск, он попытался. Быстрые серые ящерицы мелькали перед ним, оставляя за собой прозрачные облачка пыли. Увидев паутину, он снова собрал ее и прижал к ноющей ране.

Теперь Пэпе толкал винтовку левой рукой. Капли пота скатывались с его жестких черных волос и текли по щекам. Губы и язык распухли и отяжелели. Он непрерывно двигал губами, чтобы собрать хоть немного слюны. Его черные глазки стали беспокойны и подозрительны. Когда на выжженной земле перед ним на миг застыла серая ящерица, отвернув в сторону свою головку, он расплющил ее камнем.

Он не продвинулся еще и на милю, когда солнце перевалило за полдень. Последнюю сотню ярдов до клочка земли, заросшего высокими остроконечными кустами манцаниты, он полз с отчаянием, полз из последних сил, и когда, наконец, достиг этого клочка, то забрался в гущу жестких, узловатых стволов и уронил голову на левую руку. Жалкий кустарник почти не давал тени, но это было укрытие, безопасность. Пэпе заснул, как лежал, и солнце нещадно жгло его спину. Крохотные птички опускались рядом, с любопытством поглядывали на него и отпрыгивали в сторону. Пэпе метался во сне и то подымал, то ронял раненую руку.

Солнце опустилось за горные вершины, наступил прохладный вечер, а за ним — ночь. Койот завыл на склоне горы; Пэпе, вздрогнув, проснулся и посмотрел вокруг затуманенным взором. Рука раздулась и отяжелела; легкая боль прошла по ней и сосредоточилась под мышкой. Пэпе осмотрелся и затем поднялся на ноги, так как горы были черны и луна еще не взошла. Он стоял во весь рост в темноте. Отцовский плащ давил на руку. Язык распух так, что не помещался во рту. Извиваясь, Пэпе стащил с себя плащ, бросил его в кусты и начал тяжкий подъем, спотыкаясь о камни, продираясь сквозь кусты. Он шел, и винтовка билась о камни. Осыпи гравия с легким шелестом сползали позади него.

Потом взошла ушербная луна, и Пэпе увидел остроконечные вершины гор. При лунном свете двигаться было легче. Пэпе нагнулся вперед так, что болезненно пульсирующая рука свисала, не касаясь тела. Он поднимался вверх по крутому подъему, чередуя броски и передышки: неистовый рывок вверх на несколько ярдов, затем передышка. Ветер скатывался по склону, сухо шелестя стеблями кустов.

Луна была в зените, когда Пэпе добрался, наконец, до гребня горного хребта. Последние сто ярдов проходили по голой скале: даже крупца земли не могла удержаться под напором непрерывных ветров. Пэпе вскарабкался на гребень и заглянул вниз, по другую сторону хребта. Там, в призрачном лунном свете, заросшая цепкими сухими кустами чаппарала и шалфея, виднелась долина, похожая на ту, что осталась позади. Дальше круто поднимался холм, и за вершиной его, точно крошеный зуб, вырисовывалась на фоне неба выветривающаяся гора. На самом дне долины темнел густой кустарник.

Спотыкаясь, Пэпе брел вниз по склону. Жажда сдавила его пересохшее горло. Сперва он пытался бежать, но тут же упал и покотился вниз. После этого он стал двигаться осторожнее. Луна скрывалась за горами, когда он достиг дна. Он прополз в чашу кустарника, пальцами нащупывая воду. В ложке пересохшего ручья воды не было, но земля оставалась влажной. Пэпе отложил винтовку, собрал пригоршню грязи и засунул ее в рот, а затем дол-

го отплевывался и пальцем отскребывал землю с языка — грязь стянула рот, как пластырь. Пальцами он начал выкапывать ямку в русле ручья — небольшое углубление, чтобы скопилась вода, — но, не кончив копать, уронил голову на землю и уснул.

Наступил рассвет, дневная жара уже окутала землю, а Пэпе все еще спал. Было далеко за полдень, когда он судорожно поднял голову. Медленно огляделся вокруг. Глаза его настороженно сощурились, превратившись в узкие щели. Футах в двадцати, разглядывая Пэпе, стояла в густом кустарнике большая коричневато-желтая пума. Ее толстый длинный хвост грациозно извивался, уши не были враждебно прижаты назад, они стояли торчком. Подогнув под себя лапы, пума улеглась и с любопытством разглядывала Пэпе.

Он посмотрел в углубление, выкопанное накануне. Полдюйма мутной воды собралось на дне. Пэпе оторвал рукав рубашки со своей опухшей руки, выдрал зубами квадратный клочок, смочил его в воде и положил в рот. Вновь и вновь смачивал он тряпку и высасывал ее.

Недвижно сидела пума и разглядывала Пэпе. Спустился вечер, но в горах не было заметно никакого движения. Ни одна птица не прилетела к пересохшему ложу ручья. Временами Пэпе поглядывал на пуму. Глаза желтого хищника были полузакрыты, будто его клонило ко сну. Пума зевнула, и ее длинный, тонкий, красный язык изогнулся. Внезапно она резко повернула голову, и ноздри ее затрепетали. Длинный хвост возбужденно забил по земле. Она поднялась и, как желтая тень, исчезла в чаще.

Мгновение спустя Пэпе услышал звук — слабое отдаленное похрустывание гравия под копытами. И еще он услышал тонкое, высокое повизгивание собаки.

Пэпе подхватил винтовку левой рукой и скользнул в чашу почти столь же бесшумно, как пума. В сгущавшихся вечерних сумерках он стал карабкаться вверх по склону к следующему гребню. Лишь когда стало темно совсем, он выпрямился. Силы его были истощены. В темноте он споткнулся о камни и упал на колени, но все же продолжал двигаться вперед, карабкаясь, цепляясь за щебенчатый склон.

Когда Пэпе было уже довольно высоко, он прилег и немного вздремнул. Блеклая луна слабым сиянием разбудила его. Он поднялся и направился вверх по склону. Пройдя с полсотни ярдов, он остановился и повернул назад, потому что забыл винтовку. С трудом спустился он вниз по склону, обшарил кусты, но винтовку не смог найти. Тогда он прилег отдохнуть. Боль, гнездившаяся под мышкой, стала острее. Казалось, рука вздувалась при каждом ударе сердца и вновь опадала. Он не мог найти положения, при котором отяжелевшая рука не вызывала бы боли под мышкой.

Словно раненый зверь, Пэпе собрал последние силы, поднялся и двинулся вперед, к гребню хребта.левой рукой он поддерживал распухшую руку, чтобы она не касалась тела. Он тащился вверх и вверх по крутому склону: несколько шагов, и передышка, и еще несколько шагов. Наконец он добрался почти до самой вершины. В свете луны четко вырисовывался на фоне неба острый гребень.

Все вокруг Пэпе закружилось огромной спиралью, поднимаясь и удаляясь от него. Он тяжело упал на землю и лежал недвижимо. Скалистый гребень был всего в сотне футов над ним.

Когда наступил рассвет, Пэпе заставил себя подняться. Глаза его вновь стали осмысленными. Он поднял перед собой огромную, раздувшуюся руку и осмотрел воспаленную рану. Черная полоса тянулась от кисти к подмышке. Привычно он потянулся к карману за большим черным ножом, но ножа не было. Глаза его обшарили землю вокруг. Он подобрал острый осколок камня и принялся скоблить им рану, пока не разодрал живое мясо и не выдавил несколько крупных зеленых капель. Тут же он запрокинул голову и завыл, как собака. Рука, плечо, нога — вся правая половина тела сжалась от невыносимой боли, но боль эта прояснила голову.

В серых предрассветных сумерках он преодолел последний подъем, перевалился через гребень и залег за каменными глыбами. Под ним простирался глубокий каньон, во всем подобный предыдущему, безводный и безжизненный. На дне его не было ни болотца, ни дубов, ни даже густого кустарника. По другую сторону каньона вздымался острый хребет, поросший редкими, чахлыми кустами шалфея, усеянный обломками гранита. По всему склону виднелись обширные выходы горных пород, а сверху на фоне неба четко выделялись гранитные зубы.

Светил новый день. Пылающее солнце вылилось из-за гребня, и лучи его упали на Пэпе, распростертого на земле. В черных жестких волосах запутались обломки ветвей и нити паутины. Глаза глубоко запали. Между губ торчал кончик почерневшего языка.

Пэпе присел, переволок на колени огромную руку, стал убаюкивать ее, раскачиваясь всем телом, и из горла его вырывались жалобные глухие стоны. Он откинул голову и глянул в бледное небо над собой. Далеко в вышине большая черная птица описывала круги, а слева, медленно паря, приближалась другая.

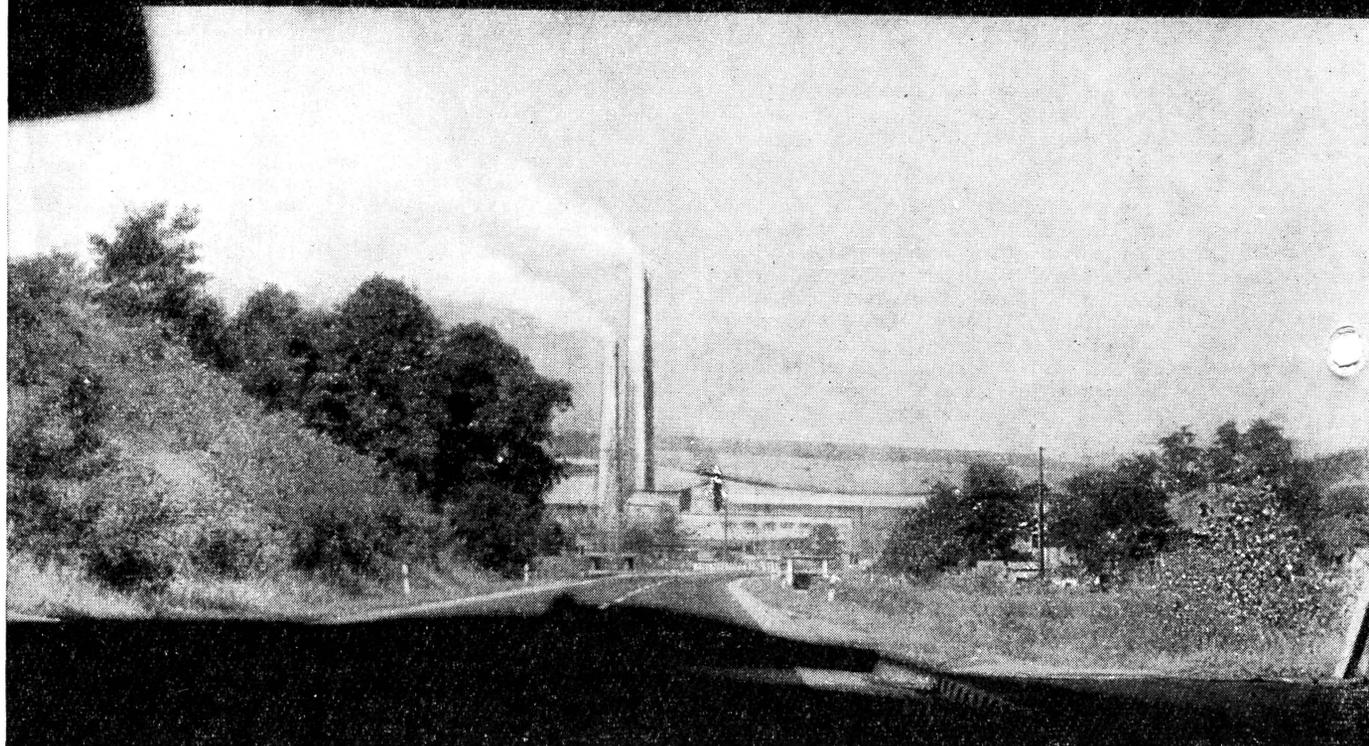
Он насторожился, прислушиваясь, так как знакомый звук долетел из той долины, откуда он только что вскарабкался сюда; это был залихватистый, возбужденный лай собак, напавших на след.

Поспешно Пэпе склонил голову. Он пытался произнести какие-то быстрые слова, но лишь свистящее шипение вырывалось из губ. Он перекрестился дрожащей левой рукой. Нужно было долгое, тяжелое усилие, чтобы встать. Медленно, почти бессознательно карабкался он к верхушке большой скалы, возвышавшейся над гребнем. Достигнув, наконец, цели, он медленно поднялся на ноги и, пошатываясь, выпрямился. Далеко внизу виднелся темный кустарник, в котором он провел ночь. Пэпе широко расставил ноги и застыл — темная фигура на фоне утреннего неба.

У его ног что-то щелкнуло. Осколок камня отлетел в сторону, и пуля прожужжала в направлении соседнего ущелья. Глухое эхо выстрела донеслось снизу. Пэпе бросил взгляд в глубину каньона и, собравшись с силами, вновь выпрямился.

Тело его откинулось назад, как от толчка. Левая рука беспомощно дернулась к груди. Снизу донесся грохот второго выстрела. Пэпе качнулся вперед и, вдруг обмякнув, стал падать вниз головой. Тяжелое тело ударилось о крутой склон, перевернулось в воздухе раз, другой и заскользило по скату, увлекая за собой небольшую лавину щебенки. И когда, наконец, зацепившись за куст, оно остановилось, лавина, медленно спускавшаяся вслед, настигла Пэпе и погребла его голову под грудой камней.

Перевел с английского К. КОСЦИНСКИЙ

И. ГРИЧЕР, Н. ЛОБОВ

Четыре точки на карте — это всего четыре встречи из многих, что случились за время нашей короткой поездки по Венгрии. Можно ли, рассказав о них, передать полное впечатление об этой стране — о ее облике, буднях, людях? Мы не справились бы и при более подробном рассказе — ведь каждый день и каждый час обновляет, меняет страну.

Да вот хотя бы пример: ехали мы от границы к Дебрецену. Жадный, еще не притомившийся взгляд отметил группу строителей, едва начерно выложивших фундамент: сразу и не поймешь, что здесь будет — автостанция, больница, жилой дом. А через две недели, как еще один символ социалистической растущей Венгрии, замечаешь на том месте яснооконное, радостное даже при своей незавершенности здание школы.

И вспоминаешь: таким был каждый день поездки, каждая встреча — и фабричный силуэт на фоне альфельдских степей, и террасы молодых виноградников по склонам гор Баконь, и стрела дороги — новенькой, с иголочки — к Тиссалёкской ГЭС, и... Впрочем, вернемся к началу. Итак...

ЧЕТЫРЕ ТОЧКИ НА КАРТЕ

ЦАРЕВНА

ФИОЛЕТОВЫХ

ПОЛЕЙ

От Балатонфюреда к Тихани ведет истоптанная туристская тропа. И хоть проложена она по воде Балатона, туристу не сбиться с нее: Балатонфюред — старинный курорт, Тихань — красивейший заповедник, созданный природой и людьми. Несколько минут на пароходе, и очередной «десант» туристов высаживается на тиханьском полуострове. Конечно, каждый турист заранее знает о его достопримечательностях: кельях, высеченных в скалах, монастырях, повисших на самом краю утесов, балатонском аквариуме с сорока видами рыб, — и все же он ждет встречи с ними с нетерпением. Он торопится потрогать их своими руками, он торопит пароход, устроившись на самом его носу и не спуская взгляда с приближающегося берега.

Маргит Хегедюш не торопила пароход. Она не спеша перелистывала

С какой стороны ни подъезжай к городу Та-табання, везде он встречает тебя свечами труб и шеренгами заводских корпусов. Раньше для Табання, пожалуй, был более характерен силуэт копра шахты, но за последние годы здесь появились новые заводы — алюминиевый, химический, цементный... Нас вышел встречать цементный.

страницы книги. Ясно было с первого взгляда, что для нее этот путь не впервой. Так оно и оказалось: восемнадцатилетняя Маргит Хегедюш год назад окончила гимназию. Хотела уехать в Будапешт, учиться на врача. А потом передумала:

— Мама и старшая сестра Каталина работают в Тихани, на плантациях лаванды. Я и раньше помогала им. А теперь вот решила совсем остаться. Да вы только посмотрели бы на эту красоту. Вон оттуда.

Маргит показала на гору Чуч и несколько скептически оглядела наши неспортивные фигуры, обвешанные к тому же фотоаппаратами.

— Лаванда так лаванда, — согласились мы. Впрочем, этот «путь наверх» был не самым тяжелым и неприятным в нашей жизни — дорога на гору Чуч асфальтирована. Мы стояли у развалин древней сторожевой башни, а у наших ног, насколько хватал глаз, расстился фантастический фиолетово-синий ковер цветов.

Была пора уборки, и в поле меж кустов двигались крохотные женские фигурки.

— Знаете, здесь еще несколько лет после войны был пустырь, поросший сорняками, — говорила нам Маргит. — Видно, каменистая потрескавшаяся почва никого не привлекала. А сейчас это крупнейшая у нас плантация лекарственных растений и лаванды.

Маргит извиняется: пора, ее ждут подруги. Мы распрощались. И она словно тает в фиолетово-синих душистых волнах.

РЫБАК РЫБАКА...

Рослый, широкоплечий — кажется, обручи форменной тельняшки вот-вот лопнут, — он возился с мотором, нещадно дымя сигаретой. Рядом сушилась снасть. Свежевыкрашенный бот покачивался на волне.

— Скоро за рыбой? — вежливо начали мы.

— Не время.

Йозеф Бела прикурил новую сигарету и взялся за гаечный ключ. Мы уж думали, он забыл о нашем существовании, когда Йозеф опять заговорил:

— Вы из Москвы? Ну, под Москвой рыбы-то особенно не половишь. А вот года два назад приехал сюда с туристами Иван Архипов из Архангельска. Это он мне на память тельняшку подарил. Ну, мы с ним и наговорились вдоволь. У них — рыба! Я ему рассказал о том, как мы здесь по-тиханьски сельдь ловим. Осенью собирается она в большие косяки и ходит по озеру. Если забраться повыше на гору, так оттуда как на ладони видно, куда движется косяк и велик ли он. Наблюдатели сообщают, где лучше сеть ставить. Вот и вся нехитрая.

— Скажи, Йозеф, а уловы большие на Балатоне? — спрашивает один из нас, за всю жизнь не поймавший даже захудалого пескаррика.

— Конечно, не то что в море, — смеется рыбак, — но зато балатон-

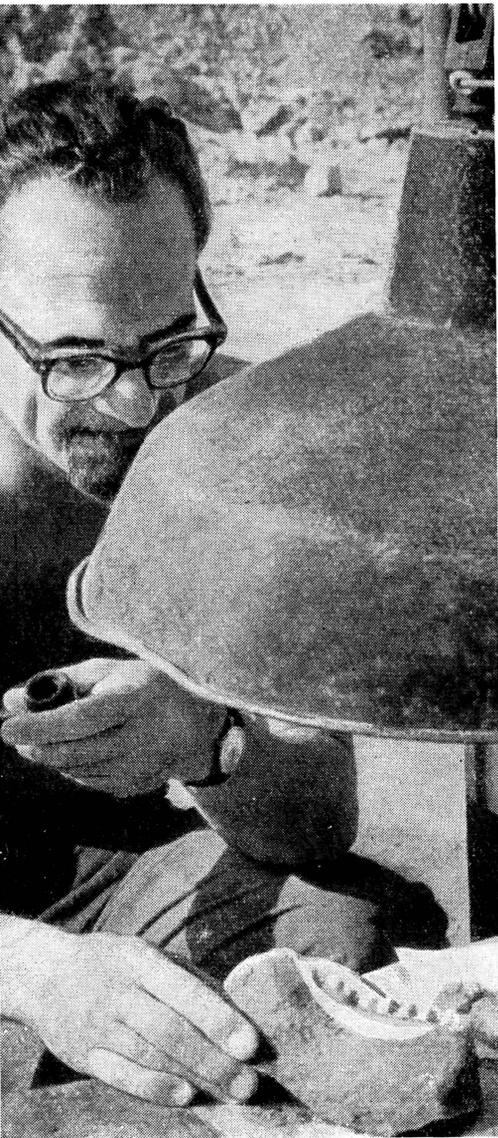
Все главное в биографии Эржебет Катона уместится в две фразы.

Первая: Эржебет — двадцать два года.

Вторая: Эржебет — выпускница Будапештского художественно-промышленного училища.

Тем не менее имя Эржебет Катона известно уже многим людям: всем тем, кто знаком с ее работами — красивыми вазами, бокалами, кувшинами.

Впервые их встреча — ученого Ласло Вереша и древнего Сэмюэля — состоялась два года назад. С тех пор многие часы провел ученый за изучением своей находки, раскрывая тайны давно прошедших времен.

ская сельдь — признанный деликатес. Идет на экспорт. А под нашу венгерскую палинку лучше закуски и не придумаешь.

Солнце, цепляясь лучами за кроны деревьев, за башни тиханьского монастыря, клонится на запад.

— Вы эхо наше слышали? — вдруг снова обращается к нам Йозеф. — Нет? Ну как же! «Кто эха не слышал, тот в Тихани не бывал». Есть в нашем народе предание, будто жила здесь когда-то принцесса — своевольная и высокомерная, к простому люду жестокая. И наказали ее добрые колдуны, заточив в скалы и заставив повторять слова, которые она услышит. Еще совсем недавно это эхо повторяло до семнадцати слогов. Сейчас, правда, меньше. То ли принцесса искупила часть своей вины, то ли стала менее прилежной.

Мы усердно кричали, и тиханьское эхо разносило окрест русские слова. Не знаем, как насчет прилежности и высокомерия у принцессы, но то, что она как была своевольной, так и осталась, — это факт: то повторяла по три раза наши слова, то по пять.

А Йозеф сидел на краю и смотрел на озеро. Видно, ждал, когда пойдет косяками балатонская сельдь.

СЭМЮЭЛЬ ИЗ ТАТА

21 августа 1964 года весь научный мир облетело известие о выдающемся открытии венгерского ученого доктора Ласло Вереша. Близ городка Тата ему удалось найти в четвертичных отложениях останки — осколок затылочной части черепа — древнейшего в Европе человека. Возраст этого черепа при самом скрупулезном подсчете с использованием современных средств и методов исследования исчислялся в 500 тысяч лет.

Мягким сентябрьским полднем мы выехали к месту раскопок.

— Вы ищете доктора Вереша? — спросил нас голубоглазый юноша, осторожно извлекавший из земли обломок какой-то кости. — После того как был найден Сэмюэль, журналисты бросились сюда, как пчелы на мед. Попробуй в такой обстановке работать: «Доктор, встаньте, пожалуйста, так...», «Доктор, возьмите трубку вот эдак...» Впрочем, попытайтесь. Он там, внизу.

Мы заторопились к небольшому домику, где расположена штаб-квартира археологов. На пороге стоял высокий худощавый мужчина в выцветших джинсах. Обнаженный по пояс, загорелый, с дымящейся трубкой в зубах, он, пожалуй, не очень-то сейчас был похож на ученого с мировым именем.

— Вы, наверное, ищете меня? — засмеялся доктор Ласло Вереш. — Вижу, вижу по количеству аппаратов. Мучить собираетесь долго?

— Как идет работа экспедиции? Довольны ли вы ее результатами? — спрашиваем мы ученого.

— Еще бы! Эта находка — венец наших многолетних поисков. На мысль о том, что надо искать именно здесь, навел нас известный ученый-географ Мартон Печи. Как-то летом вместе со студентами он обнаружил по соседству большое скопление древних костей различных животных, о чем незамедлительно поставил в известность нас, археологов.

Пришлось извлечь огромное количество грунта, прежде чем мы обнаружили яму площадью в 50 квадратных метров, на дне которой было большое количество костей, кусочки грубо обработанного кремня. Большинство костей раздроблено — видимо, в этой древней «столовой» не пропадало ни крошки. Чем питались эти люди? Нами найдены кости черной лошади, длиннорогого бизона, красного оленя — все это останки животных, которые обитали в Европе сотни тысяч лет назад и давно вымерли.

Среди этих костей и был обнаружен осколок затылочной части древнего человека, которого мы в честь одного из участников экспедиции шуточно окрестили Сэмюэлем.

Сейчас, пока стоит хорошая погода, мы торопимся завершить изыскания, а потом будем обрабатывать и систематизировать материалы.

...Через кукурузное поле мы возвращаемся к шоссе. Из замшелой древности, где бегали от Сэмюэля и его приятелей носороги и длиннорогие бизоны, возвращаемся в современную жизнь. Над полем низко летит вертолет...

ОЖЕРЕЛЬЕ МАРИИ- АНТУАНЕТТЫ

Вся эта авантюрная история, достойная по своим коллизиям и хитросплетениям пера автора «Трех мушкетеров», произошла, как говорят, потому, что живший в XVI столетии король Генрих II был неверен своей жене Екатерине Медичи, а живший в XVIII веке Людовик XV был со всем пылом своей престарелой души привязан к мадам Дюбарри.

Если бы не эта поздняя привязанность Людовика, парижским ювелирам Бемеру и Бассанжу не пришлось бы в голову создавать ожерелье из невиданных по ценности бриллиантов. А если бы Генрих II не имел любовницей некую Николь де Савиньи, то не возник бы род, последней представительницей которого была Жанна Валуа, родившаяся в 1756 году.

Жанна с юных лет сумела приобрести достаточный жизненный опыт по части различных способов добывания денег. В этом занятии усердным помощником оказался ее муж, жандармский офицер, который называл себя графом Ла Мотт. В начале 80-х годов почтенная парочка перекочевала в Париж. Здесь Жанна познакомилась с одним из самых богатых и знатных вельмож — Луи де Роганом, кардиналом Страсбургским, а через кардинала с его ближайшим другом — знаменитым графом Калиостро (под этим именем, как выяснилось впоследствии, скрывался итальянец Джузеппе Балзамо).

Калиостро уверял, что знает «универсальную тайну» медицины, позволяющую лечить все болезни, и обладает философским камнем, обращающим любой металл в золото. Создание искусственных алмазов, чудесное «исцеление» неизлечимо больных, загадочное «знание» самых тайных мыслей и намерений

Однажды я провел лето в городке Старый Крым близ Феодосии. Там я услышал одну историю, которая меня очень заинтересовала.

Полковник Карамалинин, у которого я поселился, рассказал, что еще перед первой мировой войной приезжал сюда один французский археолог и представитель Русского археологического общества с какими-то чертежами, чтобы открыть место захоронения некоей графини де Ла Мотт. Могилу они так и не нашли, но попросили, если ее все-таки удастся обнаружить, немедленно сообщить об этом в Петербург. Вскоре один местный житель сообщил Карамалинину, что он наткнулся на какую-то плиту с рисунками и узорами. Карамалинин сфотографировал ее и послал снимок в Археологическое общество...

Эта история меня чрезвычайно заинтересовала. После долгих поисков я вновь нашел эту плиту, очистил ее от земли, сделал зарисовки и постарался кое-что узнать о таинственной Ла Мотт. Оказалось, что эта французская графиня была отчаянной авантюристой королевского происхождения. Путем каких-то комбинаций сблизившись с высокопоставленными людьми королевства, Жанна обманом завладела бриллиантовым ожерельем, предназначенным для фаворитки Людовика XV. Когда все это было раскрыто, Жанне выжгли на плече позорное клеймо и приговорили к пожизненному заключению в тюрьме «Сальпетриер». Но в 1787 году Жанна с помощью своих друзей бежала из тюрьмы, «справила» себе документы на имя графини де Ла Гоше, переехала в Россию, приняла русское подданство и поселилась в Крыму. По-видимому, история ее жизни стала известна полиции, и за состарившейся авантюристкой устанавливается жесткий надзор...

В журнале «Исторический вестник» за 1913 год было сообщено о некоторых эпизодах бурной жизни Жанны Ла Мотт, и мне хотелось бы, если это возможно, узнать более подробно о таинственной истории с королевским ожерельем, которая в свое время прогремела на всю Францию...

Л. Л. Квятковский, художник

Отвечая на это письмо, редакция публикует с сокращениями главу из книги доктора исторических наук Е. Б. ЧЕРНЯКА «Пять столетий тайной войны», выходящей в издательстве «Наука».

своих собеседников — все это было далеко не самое непонятное в сверхъестественных способностях, которыми «обладал» великий маг.

...Однажды в Страсбурге знаменитый граф, прогуливаясь в роскошном костюме, украшенном огромными бриллиантами, остановился с возгласом изумления перед скульптурой, которая изображала мифическую сцену распятия Иисуса Христа. На во-

прос окружающих, что его так удивило, Калиостро небрежно заметил, что не может понять, как художник, который наверняка не видел Христа, достиг такого полнейшего сходства.

— А вы сами были знакомы с Христом?

— Я был с ним в самых дружеских отношениях, — ответил Калиостро. — Сколько раз мы бродили с ним по песчаному, покрытому ракушками берегу Тивериадского озера! У него был бесконечно нежный голос. — И, повернувшись к своему слуге, граф спросил: — Ты помнишь вечер в Иерусалиме, когда распяли Иисуса?

— Нет, сударь, — ответил с глубоким поклоном слуга. — Вам ведь известно, что я нахожусь у вас на службе всего полторы тысячи лет...

Кардинал Роган, как это ни зазорно было для высокого сановника церкви, целиком подпал под влияние Калиостро и верил, что «великий маг» вернет ему расположение всемогущей королевы Франции Марии-Антуанетты, утерянное после того, как неосторожный кардинал позволил себе непочтительные выражения в адрес ее матери.

Всей этой ситуацией решила воспользоваться Жанна Ла Мотт вначале лишь с единственной целью — выудить у кардинала побольше денег. Прежде всего она убедила Рогана в том, что является интимным другом королевы, и намекнула, что ей удалось добиться изменения настроения королевы. При этом кардиналу были продемонстрированы подложные письма Марии-Антуанетты к Жанне Ла Мотт, составленные — разумеется, в самом дружеском и доверительном тоне — любовником Жанны, неким Рето де Вильетом.

Между Роганом и «королевой» завязывается переписка. Чудесную перемену в настроениях королевы подтвердил и высший для кардинала авторитет — Калиостро. Призывая на помощь светлого и черного духов — Михаила и Рафаила, — Калиостро объявляет, что Рогану удалось внушить к себе большой интерес со стороны королевы. Но в это время планы Ла Мотт резко меняются.

Авантюристке становится известно, что придворные ювелиры Бемер и Бассанж настойчиво, но безуспешно убеждают Марию-Антуанетту купить ожерелье, составленное еще для мадам Дюбарри, — и Жанна решила завладеть бриллиантами...

Если вначале оказались полезными таланты любовника Жанны, поддельвателя бумаг Рето де Вильета, то теперь необходимо было обратиться к услугам любовницы мужа, модистке Николь Лаге. Жанна не ревнива. Она приглашает мадемуазель Лаге к себе в дом и просит помочь в одном веселом «розыгрыше».

11 августа 1784 года Лаге, одетая в белую блузу, подобную той, которую часто с подчеркнутой простотой носила Мария-Антуанетта, отправилась в Версаль в сопровождении супругов Ла Мотт. Вечер был безлунный, и темнота в аллее усиливалась от каменной массы грота Венеры. Николь осталась в одиночестве. Вдали скрипнул песок, и показались трое мужчин. Один из них — кардинал Роган, закутанный в плащ и в шляпе, надвинутой на глаза, приблизился к Лаге и почтительно поцеловал подо ее платя. Растерянная мадемуазель что-то пробормотала, и кардинал убедил себя, что слышал слова: «Вы можете надеяться, что прошлое забыто». Он горячо благодарил и кланялся. В этот момент появилась какая-то тень, шепнувшая, чтобы все скорее уходило, так как приближается принцесса.

Итак, решительный шаг был сделан. Осенью 1784 года Ла Мотт лично знакомится с ювелирами Бемером и Бассанжем, и вскоре Роган узнал, что Мария-Антуанетта «просила» его взять на себя роль посредника в переговорах о приобретении знаменитого ожерелья. Жанна убедила кардинала, что королева хочет надеть его на празднике 2 февраля и обещает заплатить за бриллианты 1600 ливров несколькими платежами. Роган попросил Жанну принести от королевы письменное обязательство об уплате. Жанна приносит такой документ с просьбой от имени королевы держать его в секрете — ведь покупка ожерелья производится без ведома короля. После этого дело с ювелирами было улажено. Кардинал привез ожерелье Жанне, которая в его присутствии передала бриллианты в соседней полутемной комнате какому-то лицу, по ее словам, посланцу от королевы.

Кардиналу показалось, что он узнал человека, который предостерег его шепотом о необходимости удалиться во время свидания около грота Венеры...

Заговорщики немедленно разрезали ожерелье. Муж Жанны отправился с большим количеством бриллиантов в Англию, где и распродал их лондонским ювелирам. Тем временем подходит 2 февраля, и на празднике, к изумлению Рогана и ювелиров, королева показывается без «купленного» ею ожерелья. У Жанны было заготовлено объяснение: королева находит цену слишком большой. Ювелиры делают уступку. Тогда Жанна разъясняет, что Мария-Антуанетта не хочет носить ожерелье, так как до полной расплаты с ювелирами не считает его своим. Подошел срок первого платежа, и Роган получает записку от «королевы» с просьбой перенести срок первой платы. Первый раз у Рогана возникает смутное подозрение. Беспокоество передается ювелирам.

Перепуганные, они бросились к мадам Кампан, фаворитке королевы. Та им подтвердила, что Мария-Антуанетта не получила ожерелья. На следующий день Бассанж задал Рогану роковой вопрос: уверен ли он в честности того лица, которому было передано ожерелье (это «лицо» — Вильет — как раз в это время, прищпорив коня, скакало в Женеву, чтобы очутиться за пределами Франции).

Обеспокоенный прелат вызвал своего главного советника Калюстро. «Великий маг» был человеком практичным и немедленно указал Рогану, что гарантийное письмо, безусловно, является подделкой. Калюстро рекомендовал Рогану поспешить, пока не поздно, признаться самому во всем перед королем и просить прощения. Между тем Мария-Антуанетта 12 августа узнала от ювелиров все...

15 августа кардинал Роган должен был служить торжественную службу, но проповеди произнести ему не дают — арестовывают по приказу короля. Узнав об этом, Ла Мотт спешно сжигает все компрометировавшие ее бумаги. Но вскоре и она была взята под стражу и вместе с главными героями «дела об ожерелье» — Роганом и Калюстро — предстала перед судом.

Для высокопоставленных особ приговор был чрезвычайно мягкий, и эта мягкость не была, конечно, случайной. Она была следствием общественного возмущения, связанного с процессом. Тайная типография печатает отчеты о процессе. Тексты речей адвокатов продаются за баснословные деньги. Повсюду слышатся издевательские стихи о королевском дворе. Дело надо было замять и сделать вид, что ничего особенного не случилось.

Но злость самой Ла Мотт не вызвала сомнений. На суде она в припадке гнева бросила тя-

Рисунки П. ПАВЛИНОВА

желый подсвечник в Калюстро. Маг, возведя очи к небу, ответил потоком брани на многих известных и неизвестных языках. Потом Ла Мотт изображала сумасшедшую. Приговор гласил: подвергнуть Жанну Ла Мотт публичной порке и заклеймить позорным клеймом. 21 июня 1786 года приговор над бесноватшей от ярости Ла Мотт приводится в исполнение и Жанну отправляют в тюрьму.

По всем данным, Жанна умерла в Лондоне вскоре после своего побега из тюрьмы. Но, по предположению французского историка Луи де Судак, свидетельства о смерти в те времена выдавали слишком легко, чтобы они могли служить веским доказательством смерти. По-видимому, Жанне не стоило великого труда, похоронив себя как графиню Ла Мотт, возродиться под именем графини де Ла Гоше...

ПРО ПЕЩЕРУ КОЛОССАЛ, ПРО ОДНОГО ШЕРИФА И ЧЕТЫРЕХ БАНДИТОВ

История эта начинается мирно и издалека.

Тысячелетия назад, когда земли нынешнего американского штата Аризона еще не были безводной пустыней, в известковых отложениях, оставленных огромным древним морем, грунтовые воды вымыли причудливо разветвленный лабиринт. Воды украсили стены камер и проходов искусными скульптурами химер, гномов, животных и птиц.

Основательные исследования пещеры начались лишь в 1922 году. Служба охраны природы затратила четыре года на картирование, прокладывание трасс, устройство указателей, ступенек и перил. Быть может, во время этих работ и был засыпан главный ход, который, по слухам, тянулся на 60 миль. По окончании работ часть подземного лабиринта была открыта для туристов; пещера превратилась в природный и довольно-таки прозаичный музей. Загадки переселились в неисследованную и заваленную часть пещеры. Именно там и поныне живет история о четырех налетчиках.

...Произошла эта история в 1884 году. Недалеко от города Таксон, в штате Аризона, на железнодорожный экспресс компании «Уэллс-Фарго» совершили налет четыре вооруженных бандита. Прихватив с собой всю выручку компании — 62 тысячи долларов золотом, гангстеры скрылись в пещере Колоссал, которая, правда, в то время не была столь знаменитой и потому не носила такого помпезного названия.

Полиция, однако, быстро напала на след грабителей и расположилась лагерем у входа в пещеру. Шериф узнал, что этот выход единственный, а потому собрался взять бандитов измором, предпочитая не связываться с ними в темноте пещеры.

Осада длилась уже больше двух недель. В конце концов шерифу надоело ждать, и он приказал подвести хворост, разжечь костры и выкурить этих «упрямых идиотов», если они не хотят сдаваться сами. Костры трещали, разбрасывая снопы искр, клубы дыма тянулись в таинственную темь пещеры, дула карабинов были нацелены на горловину входа.

Вдруг раздался цокот копыт, и к полицейским на взмыленной лошади подскочил ковбой.

— Хелло, шериф! — крикнул он, насмешливо глядя на толстяка-шерифа. — Ты и в самом деле думаешь, что эти парни все еще в этой дыре и ждут, когда ты наденешь им наручники и посадишь на электрический стул? Я скачу прямо из Уилкокса, а там сейчас четверо отлично вооруженных парней шлются по городку, постреливают для развлечения, пьянствуют в салуне и бахвалятся тем, что перехитрили какого-то тупицу-шерифа. Не тебя ли случайно, старина?

Взбешенный шериф, оставив несколько человек у пещеры, с главными силами ринулся в Уилкоккс. Сведения оказались точными — обнаглевшие бандиты преспокойно пьянствовали в салуне. Отряд окружил салун. На предложение шерифа сложить оружие и сдать четверка ответила отказом. В ожесточенной перестрелке трое налетчиков были убиты, живым был схвачен лишь один. На допросе он упрямо твердил, что не знает, где спрятано золото, но рассказал о втором выходе из пещеры, через который они улизнули. Шериф и агенты компании «Уэллс-Фарго» вернулись, нашли выход по другую сторону холма, но при осмотре пещеры денег не обнаружили. Бандит был приговорен к суровой мере наказания — двадцати восьми годам тюрьмы.

Он отбыл срок сполна — двери тюрьмы распахнулись перед ним только в 1912 году. Без промедления он направился в Таксон — вряд ли только для того, чтобы потрусить у памятного места своей бурной молодости. Бывший грабитель оставался в Таксоне несколько недель, а затем направился к пещере. Он вошел в нее — и будто растворился. Больше его никогда не видели. Агент «Уэллс-Фарго», следовавший за ним по запутанным ходам пещеры, нашел лишь пустые мешки из-под денег со штатом своей компании. Так и осталось по сей день загадкой, когда и кто унес из пещеры золото: четыре ли бандита в 1884 году, отбывший срок наказания и состарившийся преступник или же заезжие искатели сокровищ?

С. ВАРШАВСКИЙ

Н. АЛЕЕВ

Держу в руках ОГОНЬ

Летом 1961 года от Челябинского вокзала отошел первый эшелон с комсомольцами-добровольцами. «Дашь бухарский газ!» — с таким лозунгом ехала молодежь строить самый большой в мире газопровод. Он протянулся с юга на север на 2186 километров и дал выход бухарскому газу на промышленные предприятия Челябинска, Свердловска, Нижнего Тагила.

Строители преодолели безводную пустыню, перебросили трубы через Аму-Дарью, прошли непроходимые топи болот и горные кручи.

Первая нитка газопровода дала бухарский газ промышленности Урала и Казахстана. В ближайшие годы будет сооружена вторая нитка газопровода.

О молодежи одного из строительно-монтажных участков газопровода Бухара — Урал рассказывается в этом очерке.

ЧИГРИКГРАД

Нет этого города на карте и никогда не будет. Не будет потому, что он не «привязан» ни к какой определенной земной точке. Этот город постоянно в дороге.

На трассе газопровода Бухара — Урал, где сейчас тянут вторую «нитку» и ведут ответвления к среднеазиатским городам, много таких кочующих городов. У всех у них есть свое неофициальное имя, кроме номера стройучастка. Я расскажу о Чигрикграде.

Стоит сейчас город Чигрикград у истоков бухарского газа, возле головных сооружений Газли. Здесь собирается газ, концентрируется, очищается и направляется компрессорными установками в дальнюю дорогу, на Урал. А «благословляют» его в путь жители Чигрикграда.

Назвали свой город ребята в честь начальника участка Валентина Чигрика, бессменного «мэра» города.

Все в Чигрикграде обычно и просто. Все как в настоящем городе. В домах-вагонах — электричество, газ, водопровод, горячая и холодная вода, радио. Здесь работают, учатся, мечтают, влюбляются, играют свадьбы... Только сотрудники в загсах частенько ломают голову при заполнении графы «место рождения», когда появляется на свет новый житель города. Ведь не запишешь — город Чигрикград...

ОГНЕННЫЕ АВТОГРАФЫ

Ночью разбушевалась буря. Зазвенели окна и стены, будто кто-то большими горстями швыряет песок, перемешанный с мелкой галькой. Вагончик качался, поскрипывал и жалобно стонал, как трамвай на крутом повороте. Сквозь сон Валентину Чигрику показалось, что он в родном городе и подъезжает к своему дому. (Выбил наконец-то отпуск!) Но как только открыл глаза и увидел знакомую обстановку своей колесной квартиры, все стало ясно: «черный буран»!

Чертыхаясь, он начал шарить на тумбочке часы. Было уже утро, а за окном темень. Чуть приоткрыл дверь, а ветер с такой силой рванул ее, что Валентин едва на ногах устоял. По лицу больно хлестнули крупные, как дробь, песчинки. Даже слезы выступили на глазах.

Ну какая тут, к дьяволу, работа!

И как назло! Сегодня надо врезать фильтры в трубы газопровода. В запасе у начальника участка только восемь часов. Эта работа требует двенадцать (это при нормальных условиях!). Но только на восемь часов хватит газа, который гоняет по трубам компрессоры, если отключить головные сооружения — прекратить подачу. А потом? Потом этот газ весь сгорит. Заводы Урала почувствуют газовый голод.

Перенести работу на другое время тоже нельзя. Не только участок Чигрика уже включился в дело. Все подготовлено, подвезено. Люди все на местах. Нет, надо выезжать на трассу.

Одна за другой выходили из Чигрикграда машины и терялись, исчезая в сыпучей мгле. Пустыня будто чадила. Желтый дым полз, клубясь, между барханами.

Ветер, беснуясь, рвал его, крутил винтом.

Ветер был такой горячий, будто в лицо дышала огромная выхлопная труба. Укрываясь рукавицами, монтажники и сварщики на ощупь пробились к трубам газопровода. Вспыхивали огни. И гасли на ветру. Поднесет сварщик электроды к трубе, а ветер будто только этого и дожидается, притаившись где-то за барханом, — налетит и яростно валит с ног.

Тяжело варить в такую бурю. Песок набивается в шов, делая его ноздреватым, хрупким. Валентин поручил эту работу Петру Широкову, Игорю Севрюкову, Михаилу Сысолятину — бывалым «пустынникам», как называют здесь ветеранов стройки. Парни выглядят косолапыми в своих жестких брезентовых робах, неуклюжими. Но каждый будто прилипает к трубе. Ветер неистово рвет полы курток, швыряет искры в рукава. Ветер больно хлещет песком по щекам, щедро сыплет его за воротник, в карманы, набивает в голинища сапог. А когда идешь к другому стыку труб, словно по дну быстроводной реки бредешь в мутном бушующем потоке. Кажется, упади — и тебя сейчас же подхватит, закрутит и унесет черт знает куда.

Но одна за другой ложатся, застывая, огненные буквы у готовых швов: «П. Ш.», «И. С.». — Петр Широков, Игорь Севрюков. Сварщики ставят свои подписи.

Много таких букв можно встретить на трубах газопровода. Возле Арала, под Челябинском, на берегах Аму-Дарьи... В них тот же смысл, что в подписи художника под своей картиной, подписи скульптора, писателя...

Работа была закончена в срок. А вечером все собрались в конторе. Ребята успели помыться, переодеться и немного отдохнуть. Лица у всех покрасневшие, припухшие — исхлестанные «бураном». Ждут результатов рентгеновской съемки швов. А вдруг дефект? Вон ведь какой ветрище!

Валентин Чигрик волнуется, стараясь не показывать виду. В который уже раз без особой на то надобности перекладывает бумаги на столе с места на место, чинит карандаши, хотя в стаканчике стоит полдюжины точно таких же, хорошо застроганных карандашей. И вот, наконец, появляется начальник походной лаборатории Иван Назаров. В Чигрикграде его немного недолюблива-

ют: Иван недавно закончил курсы в Москве и очень уж придирается по пустякам. Но на этот раз у него нет никаких претензий.

— В пределах нормы, — роняет он коротко, положив на стол пленки (Иван любит такие специфические выражения).

Все облегченно вздыхают и, как по команде, лезут в карманы за сигаретами. А Валентин, улыбнувшись, начинает рассказывать:

— Мальчишкой я недоумевал: как это черепахи умудряются прожить целых триста лет? Что они, железные, что ли? А здесь вот, в пустыне, нагляделся на них, и мне теперь стало ясно почему. Ну, что это у них за жизнь? Вылезут весной месяца на два, погреться на барханах и опять спать до следующей весны. Так и человек мог бы запросто лет триста протянуть.

Я гляжу на измученных ребят. — Вот была бы житуха! — подхватывает Саша Коротков мечтательно. — Продрал бы я глаза по весне, потянулся, покряхтел и первым делом к каске: «Здравствуй, Зинуля! Какое у нас сегодня число? Гони-ка монету за полгода!»

Ребята смеются. — «Ты же спал, Сашка!» — скажут тебе. «А где я спал? — запугуешься Коротков возмущенно. — На производстве спал. В пустыне. В отдаленности! В безводных полевых условиях».

ЗУБ МУДРОСТИ

Сашка давно мечтал стать сварщиком. И хотя он прослыл в Чигрикграде озорным и непутевым парнем, начальник участка послал его на курсы сварщиков в Уфу. Пусть парнишка поучится, может, за ум возьмется и перестанет дурить.

А Сашка прикатил из Уфы со здоровенной клеткой голубей! Начнет теперь тут гонять их по городку.

Чигрик хотел запретить ему строить голубятню, да ребята угорворили. Пусть, дескать, забавляется. Он нам не помешает.

Но работать стал Сашка хорошо — видно, голуби в Уфе его не очень отвлекали от учебы. На что уж придирается к молодым свар-

РОМАНТИКИ
НАШИХ
ДНЕЙ

щикам Иван Назаров, и тот в его швах никаких изъянов обнаружить не мог. Фото- и магнитная пленки свидетельствовали об одном — добротный у Сашки получается шов.

Наступила зима. Какая там зима в Каракумах — снежок чуть-чуть пески подсолит, да ветер стал злее, чем осенью. Пронизывает насквозь.

В один из таких холодных ветреных дней ребята укладывали «плеть» от новой скважины до головных сооружений. Сашка варил трубы. И вдруг у него разболелся зуб. А сварщиков больше нет — один он на этом участке. В поселок надо за ними ехать. За двадцать с лишним километров. По барханам. Пока туда доедешь да пока доберешься обратно — стемнеет.

— Терпи уж, Сашок, — сочувственно уговаривали его ребята. — Давайте быстрее закончим нитку.

Сашка терпел. Морщился, губы кусал до крови, а терпел. Все смотрели на него с восхищением. Иван Назаров пообещал написать про самоотверженный поступок Сашки в «Комсомолец Узбекистана». А перед концом сме-

ны ребята чуть не отлупили своего героя.

Заскочил в «плеть» тушканчик. Попробовали его выгнать — ключами стучали по трубам, аукали. Не вылезит! Забился с перепугу в середину «плетей» и сидит.

— Сваривай! — говорят Сашке. — Сжатым воздухом будем потом трубы продвигать — вылетит, как пробка.

— Ну чего стоишь?

— Вари давай!

Сашка не трогается с места. — Да ведь он там задохнется, ребята. Или умрет... со страху.

— Вари, тебе говорят! — выходят из себя трубоукладчики.

— Как же я, ребята, живого тушканчика запаяю? — тянет Сашка, ухватившись рукой за вспухшую шеку.

— Пусть не лезет куда не следует!

Но Сашка стоит на своем.

Попробовали выкурить тушканчика дымом.

С наветренной стороны «плетей» зажгли паклю, смоченную соляной. Ничего не помогает!

Опять ребята трясут Сашку, тумачами подталкивая к трубам. Сваривай! Кому охота без толку

на ветру коченеть! А Сашка уперся: «Не буду варить, и баста».

Неизвестно, как бы обернулось дело, если бы этот тушканчик сам из трубы не выскочил — полуживой от страха и черный от копоти. Сашка взялся за свои электроды, надвинул на глаза железное забрало. Даже зуб как будто меньше стал его мучить. Может, потому, что он поволновался?

Уложили ребята «плеть», приехали домой. Сашка отправился в медпункт. Врач Марина Сайфулина, заглянув ему в рот, улыбнулась и отложила свои инструменты:

— Да у тебя же, Александр, зуб мудрости прорезается!

ШЕСТЕРНЯ

Начальнику участка вошел парнишка в старенькой динамовской майке и расшлепанных кедах. Вид у него был такой праздничный, будто он явился премию получать. Поздоровавшись, парнишка снял серенькую кепчонку и деловито полез в карман за документами. Бумаги были аккуратно обернуты в целлофан.

— Тракторист широкого профи-

ля, — не без гордости представился он, садясь на стул возле стола Чигрика, — Костя Ивлев.

Начальник развернул документы новичка, поглядывая на него с плохо скрытой усмешкой. «Тракторист широкого профиля!» Чигрик представил этого тракториста в кабине великана С-150 и опять с трудом подавил ухмылку. Тщедушный, белобрысенкий, веснушками обсыпанный... А документы хорошие. Училище механизации закончил на одни пятерки. Но ведь практики-то еще никакой! А тут пески, пустыня.

— Мне бы на бульдозер, — попросил Костя все с той же сияющей улыбкой, видимо свято веря в могущество своих документов.

Начальнику это не понравилось.

— Нет у меня бульдозеров, — отрезал он. — На «натик» пойдешь, воду будешь по трассе развозить.

А бульдозеры были. Вон они, за окном. Новенькие. Но бульдозеры эти Чигрик берег для демобилизованных танкистов. Под стеклом у него лежало письмо из части, в котором ребята писали, что едут всем взводом. Чигрик положил документы в сторонку и

сказал, что сегодня напишет приказ.

У конторы на Костю налетел главный механик.

— Новичок?

— Отлично! Бери вот шестеренку и отнеси ребятам. Вон там они, за теми барханами, — показал механик рукой на дорогу.

Шестеренка оказалась увесистая — двадцать два килограмма. Костя привязал провод и взвалил ее на плечо. Ого, придется попытеть... А дорога... Дорога такая, будто идешь по пуховой перине. Ноги вязнут по шиколотку. Не успел Костя прошагать и ста метров, как ему нарезало проводом плечо. Он снял кепку, скомкал и положил под провод. Стало чуть-чуть легче. А жарится... По дороге бегут, как по реке, желтые буруны. Верхушки бархановгибаются, перемещаясь на глазах. Но ветер не приносит прохлады. Он такой горячий, будто где-то рядом полыхает большущий костер. Пересохли губы. А ноги у Кости уже как деревянные. Не слушаются ноги. Отдохнуть бы. Но не видать Косте тогда бульдозера. Да и ребята там на простое...

Ветер крепчал, и след колес таял на песке. Костя положил шестеренку, огляделся и ахнул. Кругом одни барханы. Нет дороги.

...Утром в контору забежал Виктор Пономарев, комсомольский секретарь участка.

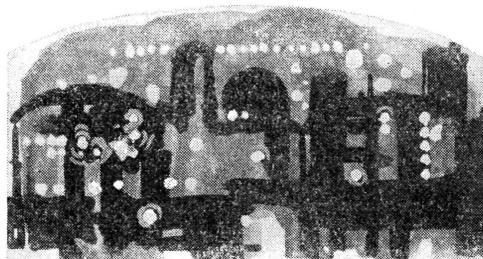
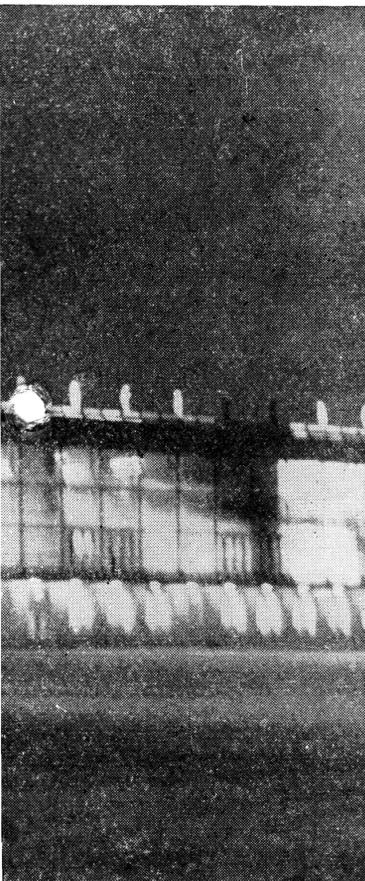
— Товарищ Чигрик, — возбужденно начал он, нетерпеливо пританцовывая возле стола. — Надо отметить новичка. Геройский парень!

— Ну, что там у тебя опять за подвиг? — с явным неудовольствием оторвался от чертежей начальник участка.

Виктор начал горячо и сбивчиво рассказывать, все больше воодушевляясь и злясь на суховатого начальника. Костя заплутал, потеряв дорогу. Вышел он к бульдозеристам поздно вечером. Какой там вечер — ночью! Припелся чуть живой, плечи стер до крови, а шестерню не бросил.

Начальник ничего не сказал комсоргу. Он молча взял отпечатанный приказ и зачеркнул в нем одну строчку. Повыше ее легли крупные четкие буквы: «На бульдозер С-150».

Трасса Бухара — Урал.

гни Сибири — они разные.

Слепящие брызги электросварки и уютный свет абажуров в домах. Огни рампы и лучи прожекторов над хоккейными полями. Гостеприимное сияние ночных аэровокзалов и мелькание красных огоньков воздушных лайнеров в небе.

Из Сибири пришло в наш обиход слово «ЛЭП». Из технических отчетов оно перешло в песню, которую поет молодежь. ЛЭП — это дорога, по которой шагают огни. Опора — шаг. Опора — еще шаг...

Огни разливаются светлыми озерами, сливаются в моря. Мы говорим огням: добро пожаловать!

Фотоочерк
А. ГОРЯЧЕВА
Текст
В. СИМАКОВА

Л. ДОБРЯГИН, Г. ЕРЕМИН

Ты пил в среду ночью с капитаном? — начал Олсен. — Когда ты ушел от него?

Стюард Баардсен поднял на старшего помощника мутные, покрасневшие глаза:

— Примерно четверть первого... А что случилось?

— В каком состоянии был капитан? — перебил его Олсен.

— В порядке, но, разумеется, как всегда, пьян. Что произошло?

— Капитан убит!

ЗНАКОМЬТЕСЬ — «ПОМОНА»

Грузовое судно «Помона», принадлежащее бразильской судоходной компании, уже с неделю находилось в Тихом океане, держа курс на Филиппины. Тяжело груженное металлическим ломом, покрытое рыжими пятнами ржавчины, с бортами, на которых едва сохранялись последние следы окраски, с грязными, захламленными палубами, судно

являло собой печальную картину. Все говорило о том, что плавать кораблю осталось недолго.

«Помона», судно типа «Либерти», была построена в Соединенных Штатах в 1943 году. Когда она изрядно износилась, ее перепродали одной бразильской судоходной компании, которая занималась перевозкой грузов на морских дорогах мира.

Судно было зарегистрировано в Либерии (порт приписки — Монровия), командный состав набирался в Норвегии, экипаж — во всех кабаках и притонах Нового и Старого Света. Он состоял из портовых бродяг, уже давно позабывших свой родной язык. Впрочем, в этом не было ничего удивительного — подставное судно шло под «флагом-ширмой».

БИЗНЕС НА ФЛАГАХ

...Десятки тысяч торговых судов бороздят воды Мирового океана. На многих из них подняты «флаги-ширмы». Это означает, что судно несет флаг

номинально, фактически им распоряжается судовладелец другой страны. В морской печати капиталистических стран эти флаги называют по-разному: «подставные флаги», «чужие флаги», «блуждающие флаги», «флага-ширмы», «дешевые флаги», «услужливые», «удобные», «спасительные» и т. п. Флаги многих капиталистических стран, в последние годы Панамы, Гондураса, Либерии, Коста-Рики, или английских колоний — Гонконга, Гибралтара, Бермудских и Багамских островов — могут развеваться на мачтах судов любой страны, которая купит чужой флаг.

Как могло случиться, что суда, занятые в международных морских перевозках, плавают под чужими флагами?

В судоходстве может преуспеть тот судовладелец, который предложит более приемлемые условия, так называемую «цену перевозки грузов и пассажиров». Если в расходах по снабжению продовольствием, топливом и мелкому ремонту суда

ЧТО ТАКОЕ «ПОДСТАВНЫЕ СУДА»? БРАЗИЛЬСКИЙ КОРАБЛЬ ПОД ЛИБЕРИЙСКИМ ФЛАГОМ. ТРАГЕДИЯ НА «ПОМОНЕ» — СЛУЧАЙНОСТЬ ИЛИ ЗАКОНОМЕРНОСТЬ?

всех стран находятся примерно в равных условиях, то в части амортизационных отчислений, заработной платы экипажам и налогов суда подчиняются законам своих стран, которые по-разному решают все эти вопросы. Ввиду таких различий для одинаковых судов разных стран по-разному складываются и издержки перевозки. Поэтому выгодно переводить свои суда под флаг той страны, в которой эти издержки очень низки.

Так и появились подставные суда под «флагами-ширмами», появилась эта хитроумная и тонко продуманная система, суть которой, однако, довольно проста: обойти законы, мешающие морскому бизнесу. Своим рождением феномен современных подставных судов обязан американцу Гарриману, который 5 декабря 1922 года передал в Нью-Йорке под панамский флаг первых два американских пассажирских судна, принадлежащих компании «Юнайтед Америка Лайн». Если к 1939 году в мире подставных судов было лишь 157 и их общий валовой тоннаж насчитывал всего 800 тысяч регистровых тонн, то в 1948 году их было уже около 550 общим тоннажем около 3 миллионов регистровых тонн, а на 1 июля 1965 года (данные английского Регистра Ллойда) они превратились в настоящую армаду, насчитывающую уже около 2500 судов общей валовой вместительностью 23,5 миллиона регистровых тонн. В целом же шестая часть флота капиталистических стран ходит под «флагом-ширмой».

Сейчас американские суда плавают под любым флагом, будь то флаг Англии, Франции, ФРГ, Норвегии и т. д. Но доходы здесь не так велики, как, скажем, под флагами зависимых от США «малых» стран, которые бизнесмены-янки называют «дешевыми». Среди стран, чьи флаги можно встретить на американских, английских, французских или бразильских судах, первое место до недавнего времени занимали Панама, Гондурас, Либерия, Коста-Рика и др. Маленькие республики с небольшой

территорией, малочисленным населением и незначительной морской торговлей, к тому же не имеющие своей промышленности, не могли сделать сколько-нибудь значительных капиталовложений в создание своего торгового флота. Именно здесь американские и прочие капиталисты создали, разумеется в рамках «закона» этих стран, наивыгоднейшие для себя условия. Здесь они покупают флаг.

Что дает это покупателю?

Ценой незначительных расходов за регистрацию судна и покупку «флага-ширмы» судовладелец получает следующие преимущества. Во-первых, в таких «дешевых странах» государственные налоги с иностранных, «приписанных» судов крайне низки или же отсутствуют совсем (так, например, панамский флаг освобождает судовладельца от уплаты сборов за проход судна через Панамский канал), в то время как в Соединенных Штатах, Англии, Канаде или Греции они очень высоки. Бегство от налогов — одна из основных причин, побуждающая судовладельцев переводить корабли под «флагом-ширму».

Во-вторых, в перечисленных странах отсутствуют законы, защищающие интересы судовых команд и пассажиров, что дает судовладельцам право без зазрения совести эксплуатировать экипажи кораблей и обходить национальные законы стран, которым фактически принадлежат суда. При этом совершенно игнорируются решения профессиональных союзов моряков, касающиеся заработной платы, отпусков, продолжительности вахт, бытовых удобств и т. п.

В свою очередь, матросам с подставных судов бесполезно обращаться в свои национальные профсоюзы за защитой от злоупотреблений со стороны судовладельцев, ведь союзы не могут защитить своих членов, плавающих под чужими флагами. Порой поведение отдельных судовладельцев принимает настолько скандальный характер, что время от времени ООН создает специальные комиссии, которые обследуют состояние судов, находящихся под чужими флагами.

Рейсы торговых судов, плавающих под «флагом-ширмой» (иногда это старые, износившиеся корабли), нередко заканчиваются трагично. В перечисленных странах часто отсутствуют законы, контролирующие безопасность плавания, а если они и есть, то большинство капитанов игнорируют их. И порой не пригодные для нормальной эксплуатации, перегруженные выше допустимой нормы, старые суда становятся жертвами морской стихии. Иногда они исчезают в безбрежных просторах океана, даже не успев послать в эфир SOS.

КАПИТАН, ЕГО ПОМОЩНИКИ И КОМАНДА

Злополучный рейс «Помоны» начался из норвежского порта Ставангер. В конце 1963 года бразильское судно вышло в Атлантику, неся на мачте либерийский флаг.

Прошла неделя. Команда, набранная из разношерстного портового сброда, начинала «знакомиться». У берегов Испании после одной особенно продолжительной пьянки сошел с ума первый матрос. С душераздирающим воплем он нагишом промчался по палубе, пытаясь выбраться за борт. Его едва успели поймать и связать. Больного сдали в испанском порту Бильбао. Но трагедия только начиналась.

После Испании судно посетили с полдюжину портов Карибского моря. В Порт-оф-Спейне второй обезумевший от пьянства матрос выбросился за борт. Третий выпрыгнул в море у Гваделупы. Команда расхищала груз и распродала его в портах. Корабль на глазах обростал грязью, мусор покрывал палубы. За уборку судна отвечали стюард и боцман, но они никогда не были достаточно трезвыми, чтобы помнить о своих обязанностях. На корабле забыли не только о чистоте. Торговые суда обычно проводят регулярные пожарные и спасательные учения, но капитан «Помоны» Натвиг, несмотря на требования офицеров, ни разу не провел ни одного такого занятия...

«Капитан был неплохой парень, — отзывался о нем позднее один из матросов, — правда, он всегда был чертовски пьян, и мы видели его на палубе очень редко». За тридцать лет, проведенных в торговом флоте, пятидесятилетний Якоб Натвиг так пристрастился к виски, что его недельные запои удивляли даже выдающуюся команду. Событийником капитана был высокий хмурый человек — старший стюард Баардсен. Когда стюард не пил с капитаном, он в полном одиночестве опорожнял одну бутылку за другой или спивал офицеров и команду. Единственным трезвенником на судне был первый помощник капитана, тридцатичетырехлетний Алф Олсен, круглолицый человек с курчавыми волосами и озабоченным взглядом серых глаз. Да, ему было о чем беспокоиться...

Из Балтимора «Помона», пройдя через Панамский канал, взяла курс к берегам Калифорнии. Там, в Сан-Педро, приняв на борт груз металлолома и сдав на берег еще одного допившегося до белой горячки, судно направилось к берегам Филиппин. Однажды ночью во время вахты на мостике схватилась пьяный рулевой Мигель Марриага и третий помощник капитана Рейдар Кловнинг. Марриага, вооруженный длинным острым ножом, устремился на офицера, пытавшегося как-то навести порядок на судне.

— Попробуй только пикни! — орал рулевой. — Я тебя так изукрашу, что и мать родная не узнает! Порядок вздумал навести, идиот!

Капитан Натвиг, разбивший конфликт, отказался наказывать Марриагу, и дисциплина на «Помоне» исчезла совсем. Кочегары забросили топки, вместо них пар в котлах поддерживали механики.

«КАПИТАН УБИТ!..»

Капитана не было видно уже двое суток, не явился он и на третий. Правда, так бывало и раньше, но Олсен решил все-таки разбудить капитана. Дверь капитанской каюты оказалась открытой, и Олсен вошел в салон. Пустые бутылки, перевернутое кресло, разбросанные по полу бумаги выброшены из открытого ящика стола... Предчувствуя недоброе, Олсен бросился в спальню. На койке лежал мертвый капитан. Рядом валялся пожарный топор. Пятясь, Олсен вышел из каюты и дрожащими руками запер дверь. Потом стремглав бросился в рулевую рубку и отдал приказ взять курс на ближайший порт — Гонолулу.

— Капитан убит! — выкрикнул Олсен, глядя в глаза Баардсену.

— Не может быть! Вы в своем уме? — прошептал тот.

Олсену показалось, что Баардсен был искренен

в горе, но — черт побери! — ведь в среду ночью он был в каюте капитана. Оба крепко пили. И очевидно, он был последним, кто видел капитана Натвига живым.

Олсен отвел Баардсена в свою каюту, а сам направился к главному механику Свенсену. Тот припомнил, что старший стюард пришел к нему часа

Танец «Земли хороших людей»

Когда-то, в 1498 году, португальский мореплавец записал в судовом журнале:

«Мы обнаружили на берегу устье какой-то речки и невдалеке от него бросили якорь... Подойдя на лодках ближе к берегу, мы разглядели толпу негров... Их предводитель сказал нам, что они дадут нам все, в чем мы нуждаемся... Мы назвали эту страну «ТЕРРА ДА БОА ДЖЕНТЕ» — «ЗЕМЛЯ ХОРОШИХ ЛЮДЕЙ».

«Земля хороших людей» — Мозамбик встречала приветственными песнями и танцами. В их барабаны была тогда радость. Но чужеземцы решили, что им нужна вся земля и что «хорошие люди» будут отличными рабами. Умолкли веселые песни, в барабаны была тревога, собиравшая народ Мозамбика на бой за свободу. И хоть прошло с той поры почти пять столетий, борьба с колонизаторами не стихает. Все чаще в наши дни разносят по джунглям барабаны вести победы, все чаще звучат победные песни.

...Издали начинается танец. С тихих ударов барабанов, с первых медленных движений. Но вот тамтам слышнее, вот ритм становится четче, вот вступает в танец дочь вождя, вот танцуют уже все девушки племени. Юноши пока стоят поодаль, ждут, когда ритм станет еще быстрее. Тогда придет их черед — они вступают в круг, высокие, сильные, затянутые в львиные шкуры. Это танец народа гордого и свободолюбивого, танец «земли хороших людей».

в три ночи и что они пили шотландское виски до семи часов утра, после чего Свенсен ссалился и больше ничего не помнит. Олсен решил запереть Баардсена в каюте. Разумеется, от команды была скрыта смерть капитана («Ему нездоровится», — объяснил Олсен). Баардсен был изолирован, но это тоже никого не удивило, решили, что «самый отчаянный пьяница» наконец-то сошел с ума, а судно идет в Гонолулу, чтобы сдать его на берег. Нескольким помешавшимся матросов за семь месяцев плавания давали достаточно оснований для таких предположений. Только Олсен, помощники капитана, радист и, разумеется, арестованный Баардсен знали, что на борту произошло убийство. В течение трех суток пути в Гонолулу офицеры не смыкали глаз.

КТО ОТВЕЧАЕТ ЗА «ПОМОНУ»?

В порту судно уже ждали детективы и толпа репортеров. Газеты уже сообщали о

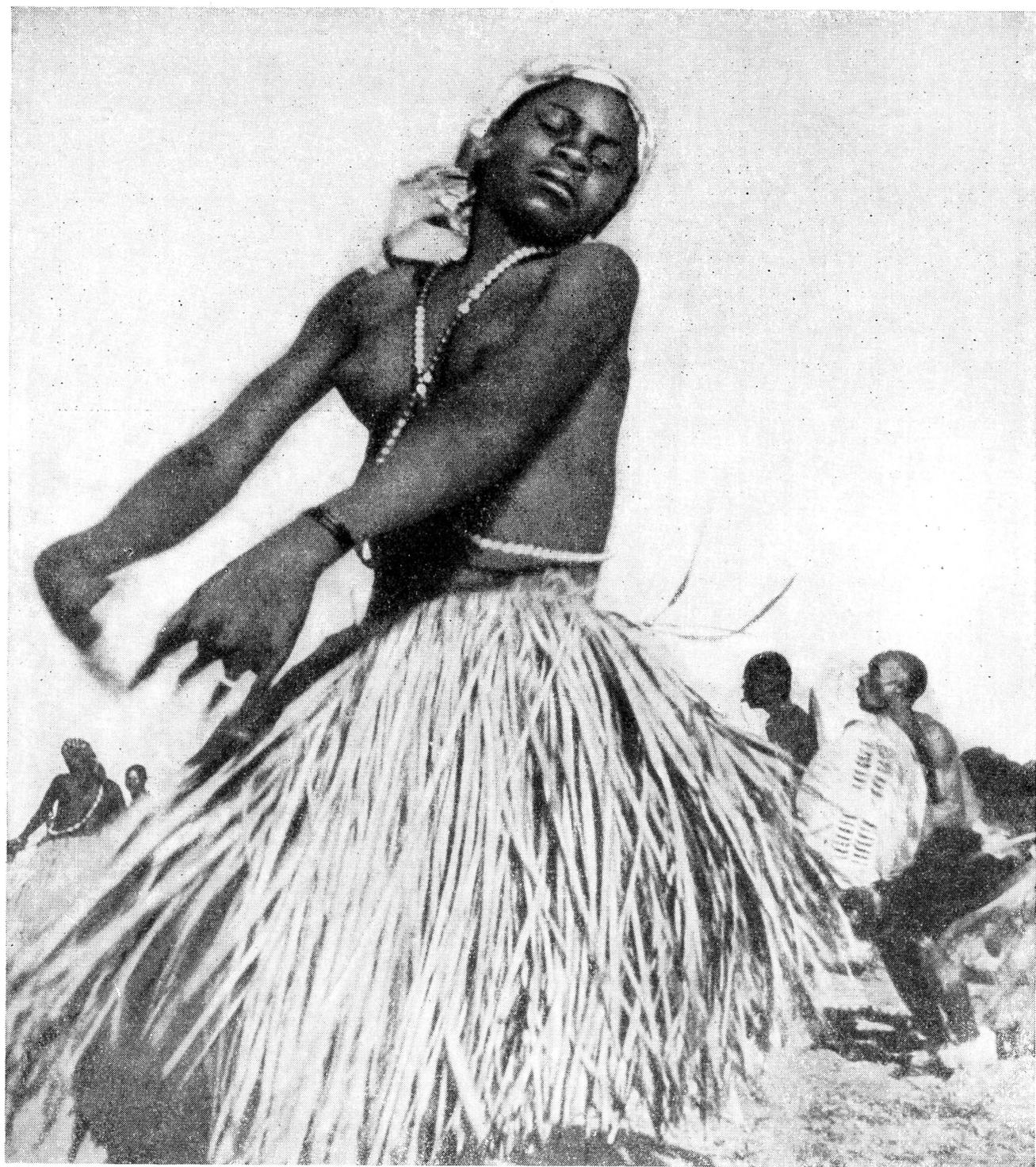
«Тайне «Помоны» — «корабля ужаса».

«Чертовом корабле ада»

«Загадочном убийстве в океане».

Но никто не написал о судах пиратской империи, плавающих под «флагами-ширмами», ибо в США полным-полно таких кораблей...

На второй день пребывания в Гонолулу Баардсен разбил тарелку и ее осколком вскрыл вену на левом запястье. Когда его отправляли в больницу, он кричал: «Я не виновен! Все против меня!» Большинство команды, да и сам Олсен не верили в то, что стюард убил капитана. Дело в том, что Баардсен был огромного роста, и члены экипажа и детективы не могли поверить в то, что стюард мог во время пьянки с капитаном замахнуть на него топо-

ром, не оставив на подволоке (так моряки называют потолок каюты) никакой царапины. На самом деле — там не было ни следа. Правда, на его рубашке нашли крохотное пятно крови, но оно бы-

ло слишком мало, чтобы произвести его анализ. Баардсен заявил, что порезался во время бритья. Его покушение на самоубийство не рассматривалось как попытка уйти от следствия. Баардсен и до это-

го был подвержен припадкам черной меланхолии и часто пребывал в состоянии сильнейшей душевной депрессии. Оправившись в больнице от потери крови, Баардсен уехал в Осло, сопровождаемый детективами. А следствие зашло в тупик...

Опытная в таких делах полиция Гонолулу провела расследование убийства, но сделать ничего не могла. Корабль, принадлежащий бразильской компании, был зарегистрирован под флагом Либерии, и разбирательство дела об убийстве капитана на чужом судне казалось безнадежным. Бразильский суд, в свою очередь, имел предлог отказать от «Помоны», что охотно и сделал, ссылаясь на либерийский флаг. После долгих переговоров судебные органы Норвегии решили: раз капитан Натвиг и стюард Баардсен являются норвежскими подданными, придется прислать следователей из Осло. А до тех пор команду держали на корабле. В то же время и компания старалась задержать экипаж — еще не истек срок годичного контракта, она требовала, чтобы моряки вновь отправились в плавание.

Нечего и говорить, что нервы у команды были измотаны. Одиночество пугало матросов, и они поселились по двое и по трое, впрочем, и даже тут ночью никто не расставался с ножами. Офицеры продвигались по судну, прижимаясь спинами к стальным переборкам, готовые к нападению в любую секунду. Убийца капитана не был раскрыт, и все боялись, вдруг он вновь нанесет удар. Команда не работала, судно еще больше обросло грязью. Каждый день у пирса толпились жители города, приходившие поглазеть на этот странный экипаж, стоявший у релингов и с тоской смотревший на берег. Матросы уходили от бортов и молча скрывались в каютах.

Несколько недель простояла «Помона» в порту, накрепко пришвартованная к пирсу.

Наконец за недостаточностью улики следствие было приостановлено, и компания сдалась. Она освободила команду и, чтобы заменить ее, доставила на самолете новых матросов из Гонконга. Офицеры согласились остаться на «Помоне» еще ровно столько, чтобы привести корабль на Филиппины. Но не прошло и нескольких часов, как береговая служба США приняла сигнал SOS. На судне возник пожар...

...О «корабле ужаса» больше не писали, западную прессу интересовала только детективная сторона истории. Пока ведется следствие, в печати высказываются различные догадки и предположения. Кто же убил капитана и почему сгорела «Помона»? На сегодняшний день эти вопросы остаются открытыми.

Но не в этом суть дела. Купленные «флаги-ширмы» продолжают развеваться на мачтах подставных судов. Бизнес на флагах процветает. В те дни, когда история «Помоны» еще оставалась сенсацией года, японские судовладельцы спустили на воду огромный танкер-нефтевоз. Его приписали к Монровии — на мачте поднялся либерийский флаг. Судовладельцы Штатов, Англии, Франции, Японии, Греции имеют целые флотилии подставных судов. И судьба «Помоны», одного из представителей армады торговых судов, плавающих под чужими флагами, явление далеко не случайное. Ожесточеннейшая конкурентная борьба капиталистических морских монополий, стремление судовладельцев извлечь максимальные прибыли со своих судов породили этот узаконенный морской разбой.

Лыжи для всех

Известно, что первые в мире изображения лыж найдены в СССР на «писаницах» (наскальных рисунках) Белого моря и Оленьего острова в Онежском озере.

Древние лыжи сильно отличались от современных; они были не скользящими, а ступающими. Изготавливали их так: ореховый прут сгибали дугой и концы его связывали, готовый каркас оплетали кожаными ремнями. Лыжи-снегоступы помогли древнему охотнику освоить заснеженные просторы сибирской тайги и тундры. Летописи сообщают, что в новгородских дружинах и войсках великих князей московских были специальные отряды лыжников. По глубокому снегу они могли обойти врага и неожиданно напасть на него с тыла.

Тот, кто думает, что лыжи всегда красовались на ноге человека, сильно ошибается. Прошедший год должен был войти в историю как год столетнего юбилея одного оригинального изобретения. Но, к великому огорчению... лошадей и прочих тягловых животных, оно оказалось настолько забытым.

Газета «Восточный Орегонец» (штат Орегон, США) в свое время писала, что некоему Биллу Эллису в 1865 году удалось соорудить лыжи для своих мулов. На этих лыжах мулы Эллиса, запряженные в сани, спокойно прошли большое расстояние по снежной целине. А десять лет спустя, в 1875 году, другой изобретатель, Тэйлор, демонстрировал лыжи для лошадей. Оснатив ими свою четверку, он проехал более 80 километров по полутораметровым сугробам.

До нас не дошли ни лыжи для четвероногих, ни их чертежи. Однако, как полагают эксперты, это были тоже снегоступы. Может, и стоит пожалеть, что эти изобретения не получили заслуженного признания и нынче мы не можем быть болельщиками на лыжных гонках четвероногих? А может быть, и в самом деле стоило вновь изобрести «велосипед»?

Кстати, о велосипеде. Пятьдесят лет тому назад одному капитану французской жандармерии удалось поставить на лыжи... велосипед. Переднее колесо намертво скреплялось с лыжей, окованной жестью, — оно было направляющим — для этого хватало простого поворота руля. Ведущее заднее колесо закреплялось в специальном кронштейне между двумя параллельными лыжами. Оно было снабжено лопастями, наподобие лопастей водяной мельницы. Отталкиваясь от наста и неровностей почвы, ведущее колесо заставляло всю конструкцию скользить по снегу.

Это изобретение тоже вскоре было забыто.

Шли годы, лошадей сменил автомобиль, и еще на заре автомобилестроения изобретатели попытались поставить свое детище на лыжи. Получился довольно смешной и забавный монстр. Окованный металлом корпус с двумя плугами-снегоочистителями в передней части, открытое сиденье для водителя и сзади него два места для пасса-

жиров; по бокам — маленькие колеса для подъема на крутые склоны; между колесами торчали тяжелые металлические лыжи: пара спереди и пара сзади. Полوزья могли опускаться и подниматься специальным приспособлением, и монстр превращался поочередно то в сани, то в автомобиль. Неизвестно, как долго просуществовал этот оригинальный аппарат и не застрял ли он при первых испытаниях в глубоком сугробе, — ведь весила эта машина, очевидно, немало.

Желание по-новому использовать лыжи не пропало и в наши дни. Появились водные лыжи, аэросани, гидропланы и даже суда на подводных крыльях-лыжах. И кто знает, может быть, будущим космонавтам еще пригодится это древнее охотничье изобретение — ведь поверхность Луны, по мнению некоторых ученых, покрыта пылью...

Гонки за четвероногим лидером

Восемь ночей в апреле и восемь ночей в мае в заповеднике Натал Парк Борд, занимающем 62 тысячи акров между горами Лебомбо и холмами Зулуленда (ЮАР), творятся удивительные вещи. Караваны вездеходов и грузовиков отправляются в необычную экспедицию. Фары выхватывают из темноты скелеты кустов и белесую траву. Машины движутся медленно и осторожно. «Слева!» — наконец кричит кто-то из команды первого вездехода. Машины разворачиваются, и в свете фар видно стадо антилоп импала.

Антилопы не боятся шума моторов. Они привыкли к туристским машинам и потому не убегают, а только, подняв головы, следят за ночными гостями. И лишь когда из вездеходов выпрыгивают люди, они срываются с места. Скорость — оружие импала: 65 километров в час!

Тут и начинается самое интересное. Команда ловцов, как это ни невероятно звучит, побеждает быстроногих импал их же собственным оружием: скоростью. Конечно, долгая гонка сквозь ночь и кусты вряд ли дает людям хотя бы малейший шанс на победу, но зато в «спринте», в стремительном броске, они берут верх над антилопами. Заранее выбрав себе жертву, ловец, как стрела, срывается с места. Вездеходы, следуя за бегунами, все время держат их в свете фар. Чтобы ловцов было лучше видно, на куртках их коричневых костюмов проведены белые полосы.

Настигнув антилопу, бегун хватает ее за задние ноги. Подоспевшие товарищи помогают ее связать и взвалить на плечи. Все это происходит настолько быстро, что животные не успевают даже испугаться. Целых и невредимых, их доставляют на специальные фермы.

Как победил Шеррил

В истории спорта немало курьезов. Вот один из них... Весной 1887 года пять спринтеров вышли на старт сто-ярдовой дорожки стадиона Нью-Хейвена (штат Коннектикут). Четверо из них заняли стартовое положение на линии, корпус выпрямлен и напряжен, кулаки сжаты, руки согнуты, как у боксеров перед схваткой на ринге, взор устремлен вверх. Пятый — Чарльз Шеррил скорчился, поставив колено прямо на землю. Зрители начали смеяться и кто-то уже крикнул, чтоб он перестал валять дурака. Стартер некоторое время наблюдал за ним, а потом, не выдержав, подошел ближе и сказал: «Послушай, Шеррил, ты что, не видишь, что все уже готово? Сейчас даем старт, или ты не соображаешь? Давай-ка вставай!» Шеррил поднялся и вежливо ответил, что он собирается стартовать именно вот так — скорчившись. Какого-нибудь специального положения, запрещавшего подобный старт, не было, и стартеру оставалось пожать плечами и под смех всего стадиона дать команду «марш». Шеррил вылетел со старта, как молния, и сразу же оторвался от соперников почти на ярд. Закончил он дистанцию первым. Шеррила никогда не считали сколько-нибудь приличным бегуном, и его победа наделала много шума.

Однако долгое время все лучшие спортсмены продолжали начинать бег, как и прежде, полностью выпрямив корпус, а Джону Оуэну удалось даже, стартуя таким образом, впервые в мире пробежать сто ярдов меньше чем за 10 секунд. Лишь постепенно все стали переходить на низкий старт.

В поисках бездорожья

Как это делается?

Берется автомобиль, «раздевается» до шасси, мотор переносится как можно дальше назад, обычные колеса заменяются большими, и вот уже автомобиль готов для гонок. Остается только найти подходящие песчаные дюны: ведь этот новый спорт — гонки по песку.

На калифорнийском берегу, где зародились гонки, дюны занимают огромное пространство. Быть может, поэтому новый азартный вид спорта распространился здесь со скоростью эпидемии. В соревнованиях участвуют машины всех классов. Скотт Маккензи, претендующий на роль изобретателя песчаных гонок, временами на отдельных участках пути развивал скорость до 130—140 километров в час. Впрочем, не только скорость доставляет гонщикам наслаждение. Как утверждают некоторые из них, не менее азартное занятие — вытаскивать своих «мустангов», утонувших в песке.

КЛЮТ-КОМПАНИЯ „Вокруг света“

Декабрьским вечером 1875 года чуть ли не все рыбаки Глочестера собрались в баре «Гарпунный лень». Накануне сочельника им всем крупно повезло — улов выдался необычайный. Вот тогда-то в прокуренном, шумном баре и была решена судьба первого одиночного океанского плавания.

Молодой рослый датчанин Альфред Джонсон, бог весть какими ветрами занесенный в амери-

канский городок Глочестер, что стоит на атлантическом побережье, неожиданно стал героем вечера. Теперь уж никто не скажет, с чего ему взбрело в голову хвастаться своими подвигами. Но кончилось все тем, что, подзадориваемый своими товарищами, Джонсон в конце концов заявил, что, если уж на то пошло, он может переплыть Атлантику на обычной промысловой дорі. Рыбаки не привыкли бросать слов

ОДИН ШАНС

АЛЬФРЕДА ДЖОНСОНА

Рисунок А. ГУСЕВА

Сегодня в нашей кают-компании слово предоставляется кандидату географических наук В. ВОЙТОВУ и журналисту Л. СКРЯТИНУ — авторам начатой в первом номере серии рассказов «Один против океана». Продолжая эту серию, мы помещаем документальную новеллу о первом мореплавателе, в одиночку пересекшем Атлантический океан, датчанине АЛЬФРЕДЕ ДЖОНСОНЕ.

на ветер: заявил — бери дори и пльви... Иначе тебе приклеят позорный ярлык болтуна.

Через несколько дней рыбаки увидели, что Джонсон и впрямь начал строить лодку. Дори в те времена была наиболее распространенным судном для промысла палтуса. Посудина получилась прочная: еще бы, ведь она строилась из дуба и канадской сосны. Длинной она была двадцать, а шириной — пять с по-

ловиной футов. Низкий борт лодки возвышался над водой всего лишь на 30 дюймов. На палубном настиле, ближе к корме, было устроено помещение для рулевого — кокпит. Одна невысокая мачта могла нести парус площадью около двадцати квадратных метров, а на выступающей вперед горизонтальной мачте — бушприте мог быть поднят второй парус, поменьше.

Похоже было, что Джонсон и в самом деле решил уйти в океан на этой скорлупе, и тогда рыбаки, поговорив между собой, решили простить ему легкомысленное хвастовство в «Гарпунном лине». Но теперь никакие уговоры даже близких друзей не могли переубедить упрямого датчанина.

16 июня 1876 года Джонсон вышел на своей самодельной лодке в открытый океан. На носу и корме судна было написано название «Столетие».

Когда «Столетие» покидало Глочестер, на его борту был запас продуктов и воды для одного человека на три месяца плавания. Помимо провианта, Джонсон захватил второй комплект парусов, карту Северной Атлантики, компас, секстант, часы и лот.

Первая неделя плавания, как потом сущил Джонсон, была для него сущим мучением. Пять дней его трепал жестокий шторм, пять дней и ночей он провел без сна, с трудом удерживая нос дори против катящихся валов океана. Лишь на шестой день плавания датчанину удалось просушить мокрую до последней нитки одежду и приготовить горячую пищу. Ветер, изменив направление, стал благоприятствовать плаванию: «Столетие» шло со скоростью пяти узлов.

Джонсон прошел южнее острова Сейбл — острова кораблекрушений — и Большой Ньюфаундлендской банки. 7 июля он находился в точке координат $41^{\circ} 50'$ с. ш. и $54^{\circ} 00'$ з. д. Через несколько дней «Столетие» заметили с английского барка, следовавшего из Мексики в Ливерпуль. Англичане предложили помощь. Однако датчанин наотрез отказался оставить дори и подняться на борт.

«Столетие» миля за милей продолжало покорять океан. То и дело одиночному мореплавателю приходилось убирать паруса и на плавучем якоре отстаиваться носом к волне под унылый свист ветра в вантах. Ветер срывал с гребней волн пену и

кидал ее в лицо. Спустя почти месяц над угрюмым океаном наконец-то появилось солнце. Джонсон смог разобрать и просушить запасы продуктов, превратившиеся к тому времени в пропитанное соленой водой ме-

По три раза в день я вколачивал себе в голову: «Я этого добьюсь!», «Не сдаваться!» Эти слова были для меня «спасательным кругом» в тот пятьдесят седьмой день плавания. Провести девять часов, цепляясь за дно крохотной, скользкой перевернувшейся калоши, когда тебя качают шести-девятиметровые волны, когда налетают безжалостные шквалы и бешено завывает ветер, — такое, пожалуй, требует больше, нежели обычной воли к жизни.

Ханнес ЛИНДЕМАН (дважды — в 1955 и 1956 годах на балсовом плоту и надувной лодке пересек Атлантику).

сиво. Большую часть запасов пришлось просто выбросить.

В один из таких солнечных дней к «Столетию» подошел немецкий пассажирский пароход и предложил помощь. Несмотря на уговоры капитана и высывавших на палубу пассажиров, Джонсон вновь отказался от заманчивых предложений, он даже не принял свежие продукты. Уже прощаясь, Джонсон сказал: «Ну ладно, капитан. Если уж вы так добры ко мне, я бы, пожалуй, не отказался от бутылки хорошего бренди». Он потянулся за бутылкой, спущенной на лине с борта парохода, и упал на палубу своего суденышка, чуть не перевернув его. От длительного сидения в кокпите ноги уже отказывались слушаться, мышцы были как вата.

На следующий день опять начался шторм: пришлось убрать парус и встать на плавучий якорь. Этот день едва не стал последним для капитана «Столетия». Качка была такая, что, когда Джонсон доставал из кокпита продукты, он снова упал, ударившись головой о край окованного бочонка с водой, и потерял сознание. Он не знал, сколько времени он провел в беспамятстве. Когда очнулся, судно было почти полностью залито водой. Нечеловеческими усилиями, ослабевший от потери крови, Джонсон каким-то чудом откачал воду.

По мере приближения «Столе-

тия» к берегам Европы участились и встречи с судами. Это было и приятно и опасно: Джонсон мог уточнить свои координаты, но в то же время ему приходилось быть постоянно начеку, чтобы не столкнуться со встречным пароходом. Ведь в те годы далеко не все суда несли ходовые огни.

В трехстах милях от ирландского мыса Клир Джонсон встретил английский бриг «Мэгги Галдер», шедший из Нью-Йорка в Ливерпуль. Два часа «Столетие» и бриг шли вместе. Их разлучил начавшийся шторм. Он налетел неожиданно, и первый порыв ветра выбросил Джонсона, убиравшего паруса, за борт. Спас его конец, которым он привязался к мачте. Дори легла на борт и стала заполняться водой.

На четвертый день после этого происшествия к «Столетию» подошел американский бриг «Альфредон», направлявшийся из Ливерпуля в Балтимор. На этот раз гордый датчанин скрепя сердце согласился на предложение пополнить припасы свежим хлебом и водой. Капитан брига сообщил Джонсону, что до мыса Клир осталась сотня миль.

Я боялся разучиться говорить и стал громким голосом отдавать себе команды. Ровно в полдень я по всем морским правилам кричал: «Восемь склянок!» В каюте я кричал воображаемому рулевому: «Как курс?» Но ответа не было, и одиночество наваливалось на меня с новой силой.

Джошуа СЛОКАМ (первым в одиночку обогнул земной шар).

9 августа «Столетие» вошло в пролив Святого Георга. Суда здесь встречались так часто, что Джонсону не удавалось выкроить на сон ни минуты. На следующий день отчаянный датчанин высадился на берег в районе мыса Сент-Дейвидс и пришел в селение Аберклас в графстве Пембрукшир. Джонсон в общем-то и не особенно похудел за время плавания, однако вид у него был изможденный. Отдохнув два дня, он продолжил свое плавание в Ливерпуль. Он решил самостоятельно войти в порт и отказался от буксира и услуг лоцманов. И вот 13 августа «Столетие» по-

дошло к причалу напротив гостиницы «Рок Ферри Хоутел».

Через несколько недель Джонсон погрузил дори на отходящий в Глочестер пароход и на этот раз отправился в океанское плавание как пассажир. Уже на американском берегу его атаковали репортеры газет. «Да, я один пришел на дори в Ливерпуль, — сказал им Джонсон. — Чтобы

Когда я путешествую один, я чувствую себя вдвое сильнее. Когда же плыву с кем-нибудь, то меня не оставляет беспокойство о комфорте и безопасности спутников. Нет! Я действительно предпочитаю плавать в одиночку.

Френсис ЧИЧЕСТЕР (победитель трансатлантической гонки одиночных мореплавателей 1960 года).

решиться на это, надо было быть страшным дураком. У меня ведь было не больше одного шанса из ста на успех».

Рыбаки Глочестера гордились своим собратом. Он стал героем города. Недаром с тех пор они звали его не иначе как Джонсон-Столетие.

«Сумасшедший датчанин» рыбак Альфред Джонсон открыл эру трансокеанских плаваний. Теперь-то мы знаем, что морской путь «Столетия» был не самым сложным с навигационной точки зрения. Южнее острова Сейбл суденышко было подхвачено мощным током Гольфстрима и попутными западными ветрами.

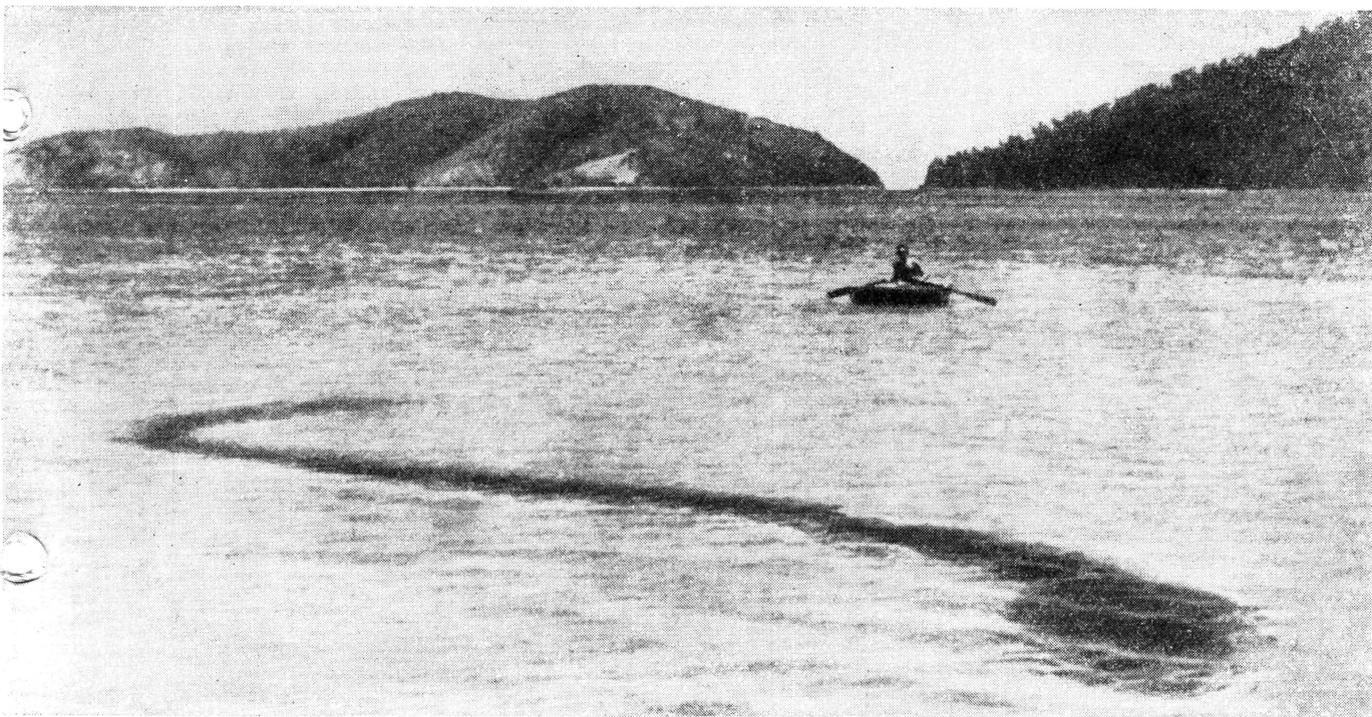
Однако даже самые благоприятные обстоятельства плавания не умаляют заслуг Альфреда

В минуту полного отчаяния пропадает даже страх. Прижатая к стене мышь может броситься даже на льва. Налетел ураган или нет, а воду из трюма необходимо откачивать, иначе яхта пойдет ко дну. Я выпиваю несколько глотков драгоценной воды и чувствую, как в меня вливается бодрость.

Джон КОЛДУЭЛЛ (пересек Тихий океан в 1946 году).

Джонсона. Он первым узнал, чего стоит поединок с Океаном, он первым покорило его, он навсегда останется первым в шеренге от- важных мореплавателей-одиночек.

В ОБЪЕКТИВЕ: ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО МОРСКОЙ ЗМЕЙ?

*По страницам французского журнала «Л'аван-
тюр су-марин, техник э эксплорасион»*

ЕЩЕ РАЗ О...

Всякий раз, когда моряки встречались с огромными неизвестными животными, они неизменно сообщали, что видели Морского Змея. История этого таинственного существа¹, скорее похожая на детективный роман, изобилует трагическими и забавными происшествиями, до крайности противоречивыми толками и мастерски сфабрикованными подделками.

Змея «видели» и в суровых норвежских фиордах и у живописных островов Полинезии. Животное одно время «появлялось» посещать морские курорты Калифорнии, а легендарный дракон из

бухты д'Алон стал местной притчей.

Его чудовищный облик выглядывает еще из летописей, да и в наши дни он «всплывает» довольно часто. Одна из последних встреч со змеем состоялась 12 декабря 1964 года.

Но прежде чем рассказать о ней, стоит вернуться на несколько лет назад. Весной 1960 года шхуна «Сент-Ив-д'Армор» отправилась в удивительное путешествие. Удивительным было то, что, кроме француза Ле Серрека, его жены и маленькой дочки, на борту двадцатиметрового судна было всего три матроса; удивительным было и то, что путешественники не разрабатывали твердого маршрута; удивительным было и то, что путешествие в течение че-

тырех лет проходило вполне успешно. Было пройдено 27 тысяч миль, путешественники посетили Испанию и США, Марокко и острова Зеленого Мыса, Малые Антильские острова и Панаму, Колумбию и Маркизские острова, Новую Каледонию и берега Австралии. За время путешествия семья Ле Серрека увеличилась: в Касабланке родилась Гвенола, в Нассау членом экипажа стала крошка Ив. Робер и Раймонда Ле Серрек несли все тяготы жизни простых матросов. Малый тоннаж парусника, присутствие на судне трех детей, неисчислимые препятствия, которые пришлось преодолевать экипажу, множество происшествий и любопытных встреч превратили путешествие в одно из самых интересных мор-

¹ От редакции: кое-что из этой истории читатель «Вокруг света» может узнать, вернувшись к 7-му номеру журнала за 1961 год.

ских приключений. Но главные испытания ждали мореплавателей впереди. Итак, слово предоставляется Роберу Ле Серреку:

«Мы решили возвращаться во Францию, однако 3 июля потерпели кораблекрушение у Большого Барьерного рифа. Произошло это из-за предательских течений в узком проходе, усеянном рифами, и скверной погоды. Всю ночь мы провели на полузатопленном паруснике, вслушиваясь в рев океана и отбиваясь от яростных волн. И речи быть не могло о том, чтобы спустить на воду спасательную лодку.

Только утром мы решились на резиновом плоту доплыть до ближайшего острова, находившегося, по нашим подсчетам, в 30 милях. К несчастью, снова начался шторм, пошел дождь, и нам пришлось три дня мокнуть на небольшом рифе, испытывая все муки голода, страха и холода.

В момент катастрофы на борту, кроме нас, было четверо наших австралийских друзей — девять человек на постоянно колышущемся плоту; заснуть было невозможно. На четвертый день погода наладилась, и мы поплыли к островам Перси. Достаточно было подуть свежему ветру, и наша гибель стала неминуемой. Одиннадцать часов мы гребли как сумасшедшие, чтобы, наконец, оказаться в безопасности у острова Пин-Пик. Мы не сомневались, что наш верный «Сент-Ив-д'Армор» погиб, а вместе с ним и огромное количество бесценных материалов и документов. К счастью, мы сняли с парусника фотоаппараты и кинокамеру.

О том, чтобы отправиться в путь на новом паруснике, не могло быть и речи — слишком тяжелым испытанием было кораблекрушение для детей и для нас. Два месяца мы отдыхали в Сиднее, приводя в порядок расстроенные дела. Мы решили не покидать Австралию, не побывав на знаменитом Большом Барьерном рифе — коралловой гряде длиной в две тысячи миль.

Австралийское побережье изучено гидрографами прекрасно, как и близлежащие острова и рифы. Однако этого нельзя сказать о Большом Барьерном рифе. Моряки избегают приближаться к нему — ведь современные карты этого района сделаны на основе неточных и неполных карт, составленных еще Куком и его помощниками.

Во время прилива Большой

Барьерный риф похож на длинную цепь зеленых пятен, отделенную от океанской синевы белой линией пенных бурунов. А при отливе появляются целые острова, покрытые песком и мертвыми кораллами. Мелкая рыбешка кишит в небольших водоемах, оставшихся в расселинах. Стаи крабов обращаются в бегство при звуке шагов.

Даже когда стоит отличная погода и небо синее, а океан спокоен и величав, невозможно освободиться от глухого предчувствия беды. Мы чуть было не погибли однажды, отрезанные начинающимся приливом, и только сумасшедшая гонка по горло в воде позволила нам вовремя добраться до лодки.

Мы разбили свой лагерь на небольшом коралловом острове Хук. Основным аргументом в пользу такого выбора было полное отсутствие акул в местной бухте.

Несколько дней над островом бушевал циклон. Проливной дождь четыре дня не давал выйти из палатки. Утром 12 декабря, наконец, прояснилось, и мы решили отправиться постирать белье на другую сторону бухты, к небольшому водопаду. Было часов девять утра, когда моя жена Раймонда, наш австралийский друг Хенк де Йонк, трое детей и я устроились в моторной лодке и тронулись в путь. Раймонда первой увидела ЕГО. Мы были ошеломлены, только дети остались спокойны, по-видимому решив, что это акула или кит, а к ним мы давно привыкли. ОНО не двигалось, и мы начали потихонечку приближаться. Убедившись, что животное не замечает нас, и разглядев на боку у него широкую рану, мы решили действовать. Высадив детей и зарядив аппараты, мы подплыли совсем близко к животному и снимали его в течение получаса. Хотя нам казалось, что оно мертво, мы не решились его трогать. Затем мы с Хенком решили сделать несколько подводных снимков. Глубина была метра три, и вода оказалась мутной. Пришлось приблизиться к чудовищу на шесть метров, чтобы начать съемку. Но тут оно угрожающе открыло пасть. Едва справляясь со страхом, мы продолжали снимать еще несколько секунд. Когда же чудовище стало медленно поворачиваться в нашу сторону, мы обратились в паническое бегство.

Раймонда видела с лодки, как животное скрылось в глубине.

Оно двигалось неуклюже — видимо, мешала рана, — делая зигзагообразные горизонтальные движения, похожие на движения угря или змеи. В течение нескольких дней мы тщетно искали чудовище, обшаривая окрестные пляжи. Мы решили, что оно появилось на мелководье из-за раны, нанесенной винтом или форштевнем корабля. Ослабев от раны, чудовище стало мишенью для атак мелких и крупных подводных хищников. Ища укрытия, оно и приплыло в места, где мы ни разу не встретили ни одной хищной рыбы. Общая длина чудовища 22—24 метра. Оно было черного цвета, с коричневыми полосами, расположенными через каждые полтора метра. Само туловище было длиной метров в восемь и заканчивалось гибким сильным хвостом. Голова черного цвета, местами переходящего в коричневый, похожа на змеиную, но череп довольно высок для пресмыкающегося: примерно 1—1,2 метра. Ширина — около 1,2 метра. Глаза бледно-зеленые, с черными вертикальными зрачками. Зубы мы разглядели плохо: как будто они были небольшими. Полость рта беловатая. Кожей чудовище напоминало акулу — на ней мы не заметили никаких следов чешуи. Не увидели мы также никаких плавников и какого-либо подобия костевых наростов, не заметили мы и дыхательных движений.

К сожалению, наши взоры были прикованы к раскрытой пасти чудовища, и, естественно, мы многое не могли заметить».

В течение многих месяцев Ле Серрек никому не говорил о своих приключениях, дожидаясь проявления пленок и справедливо полагая, что его сообщение будет сенсацией. Наконец в феврале 1965 года он сделал заявление в печати. Оно привлекло внимание многих крупных специалистов-зоологов. Каково же мнение ученых?

Француз Бернар Эйвельманс, автор знаменитой книги «По следам неизвестных животных» признал, что сфотографированное животное ему знакомо. Оно, по мнению ученого, напоминает ему описание отвратительного чудовища, которое было встречено в 1925 году французом Журданом, и огромного змея, которого наблюдали в 1876 году. Эйвельманс считает, что некоторые данные, как, например, раскраска змея, свидетельствуют в пользу достоверности встречи с животным.

Иван Сандерсон, американский ученый, подвергнув тщательному анализу сообщение Ле Серрека, предположил, что это может быть:

1) одна из тех пластиковых цистерн, которые американцы использовали в виде эксперимента для перевозки горючего;

2) лопнувший метеорологический баллон, покрывшийся водорослями;

3) рулон ткани, обвязанный бечевками и брошенный в воду.

Впрочем, И. Сандерсон считает, что приговор не окончательный, заявив: «Если пленка, снятая под водой, удалась, что намного уменьшает возможность фальсификации, можно будет сделать более категорические выводы».

Д-р Вуд, директор Квинслендского музея: «Если описание точно, то животное неизвестно науке».

Д-р Тальбо, специалист-ихтиолог из Австралийского музея: «Это мог быть гигантский угорь, размеры которого увеличены рефракцией».

Д-р Давбин, преподаватель зоологического факультета Сиднейского университета: «Я специалист по дельфинам и по китам, но животное не похоже ни на тех, ни на других».

Подводный охотник и исследователь Линклатер убежден, что это — масса «catfish», морских сомов, которые во время миграций сбиваются в плотные длинные косяки.

Согласен с ним и аквалангист Сантер, считающий «чудовище» скопищем крошечных кальмаров. Однако специалист из Британского музея в Лондоне д-р Гринвуд относится к предположениям Линклатера с сомнением, так как морские сомики никогда не группируются в продолговатые косяки, а сбиваются в шарообразные стаи. К тому же, если это все-таки косяк, на фотографии были бы видны отдельные рыбки.

К вышеуказанным мнениям стоит прибавить предположение специалистов Исследовательского центра Франции: «Ле Серрек упоминает о циклоне, который предшествовал его открытию. Возможно, циклон вызвал возмущение в глубинных слоях океана, и в результате животное, которое обычно живет на глубине в сотни метров, оказалось на поверхности. Было бы желательным изучить поверхностные течения около острова Хук, ибо они могли вынести на поверхность потревоженное циклоном животное».

ПОДЗЕМНАЯ УЛИЦА

В чукотском поселке Озерный начато строительство подземной бетонированной улицы. Скоро по светлому, отапливаемому тоннелю направятся на работу рабочие электростанции, пойдут автомашины с грузом. Теперь в суровые зимние месяцы жителям Озерного будет не страшна пурга. В вечной мерзлоте строителями уже пройдены сотни метров.

ПЕСОК — СТЕКЛО

Недалеко от литовского города Аникшчяй на берегу реки Швентойи геологи обнаружили большое месторождение отличного кварцевого песка. На базе этого месторождения за короткий срок построен Паневежский стекольный завод — самое автоматизированное в нашей стране стекольное предприятие.

«МЕДОВЫЙ» КАМЕНЬ

Оникс — камень цвета густого меда с яркими прожилками — недавно нашли геологи в Туркмении. Началась его добыча в Карлукском месторождении. В конце прошлого года Свердловская ювелирно-гранильная фабрика получила опытную партию оникса. Из «медового» камня делают красивые ювелирные изделия.

СЕЛЕВОЙ ДОЗОР

Специальные радиоприборы установлены в наиболее опасных селевых районах Узбекистана и Казахстана. Радиодозорные без участия человека чутко несут круглосуточную вахту: улавливают, регистрируют возникновение селевых потоков и предупреждают по радиоконтрольным пунктам. Селевые радиоповестители созданы группой ученых Ленинградского гидрологического института. В недалеком будущем такие посты появятся в горах Киргизии, Таджикистана — всюду, где есть угроза возникновения селевых потоков.

ДАРЫ ВЕЧНОЙ МЕРЗЛОТЫ

В местечке Мотыклейка, что в 125 километрах от Магадана, бьют из вечной мерзлоты горячие ключи. Недавно завершены их исследования. В литре этой горячей воды около пяти граммов ценных минеральных солей.

Здесь началось строительство здравницы на 400 мест.

ОБНАРУЖЕНЫ НЕИЗВЕСТНЫЕ ЛЕДНИКИ

Около шестидесяти неизвестных науке ледников обнаружили ученые Казахстана на северных склонах Джунгарского Алатау. Исследования оледенения хребта, проводившиеся в течение нескольких лет, закончены.

Результаты этих исследований имеют важное значение для освоения земель в предгорьях Джунгарского Алатау.

СИВУЧ АТАКУЕТ СУДНО

Эта история приключилась с научно-исследовательским судном «Аметист» летом 1965 года в Охотском море.

В один из вечеров, когда траулер, выставив на ночь сети, лег в дрейф, возле него появился сивуч — близкий родственник всем известных морских львов, но значительно крупнее их.

Казалось бы, ничего особенного и тем более неожиданного подобная встреча не предвещала. Ведь сивучей нередко случается видеть около рыболовецких судов. Часто они беззастенчиво грабят рыбаков, поедая рыбу из сетей и тралов. Моряки и рыбаки-дальневосточники свыклись с такими «визитерами» и почти не обращают внимания на проказливых животных.

Наш сивуч, сердито фыркая, настойчиво продолжал кружить вокруг траулера. С наступлением темноты он приблизился к судну почти вплотную.

Такое поведение животного заинтериговало команду: включили палубное освещение и осветили сивуча прожектором.

Вскоре он куда-то ушел.

Некоторое время еще потолковав об этом небольшом происшествии, мы разошлись. Было 12 часов ночи...

...Неожиданно около двух часов вахтенный штурман передал по судовой трансляции, что сивуч делает попытки протаранить борт корабля. В первое мгновение это сообщение вызвало среди бодрствующей части экипажа веселое оживление. Я выбежал на палубу. Оглушительно ревя, зверь с разгоном бил грудью в борт траулера. Видно было, что это довольно крупный сивуч — никак не

меньше тонны, а может, и больше. Удары следовали с небольшими интервалами. Впечатление было такое, словно корабль вдруг попал в поле льда.

Кое-кто из матросов, решив, что зверь голоден, пытался рыбой умиротворить распоясавшегося «драчуна». Не тут-то было: сивуч продолжал «штурмовать» борт. Внезапно, приподняв из воды свое тело, он зацепился передними лапами за фальшборт (высота надводного борта траулера полтора метра), подтянулся на них, и часть туловища его оказалась на судне.

Висящий на борту сивуч с ревом вертел во все стороны усатой головой, а мы с интересом ждали, что предпримет он дальше. Ведь сивучи умудряются залезать на почти отвесные скалы. Кое-кто приготовил даже багор для отражения «абордажника», если он очутится на палубе. Но тут сивуч, отказавшись от попыток взобраться на судно, энергично оттолкнулся, с шумом плюхнулся в воду и через несколько минут исчез. Больше он не возвращался.

Чем объяснить столь странное поведение этого обычно миролюбивого, даже трусливого животного?

Наиболее правдоподобно, пожалуй, следующее объяснение: по видимому, мы встретились с отвергнутым и изгнанным стадом сивучей бродягой-самцом. Как неприкаянные, бродят эти одиночки по морям и долам, и горе тому, кто повстречает их с глазу на глаз.

А. НИКОЛАЕВ,
младший научный сотрудник Камчатского отделения ТИНРО

НАХОДКА В ЯМЩИНЕ

Летом 1957 года мы с женой отдыхали под Москвой в нескольких километрах от Голыцына. Был жаркий день, и мы сидели на берегу крохотной речушки у подножия большого песчаного обрыва. Неожиданно моя жена вытащила из песка какой-то странный комочек, напоминавший камень. Она попыталась разломить его и обнаружила внутри бронзовую фигурку Будды. Осторожно и тщательно вычистив ее, мы увидели великолепный образец старинной чеканки по бронзе.

Как попала эта статуэтка Буд-

ды сюда? Кто и когда привез ее? Сколько лет или, может быть, столетий пролежала она в подмосковной земле?

Интересно, что год тому назад на этом же самом месте наши друзья нашли скульптуру Будды несколько большего размера. Поэтому наша, уже вторая, находка выглядела особенно загадочно. И мы попытались как-то осмыслить ее.

Деревня, где мы нашли статуэтку Будды, называется Ямщина. Возможно, это название происходит от слова «яма» — постоялого

двора, когда-то находившегося здесь или поблизости. Действительно, от деревни до старой Можайской дороги всего около трех километров. Не исключена также возможность, что через деревню проходила старая дорога из Москвы на Звенигород. В четырех-пяти километрах от Ямщины находятся остатки пригородной усадьбы Бориса Годунова со знаменитой церковью в Больших Вяземах. Может быть, статуэтки были потеряны каким-нибудь странствующим купцом, остановившимся на постоялом дворе в одном перегоне от Москвы, или были украдены у него и спрятаны в укромном месте? А может быть, они принадлежали далекому восточному посланцу и были предназначены в подарок русскому царю вместе с другими вещами?

История маленькой скульптурки не кончилась на том, что мы освободили ее от «плена». Несколько лет спустя она опять отправилась в путешествие, в те места, откуда была когда-то привезена. Мы уезжали работать в Бирму и, конечно, взяли с собой нашу удивительную находку.

Мне неоднократно приходилось встречаться в Рангуне с директором Археологического управления Бирмы, видным бирманским археологом У Аун Зо, и по моей просьбе он поручил одному из своих сотрудников, хранителю коллекций Археологического управления, знатоку древней буддийской иконографии, У Тан Све, сделать иконографический анализ скульптуры.

Результаты анализа оказались чрезвычайно интересными. На основании изучения особенностей лотосового трона, на котором сидит Будда, его позы, прически, характера одежды и орнаментов У Тан Све пришел к выводу, что скульптура была сделана около XII века. В трактовке головы, прически и лотосового трона У Тан Све находит явные следы влияния индийской художественной школы Гандхара, отчасти связанной с традициями античного искусства.

Восемь веков и семь тысяч километров лежат между временем и местом создания этой скульптурки и ее находки. Появление ее под Москвой, возможно, простая случайность, а может быть, свидетельство древних торговых и культурных связей нашей страны.

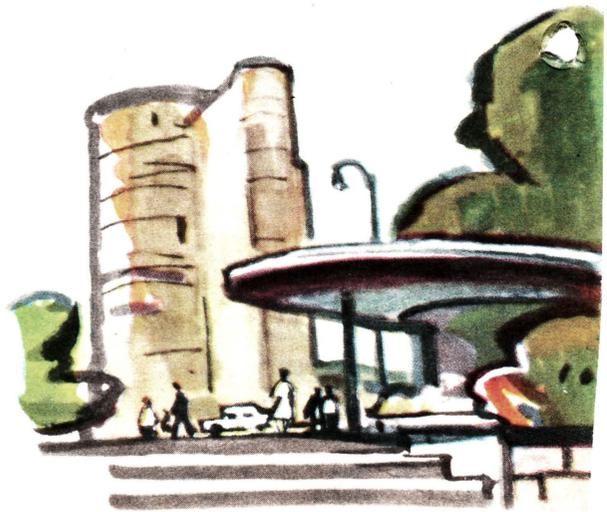
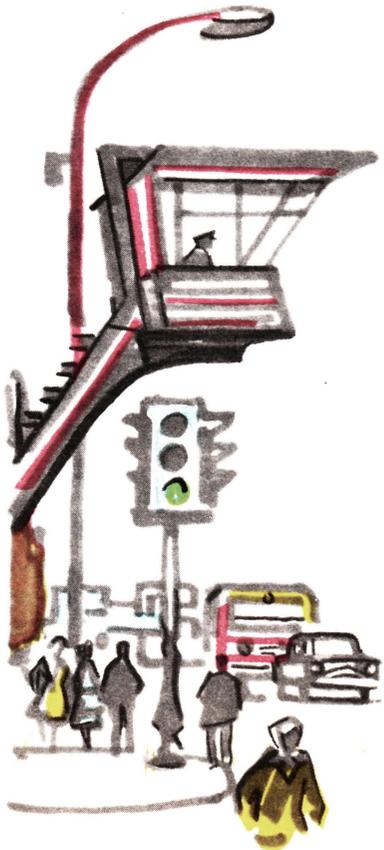
С. ОЖЕГОВ,
заслуженный деятель искусств
УзССР, кандидат архитектуры

Баку- город ветров

Изоочерк нашего специального
корреспондента Г. ХРАПАКА

Баку в переводе на русский язык значит «город ветров». Горький, увидев этот город в конце прошлого столетия, сравнил его с «гениально сделанной картиной мрачного ада». Пропахший нефтью до облаков, насквозь пропитанный ее сырым, удушливо-сладковатым запахом, тяжелым, как запах крови, он был черным со всех сторон.

Сегодня Баку любит смотреться в зеркало бухты, и с каждым днем он находит себя все красивее. Один из крупнейших нефтяных центров мира, он стал удивительно уютным, сверкающим радужными красками, щедрым на прохладу, залитым светом электрических огней.

Здесь черты средневековой экзотики искусно переплетаются с широкими улицами, просторными площадями, многоэтажными светлыми зданиями, торговыми центрами, сливаясь в единый ансамбль.

В центре Баку сохранилась старая часть города — крепость, окаймленная массивной зубчатой стеной, с многочисленными башнями. Внутри нее возвышается Девичья башня, легендарное сооружение XI века.

От Приморского бульвара на Бакинское плато поднимаются широкая лестница и фуникулер. Здесь к востоку от Нагорного парка раскинулись современные микрорайоны города, выросшие за последние годы.

И всюду радостное, новое — яркие козырьки летних кафе, разноцветные скамейки, изящные фонтаны, голубые ленты каналов с бойкими байдарками, кинотеатры, клубы, дворцы культуры. Таков Баку — город счастливых ветров.

КТО погасил в НЬЮ-ЙОРКЕ СВЕТ?

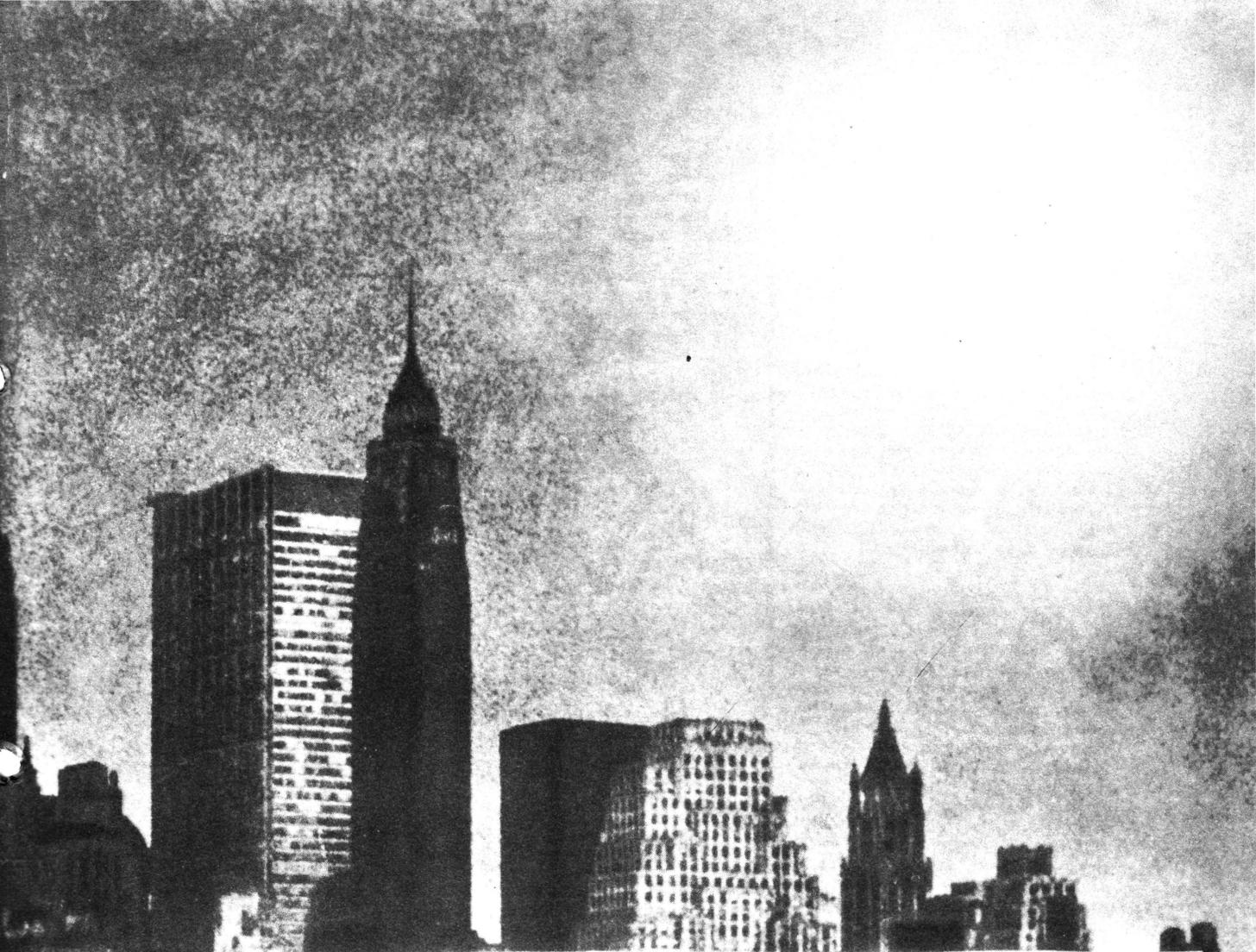
Вторник 9 ноября в Нью-Йорке был самым рядовым днем. Может, только солнца было немного больше обычного. Но солнце зашло, и сумерки «служивый» Нью-Йорк встречал, как всегда, на улице. Еще не было половины шестого, но самые нетерпеливые уже закрывали свои лавочки и конторы, прятали в стол бумаги, запирали сейфы, «зачехоливали» машинки. Из небоскребно-делового центра — Манхэттена поток людей переливался в автобусы, в лифты, в вагоны подземки.

5 ЧАСОВ 27 МИНУТ. Капитан Рон Джордж вывел самолет на посадку. До земли оставалось каких-нибудь триста метров; внизу, светлый как днем, лежал аэропорт Кеннеди. Рон Джордж на секунду перевел взгляд на приборную доску — все в порядке. Когда он поднял глаза, аэродрома внизу не было. Внизу вообще ничего не было! Капитан невольно подумал: «Что это за чер-

товщина происходит со мной?» Он вызвал аэродром по радио, ответа не было. Какие-то мгновения самолет со ста пассажирами на борту еще шел на снижение. Потом капитан взял штурвал на себя.

5 ЧАСОВ 27 МИНУТ. Дежурный инженер электрокомпании «Консолидейтед Эдисон» Эллис в панике. Несколько секунд назад контрольные приборы отметили падение напряжения в гигантских кабелях, передающих ток от электростанций Ниагары и Вермонта. Эллис тут же соединяется с центральным диспетчерским пунктом в Мокауке. Однако не успевает он договорить фразу, как свет отключается.

5 ЧАСОВ 27 МИНУТ. Ньюйоркцы поначалу воспринимают «затмение» философски: «Какая-нибудь лампочка перегорела. Ничего, скоро починят». Они и не подозревают, что в эту минуту погас свет, остановились моторы на территории в 200 тысяч квадратных километров. Они и не по-

дозревают, что в огромных городах и на одиноких фермах люди успокаивают себя тем же.

5 ЧАСОВ 27 МИНУТ. Стенографистка Джилл Мэйер закрыла пудреницу и теперь рассматривает себя в зеркале лифта. Когда он останавливается, на световом счетчике тает цифра «48». Одновременно гаснет свет и в самом лифте. «Еще этого мне не хватало. Я снова опоздаю, и Джим мне снова не поверит». Соседипассажиры принимаются вспоминать аналогичные случаи. Кто-то рассказывает, что однажды он два часа просидел в лифте. Двое в углу вполголоса говорят о делах. Но время идет, и постепенно в души пассажиров закрадывается тревога. И не только этих пассажиров этого лифта — в Нью-Йорке их, застрявших между этажами, около трех тысяч.

5 ЧАСОВ 27 МИНУТ. Прошло ровно пять минут, как Говард Чэпник, директор фотоагентства «Черная звезда» сел в электричку, чтобы добраться до своего

дома в районе Лонг-Бич. В эти пять минут пассажиры успели приступить к своим привычным, «пассажирским» делам. Говард Чэпник уже играет с соседями в бридж, кое-кто читает, а те, что остались без мест, успели завести разговоры. Свет гаснет не сразу, аккумуляторы некоторое время позволяют каждому продолжать начатое. Но вот уже становится трудно различать карты, не то что читать. Никто не понимает, что случилось. Кто-то говорит, что они почти наверняка находятся на середине тоннеля под рекой, и поэтому им всем грозит опасность остаться без воздуха. Никто, однако, не осмеливается попросить курильщиков затушить сигареты. Пожилой джентльмен хватается за сердце и начинает задыхаться. Вокруг него собираются люди.

6 ЧАСОВ 30 МИНУТ. Час назад одновременно погасли все пять тысяч светофоров. Было как раз время «пик», и водители принялись импровизировать. Некото-

рые останавливались на каждом перекрестке, другие, положив руку на сигнал, стремились прорваться, не тормозя. Вскоре стали все. Тысячи людей были блокированы в центре.

7 ЧАСОВ 30 МИНУТ. Самым популярным убежищем у пешеходов стали церкви. Но догорают свечи, и многие, захватив огарки, расходятся. За два часа свечи стали дефицитным товаром. На Бродвее двое молодых людей, с непостижимой оперативностью закупившие в первые минуты «затмения» весь запас свечей какого-то магазина, продают их сейчас по доллару за штуку. Установилась на черном рынке своя цена и на фонарики: восемь долларов. Толпа на улицах увеличивается. Из станций метро, предводительствуемые машинистами, выходят, держась за руки, цепочки пассажиров.

10 ЧАСОВ. Город погружен во мрак. Впервые за много лет на нью-йоркском небосклоне видны звезды. Картину дополняет огром-

ная желтая луна. Радио действует бесперебойно: сообщается, что система противоздушной обороны не пострадала, что бунт заключенных в тюрьме Валпоул подавлен, что сведения о грабежах в Рочестере преувеличены, что губернатор Рокфеллер приказал солдатам национальной гвардии немедленно прибыть в казармы и категорически запретил продажу спиртных напитков. Звуки радио, повторяющего эти сообщения, доносятся и до Таймс-сквер. Эта площадь, всегда залитая огнями реклам, сейчас почти темна. Какой-то крохотный театр решил дать представление при факелах. Огонь едва выхватывает из темноты фигуры актеров и зрителей: четырех мужчин, трех женщин и двух собак.

У ньюйоркцев и без этого натянуты нервы. А тут к ежедневному напряжению, в котором их держат газеты, кино, телевидение — убийства, насилия, атомный психоз, ожесточенная антикоммунистическая пропаганда, зверские боевики, — прибавилась еще эта мрачная неизвестность. Эксперты электрокомпании не могли дать никаких вразумительных объяснений аварии. Со своей стороны, «эксперты» Федерального бюро расследований заверяли бессонный город, что они ни перед чем не остановятся, чтобы узнать, кто же виноват в этом хаосе, охватившем восемь штатов и канадскую провинцию Онтарио — огромный район с населением в 30 миллионов человек.

3 ЧАСА НОЧИ. Маленькая улочка в районе Бронкс проснулась от раздражающего душу крика. Из окна шестого этажа выбросилась молодая женщина. На столе позже нашли записку: «Я схожу с ума от этой темноты, я больше не могу».

Вот и все об этой ночи. Около четырех утра зажегся свет, разбудив людей, спавших в подъездах, на лестницах, в машинах.

Остается только добавить, что причина «затмения» так и осталась невыясненной и что позже подобные аварии повторились: 12 ноября свет погас в одном из районов Нью-Йорка, 2 декабря в городах штата Техас и ряде мексиканских городов, снабжающихся электроэнергией из США.

С. РЕМОВ

Летом 1649 года якутский воевода Дмитрий Францбеков вручил в съезжей избе наказную память служивому человеку Тимофею Булдакову — лыть с отрядом казаков вниз по Лене, потом Ледовитым океаном до устья Колымы и там, на Колыме, принять в свое ведение ясачное зимовье. Погрузили казаки на коч хлеб-

впередсмотрящий — и методично сбрасывал в воду самодельный лот — трехфунтовую гирию на сыромятном ремне. Он и увидел первым море: за низким островком показалось ровное бурое поле, и послышался легкий шум волн, набегавших на отлогий берег.

Те, что впервые море увидели, подивились непохожести его на грозное взлохмаченное чудище из

И. ЗАБЕЛИН

Нежный путь Тимофея Булдакова

Немало героического и мужественного скрыто в летописях освоения Сибири. Не всегда имена путешественников, людей великого упорства и отваги, оставались потом в истории, но все их пути превращали великое «белое пятно» Сибири в знакомую нам карту.

Короткая повесть писателя-географа И. Забелина рассказывает об одном таком путешествии, об одном из таких путей...

ные запасы, свинец, порох, взяли на буксир лодки-«коломенки» и поплыли мимо высоких лесистых берегов, оставляя за кормой зеленые островки. Шли последние дни короткого сибирского лета.

Среди обычных грузов и обычного имущества вез Булдаков нечто такое, что не всегда придется возить приказчиком: жалованье казакам, служившим в Колымском зимовье. Зима тот год была ранняя и настигла коч еще на Лене. Перезимовали казаки, а весной, едва сошел лед, снова спустили коч на воду. Теперь Булдаков уже спешил и даже не переждал ледоход до конца — серые льдины еще плыли по реке, покачиваясь в мутной тяжелой воде, и коч иногда с хрустом наезжал на них, ломая и подминая под себя.

На носу коча сидел казак —

сказок — Окиян — и обрадовался почти речному его спокойствию. Но бывальцев тишь да гладь, наоборот, обеспокоила, а когда заметили они, как освещены облака на северо-востоке матово-серебристым светом, то окончательно убедились, что совсем недалече льды...

И они не ошиблись: льды перекрыли все дороги на восток, и четыре недели ждал Тимофей Булдаков разводьев, укрывая свой коч за приустьевыми островками.

Но вот «прижимные» ветры сменились «отдерными», губа Буорхая освободилась ото льда, не теряя времени, казаки поставили тяжелый кожаный парус, попутный — «пособный» — ветер надул его, и коч, слегка кренясь на левый борт и покачиваясь на волнах, резво побежал на восток. Но у противоположного берега гу-

бы Буорхая, возле устья реки Омолой Булдакову вновь встретились льды. Сгонные ветры понесли коч вместе со льдами в открытое море, которое теперь называется морем Лаптевых. Восемь суток продолжался дрейф, и не раз казалось служилым, что льды вот-вот раздавят коч. К счастью, все обошлось благополучно, а вскоре показался на горизонте

ли таким завидным качеством, как терпение; годами могли отсиживаться они в острожке или зимовье, годами — медленно, но верно — пробиваться к намеченной цели. А Булдаков горяч был характером и упрям не в меру. Только что человек с трудом вырвался из ледяных тисков — так, казалось бы, пережди теперь, не испытывай второй раз судьбу...

динское или Усть-Яндинское зимовье, где ему, как и Булдакову на Кольме, предстояло сменить приказчика. Горелый хоть и отправился в путь на год позже Булдакова, но оказался удачливей и догнал нетерпеливого казака.

Прикинув, что если и следующую зиму проведет он на Лене, то выйдет совсем худо, Булдаков уговорил осторожных капитанов

Рисунок П. ПАВЛОВА

берег, и казаки поняли, что принесло их обратно к устью Лены.

Шесть дней переживал Булдаков непогоду, а на седьмой море как будто окончательно очистилось и «пособный» ветер вновь надул парус. Небольшие волны мерно раскачивали судно, весело вскипали буруны перед форштевнем, но чем ближе подходили казаки к устью Омолоя, тем спокойнее становилось море... А когда слабо разгорелось на горизонте холодное льдистое сияние, то понял Булдаков, что и на сей раз поторопился начать плавание.

...Почти все без исключения служилые и промышленные люди того времени в полной мере облада-

ли без колебаний Булдаков снова ввел свой коч во льды! И снова застрял среди льдов. И снова понесло его в море и снова пригнало к устью Лены...

* * *

В устье Лены Булдаков обнаружил целую флотилию — восемь кочей служилых и промышленных людей, осторожные капитаны которых предпочли, не в пример ему, дожидаться все-таки у моря погоды.

Среди этих осторожных капитанов Булдаков встретил Андрея Горелого, что держал путь из Якутска на Индигирку, в Уян-

выйти в море, не дожидаясь, пока совсем оно очистится ото льдов, и вскоре флотилия из девяти кочей во главе с Булдаковым из устья Лены «побежала с великой нужою промежь льды» на восток...

Так, где веслами, где парусом, добрался Булдаков до Яны.

Быстрое течение подхватило кочи — и понесло на огромный черный уступ, далеко вдающийся в море.

«Святой Нос», — сообразили бывальцы. Их, «святых носов», до сих пор немало на севере, а называли так по традиции поморской самые трудно обходимые мысы.

...Каменная громада медленно увеличивалась в размерах, словно

не коч плыл к ней, а мыс наплывал на него, загораживая небо. День в конце августа еще долог и за семьдесят вторым градусом, но заветло Святой Нос миновать кочи не успели и обходили его, рискуя, уже в темноте. Мыса не было видно, но слышалось во мраке, как бьются волны о скалистый берег и чуть виднелась снежно-белая полоска буруна. Коч, зарываясь в волны, но не сбавляя скорости, шел мимо. Булдаков, стоя на верхней палубе, напряженно всматривался в темноту. Ветер трепал его длинные, нестриженные волосы, леденил затылок... Так прошли казаки проливом, который теперь носит имя Дмитрия Лаптева, и вышли из моря Лаптевых в Восточно-Сибирское.

Еще через день Булдаков достиг Хромской губы, в которую впадает река Хрома, или Хромай, как говорили тогда.

В самой Хромской губе льда, к счастью, не оказалось, но густела в воде снегура — начавшийся с утра снегопад все усиливался...

И все-таки казаки решили передохнуть и заночевать в Хромской губе. Упали в воду деревянные, с привязанными к ним тяжелыми камнями якоря, натянулись канаты, и стихло шипенье воды за бортом. Колющаяся снежная кисея скрыла берег... Внизу, в подпалубном помещении, пылал в обитом жестью очаге огонь, было дымно, копотно, но тепло, и казаки дремали, развалившись на оленьих шкурах.

А ночью ударил такой мороз, что море за несколько часов замерзло. Шесть кочей из девяти очутились в плену, а где еще три — и коч Горелого в их числе, — Булдаков не знал, да и не мог знать.

* * *

На третий день лед достиг толщины в полпяди, и был это не хрупкий молодик, а солидный лед, обещавший вскоре стать сморозью, прочным льдом, на всю зиму укрывающим осенью арктические моря... Убедившись, что лед выдержит тяжесть нарт и людей, Булдаков, как, впрочем, и вожь с других кочей, велел готовиться к походу посуху: что не дойти нынешним летом морем до Колымы — это Булдаков, да и все прочие, конечно, поняли уже.

Ночью лед взломало «отдерным» ветром. Казаки схватились

за весла, пытаясь пробиться к берегу, но ветер свежал, и после нескольких часов бесплодной борьбы уставшие люди сдались: коч уносило все дальше и дальше в море... А ледяной шторм разыгрывался. Волны приподымали разбитые льдины, сшибали их, переворачивали, крошили, били льдом по бортам коча... Упругие волны не взлетали вверх, и ветер, несший косые струи снега, не срывал с них пену. Отягощенные мелко битым льдом, волны двигались медленно, но было в их движении что-то неумолимое, беспощадное, и казалось чудом, что коч еще держится на поверхности, не проваливаясь, как нож в сметану, в белое ледяное месиво.

Пять суток продолжался шторм, пять суток носило кочи по морю, а на шестые — ветер стих и море сразу же замерзло снова. Как только лед окреп, казаки «учали проведывать землю в которой стороне, не убоячись смерти ходить по человеку и по два и по три». Землю они не нашли, но обнаружили коч Андрея Горелого в одном дне пути от своих кочей.

Собрал Булдаков великий совет из всех вожей и бывальцев: что делать?

В конце концов все пришли к единому решению: Булдаков должен идти на коч Горелого, который ближе к земле, и «волочить» туда государеву казну; если лед снова взломает, то больше у Булдакова будет шансов спасти людей и казну, находясь у Горелого... От других же кочей отрядили трех человек и послали их проведывать землю напрямик.

На другой день утром вытащили казаки нарт на лед, уложили на них государеву казну и свое барахлишко и сели перекусить перед дорогой... И — что бы вы думали? — лед толщиной уже в поларшина именно в это время снова взломало!.. Лед взломало, а льдины и кочи погнало ветром еще дальше в море и гнало быстрее «парусного побегу».

Такого никогда на этом морском пути не случалось, и даже самые отважные и выносливые приуныли.

И снова пять суток носили ветры по морю кочи, а когда ветер стих, льдины теперь уже, наверное, окончательно смерзлись. (Но с удивлением заметил Булдаков, что и без ветра «в море лед ходит по водам». Пожалуй, это первое сообщение о дрейфующих льдах Северного Ледовитого океана.) Кончились дрова. Не стало пресной воды, потому что шторм осолонил

лед. Подходили к концу съестные припасы. Некоторые служилые оцинжали, да и те, кого цинга пока миновала, чувствовали себя не лучшим образом.

* * *

...Невесело было Булдакову. А когда его служилые люди уже перетащили на лед свое барахлишко, часть государевой казны выгрузили — и совсем худо стало на сердце у Булдакова — сколько добра еще на коче и сколько добра зря пропадет! И свинец, и порох, и медь, и товары менные, и хлебные припасы, и снасть судовая...

Прикинули служилые, сколько у них своего имущества и сколько вообще они могут унести, не имея ни нарт, ни собак, и решили они общим собранием окончательно: каждый возьмет по три фунта государевой казны. Только по три фунта. У Булдакова аж закрик вспотел от возмущения. Чуть не в рукопашную пошел он на казаков, но сгод стоял на своем твердо: и перецинжали они все, и обессилели, и больше трех фунтов тащить им не под силу...

Пришлось Булдакову уступить, но мучился он великим мученьем — из долгожданного жалованья служилые на Колыме получат лишь малую толику.

Последний раз поднялся Булдаков на палубу коча, столько времени бывшего им надежным домом, спустился в подпалубное помещение... Тщательно проверил Булдаков, хорошо ли уложены грузы и товары, убедился, что уложены хорошо, как надо... Постучал обухом топора по бортам — вроде бы крепкие еще. Может, и выдержат до весны...

Пора бы уж и уходить, а Булдаков снова подошел к казне, вздохнул, крикнул и взвалил на себя вместо трех фунтов — полпуда. Плечам тяжелее стало, а душе — легче...

Девять суток продолжался поход по взломанным и торошеным льдам. Девять суток боролись казаки со смертью. Там, где один не прошел бы, двадцать проходило. Самые ловкие с помощью шестов перебирались через разводья, устраивали из палок и канатов подобие мостков и переправляли остальных. Скарб просто перекидывали с льдины на льдину. И хотя еда с каждым днем убывала в заплечных мешках, груз казался все тяжелее. Уходили силы. Острые льдинки прорезали меховую

обувь, и все чаще на трудной ледовой дороге оставались кровавые следы. Казаки отрывали полы кафтанов, обматывали длинными полосами ноги, но обмоток едва хватало на день...

Землю заметили, только подойдя к ней вплотную: за грядою стамух увидели ровное поле берегового припая, которое незаметно сливалось с низким, засыпанным снегом, берегом... Перекрестились на радости казаки: море и льды позади, значит позади и все самое трудное. На земле не пропадешь — она не раздастся, не заколышется под ногами... И вот уже запылали костры, и вот уже безмятежно спят на мерзлой земле бородатые богатыри, подставляя огню то один бок, то другой.

Наутро мастера взялись за изготовление нарт и лыж — дорога предстояла дальняя и нелегкая. И Булдаков и вожи с других кочей думали, что первые русские могут встретиться им лишь в устье Уяндины, притока Индигирки, километрах в пятистах от побережья...

А на пути в Усть-Яндинское зимовье уже был Андрей Горелый со своим отрядом. Его носило по морю десять дней. Коч его погиб, но все имущество казаки спасли и около двух недель волочили до берега по льду снасти, парус и всяческие припасы, а затем еще шесть недель шли до Усть-Яндинского зимовья. Приняв в свое ведение зимовье, Андрей Горелый роздал жалованье казакам прежнего гарнизона, и местные купцы удивились такому событию — не часто подобное случалось.

Опередили отряд Булдакова и люди некоего Фомы Кондратьева — вожака с одного из тех кочей, что носило по морю вместе с кочем Булдакова.

В Уяндинском зимовье изрядно поголодавшие люди Фомы Кондратьева купили у торговцев муки, выменяли у юкагиров вяленую рыбу и, таким образом, благополучно устроились на зиму. Но допустили одну невольную оплошность: рассказали в зимовье купцу одному — Степану Ворыпаеву, что следом за ними идет еще один большой отряд служилых.

И купчина рассудил: если Андрей Горелый привез жалованье и роздал его гарнизонным, значит и Тимофей Булдаков везет жалованье служилым на Колыму. Если Фома Кондратьев пришел в зимовье без всяких съестных припасов, значит и Тимофей Булда-

ков явится и разутым, и раздетым, и... голодным.

Ворыпаев скупает в зимовье и в округе все излишки съестных припасов, выменивает всю лишнюю юколу у местных жителей, прячет пятьсот пудов своей собственной муки и с нетерпением начинает ждать Булдакова...

А люди Булдакова, с «великой нуждой, холодны и голодны, наги и босы», топали в это время к Уяндинскому зимовью — и вот уже видны дымки над крепостными стенами... И вот уже гостеприимно раскрываются срубленные из толстенных бревен ворота и давние знакомцы с коча Горелого и других кочей встречают казаков. Встречает их и купец Ворыпаев. Изможденный вид казаков радует его сердце, и он, не спеша знакомиться, неторопливо отправляется на свой лабаз. Он еще успеет познакомиться с ними. Со всеми. А с Булдаковым в первую очередь.

Очень скоро дано было убедить казакам, что все дороги в Уяндинском зимовье ведут на лабаз Степана Ворыпаева — к кому ни обращались казаки, ни у кого не нашлось продажной муки. И даже юколы у юкагиров не оказалось.

Не подозревая худого, отправились казаки к Ворыпаеву, а тот уже ждет их. Муки — сколько вашей душе угодно. Рыбы — пожа-

так растолковывал Булдаков это обстоятельство Ворыпаеву, но что купчине нужны колымских служилых?

Потоптались изголодавшиеся казаки и ушли. А потом снова пришли — есть-то надо! Накинули они по несколько рублей на пуд, а Ворыпаев все равно не уступает... С отчаяния некоторые соглашались в кабалу к Ворыпаеву идти, волю на неволю меняли, но все равно ни с чем ушли. Твердо верил купец, что не выдержит Булдаков голодовки — и расплатится с ним деньгами.

Но нашла коса на камень. Отменный упрямец, Булдаков предпочел голодать, но ни одной копейки из тех, что другим людям предназначались, не отдал Ворыпаеву.

Худо пришлось казакам — и среди льдов так худо не было. Побирались они где могли, юколу выпрашивали, костлявую сельдьятку, которой собак кормят, лиственницы за острогом обдирали и корой питались; пробовали и сами рыбу ловить, но зимою в тех местах рыба ловится плохо — не случайно ее летом на зиму запасают.

После великого поста, который для наших казаков оказался сверхвеликим, Булдаков покинул негостеприимное Уяндинское зимовье, двинулся с отрядом дальше на восток.

«...Резким торможением его подбросило в воздух и швырнуло прямо на край огромной трещины. Казаки осторожно отползли в сторону...»

В БЛИЖАЙШИХ НОМЕРАХ — ОЧЕРК О ВЫДАЮЩЕМСЯ РУССКОМ УЧЕНОМ И ПУТЕШЕСТВЕННИКЕ, ВОЗГЛАВИВШЕМ ПЕРВУЮ В РОССИИ ГЛАЦИОЛОГИЧЕСКУЮ ЭКСПЕДИЦИЮ, — ИВАНЕ ВАСИЛЬЕВИЧЕ МУШКЕТОВЕ.

луйста. Только платить наличными. Деньгами. У казаков аж глаза на лоб полезли. Деньги тогда широкого хождения не имели, и принята была такая система: осенью, перед промыслом, брали служилые в дог муку и ружейные припасы, оставляли купцам расписки, а к весне расплачивались соболями. Но Ворыпаев и слушать о расписках не хотел — деньги на стол!

А деньги от редкой воеводской щедрости — они колымским гарнизонным предназначались. Так и

Четыре недели шли казаки до Алазеи, питаюсь все той же лиственничной корой. Откуда у них, истощенных и измученных до последней крайности, взялись силы на этот переход через горы и равнины, который и не всякому здоровому под силу, — не скажешь, но до Алазеи они дошли, и там встретили их по-человечески: и накормили, и согрели, и дали передохнуть. А еще через неделю был уже Булдаков на Колыме и роздал тамошним казакам долгожданное жалованье — деньгами.

СЕВЕРНОЕ ПРИТЯЖЕНИЕ (Окончание. Начало на стр. 3)

«Нельзя не указать на ту колоссальную роль, которую сыграет разработка норильского месторождения и проведенная к нему железная дорога в оживлении до сих пор мертвого района, — писал Николай Николаевич в своем отчете. — Норильск послужит тогда тем кристаллизационным центром, около которого будут возникать новые предприятия... И тогда, наконец, спадет тяготеющее над краем проклятие смерти».

Урванцев настаивал на продолжении разведки норильских месторождений. Таймыр он исходил и изъездил вдоль и поперек, он знал этот край как никто лучше. Но его основной работе геолога мешали административные обязанности начальника экспедиции.

Энергичное требование геолога услышал Феликс Эдмундович Дзержинский.

Твердыми, крупными шагами Урванцев вошел в холодный, чуть сумрачный кабинет председателя Высшего Совета Народного Хозяйства, остановился перед человеком с бледным лицом, светло-русой бородкой, большими задумчивыми глазами.

— Здравствуйте, товарищ Урванцев, — сказал, поднимаясь из-за стола, Дзержинский. — Садитесь, пожалуйста, — он поставил стул рядом с собой и добавил: — Я прочитал ваш отчаянный доклад и решение Геолкома. Скажите, трудно ли приходится начальнику экспедиции?

— Тяжеловато, — ответил Урванцев.

— Так я и думал! — Дзержинский снял телефонную трубку. — Павел Сергеевич, зайдите ко мне.

Вошел худенький, невысокого роста молодой человек в военной гимнастерке.

— Знакомьтесь: Павел Сергеевич Аллилуев, начальник новой Норильской экспедиции. Он поможет вам преодолеть все трудности. А вы будете научным руководителем всех геологических работ. Действуйте. Желаю успехов!..

«ЧУДО XX ВЕКА»

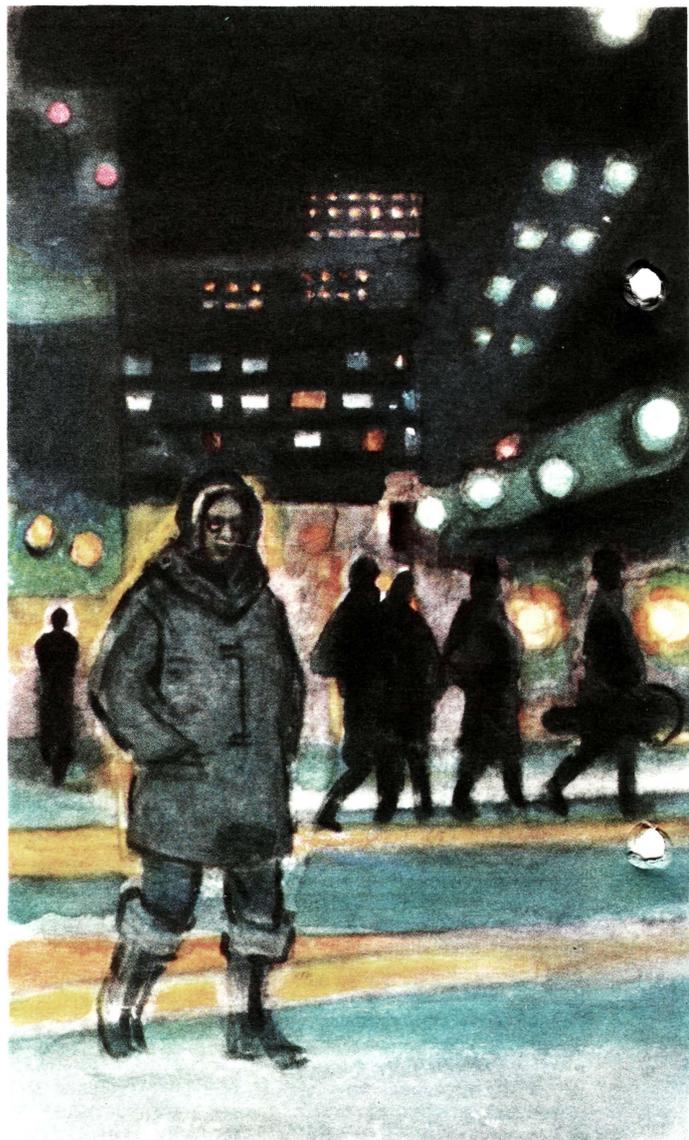
Так называют сегодняшний Норильск за границей. Поезжайте туда. Пройдите не спеша по его улицам — широким и прямым, как Невский Ленинграда. Посмотрите на колоннокрылые здания в блистающих неоновых рекламах, на скверы, где полярным летом алеют петушки и камнеломки, голубеют нежные, крошечные незабудки, желтеет ромашка. Пойдите перед школой, в широких окнах которой видны пальмы. Послушайте песни, несущиеся из музыкального училища.

Потом от почтамта пройдите к маленькому деревянному домику. Среди устремленных ввысь кварталов, право же, он покажется вам белой вороной. Остановитесь перед ним.

Этот домик был первым в Норильске. В этом домике провела первую зимовку первая советская экспедиция Урванцева. Исследователя, награжденного Золотой медалью №4 Географического общества, разделившего славу с Пржевальским, Семеновым-Тянь-Шанским и Обручевым. «За исследования природы и производительных сил советской Арктики, за достойный вклад в развитие географиче-

ской науки, за участие в изучении природных условий и нанесение на карту Северной Земли — этот выдающийся географический подвиг, сопряженный с величайшими трудностями, лишениями и опасностями, за открытие Норильского каменноугольного бассейна и медно-никелевого месторождения», — такими словами сформулирован мотив награды, отмечен труд этого человека.

Сейчас в Норильске работает большая экспедиция Института геологии Арктики. Работает по двум главным проблемам — промышленному разви-

тию медно-никелевого месторождения и поискам нефти.

Нефть на Севере ищут сейчас с таким же упорством, с каким шли на штурм полюса советские полярники. Нефть в условиях Севера втрое, вчетверо приподнимает ее значение вообще. Нефть на Таймыре сейчас еще важнее, чем уголь в двадцатые годы. В те времена на угле работали «Ермак» и ледорез «Литке», пароходы «Сибиряков» и «Малыгин», и его для первых советских караванов добывали из трюмов затонувших кораблей. На нефти сейчас работают тысячи двигателей в шахтах и рудниках, нефть двигает судовые машины и моторы тепловых станций, вырабатывающих электроэнергию для городов, строек, оленеводческих и тепличных хозяйств.

Урванцев, как и многие другие геологи, уверен в существовании таймырской нефти. Таймыр, говорит он, является областью той же нефтеносной платформы, которая начинается на Урале и тянется до берегов Тихого океана.

В девоне, в кембрии, в перми и карбоне kloкочут нефтеносные реки. Они неисчислимы. Надо только нащупать их иглами буров, как это удалось разведчикам Шаима и Мулымья, Усть-Кута и Марково.

— Найдем нефть, найдем! — уверенно говорит Николай Николаевич.

Он живет сейчас в Ленинграде, на тихой Кузнецовской улице. Но, даже окинув взглядом его домашний кабинет, понимаешь, что он всем сердцем находится на далеком Севере. Перед столом висят ружья и патронные сумки — спутники походов по норильской тундре и Северной Земле, на стене у дивана — акварели Носкова, живописца арктической природы. В углу лежат выдавшие виды

штормовки и сапоги. И кажется, что сейчас сам хозяин облачится в эту походную одежду и уедет куда-нибудь в Дудинку или на Диксон.

И вот он вошел — высокий, чуть сутуловатый, в резких морщинах, очень глубоких даже для семидесятилетнего человека, пылливо взглянул изпод сильно выпуклых очков, подал крепкую, сильную руку.

— Я только что из Норильска, — сказал он. — Садитесь, поговорим.

И он начал разговор не о том, что приключалось когда-то в его богатой, яркой жизни, а о делах сегодняшних, насущных, о людях, их творящих.

— Вы знаете, смотрю на них — молодых, уверенных — и чувствую, что какое-то, ну, как бы это назвать, северное притяжение зовет их сюда, дает смысл подвига, который заключается в том, чтобы и за Полярным кругом земля наша была так же освоена, как и в других краях страны.

Стремительным, уверенным шагом идет по северной земле время. На Таймыре уже не один маленький отряд Урванцева, а десятки геологических партий ведут разведку земных глубин. И вокруг огромного города, «кристаллизационного центра», как писал когда-то Николай Николаевич, появились новые города — Усть-Порт, Кайеркан, Каларгон, Валек, Волочанка, Талнах. Тысячи молодых работников приехали сюда. А вместе с ними уже не темные, невежественные нганасаны и ненцы, которые с любопытством и страхом рассматривали «человека с четырьмя глазами», а их дети — врачи, ученые, инженеры — вершат судьбы Таймыра, строят на Хантайке колоссальную северную электростанцию, воздвигают новые шахты и карьеры, прокладывают дороги в глубь тундры.

КАК ПОЙМАТЬ ФОРЕЛЬ?

— Посмотрите! — Нелу, четырнадцатилетний проводник, показал на камень, нависший над водой. — Там должна быть форель.

Туристы из ГДР недоверчиво переглянулись: никто не заметил даже малой рыбешки в прозрачной воде горного ручья. А Нелу осторожно приблизился к камню, нагнулся над ним. Его руки медленно, очень медленно сходились, обхватывая камень с двух сторон. Потом — молниеносное, неуловимое движение — и что-то сверкающее, прочертив в воздухе широкую дугу, шлепнулось на берег. В следующее мгновение большая форель была надежно упрятана в холщовый мешок, спущенный в воду. А Нелу уже «колдовал» у другого камня — и снова рыба на берегу. Через четверть часа в мешке билось с десяток форелей, и Нелу прекратил охоту. Туристы недоумевали: известно, что форель — очень быстрая рыба. Чтобы поймать ее, опытные рыба-

ки-спиннингисты сутками бродят по горным ручьям, а тут мальчишка из румынского местечка Себеш ловит ее руками!

Нелу спокойно и деловито разъяснил суть дела: в горных ручьях форель выбирает место под обточенным водой камнем, который выступает из воды. В «тоннеле» она и устраивает убежище на случай опасности. Найдя «гнездо», Нелу загораживает руками оба выхода. Даже когда пальцы почувствовали скользкое сигарообразное туловище рыбы, хватать ее нельзя — она мгновенно выскользнет. Нелу очень медленно подводит руки под туловище форели, кончиками пальцев едва касается нежного брюшка, «щекочет» его, то опуская, то слегка поднимая форель в струях потока... Наконец Нелу коснулся жабр — его пальцы вонзаются в них, и быстрая рыба, которая обрывает крепчайшие лесы, бессильно бьется в руках мальчугана.

Старый лесник, дед Нелу, рас-

сказал потом, что в горных ручьях у Себеша много проточных прудов, где, как в садках, разводят форель. В пору нереста вылавливают самок и «доют»: осторожно выдавливают икру. Затем собранную икру помещают в садок с проточной водой. Когда из икринок появляются мальки, их подкармливают рублеными куриными яйцами с витаминами, а потом выпускают в горные ручьи.

Ежегодно в пруды помещают сотни тысяч мальков. Чтобы улучшить породу этой ценной рыбы, к местной икре добавляют выведенную из Канады — канадская форель отличается повышенной жизнестойкостью и неприхотливостью.

За многие сотни километров приезжают в Румынию задалекие рыболовы попытать счастья в ловле редкой рыбы с черно-красным пунтиром на спинке.

О. КОКОРИН

ХАРВЕЙ — МЕТКИЙ ГЛАЗ

ПИТЕР ХОЛЛ

Рисунки В. ЧИЖИКОВА

С Харвеем — Меткий глаз я познакомился по протекции. Эту любезность оказал мне один американец, гостивший как-то в охотничьем лагере в джунглях. Именно он порекомендовал Харвею написать мне письмо, когда тот возгорелся желанием во что бы то ни стало застрелить гималайского медведя. Судя по письму, право-

писание мало заботило моего нового клиента. Скорее всего свои школьные годы он провел где-нибудь в лесах Арканзаса, ликвидируя местное медвежье поголовье.

Последнее время многие приезжают в джунгли просто для того, чтобы доказать свою первобытную мужественность. Как только я увидел Харвея, то заподозрил, что он относится именно к этой категории.

Для своего приезда он выбрал март, когда алые краски цветущих джунглей навевают мысль о лесном пожаре. После столь пышно-го цветения следует ожидать большой засухи.

Я послал своего шофера на аэродром встретить Харвея и вскоре имел счастье лично лицезреть его. Несмотря на жару, он был облачен в кожаные доспехи эпохи Большого Бизона. Из-за пояса торчал новенький охотничий нож.

— Харвей — Меткий глаз собственной персоной, — представился он.

Его кустистые брови постоянно прыгали вверх-вниз, а руки...

...Руки его и выдавали. Он не знал, что делать с ними, — это верный признак, что перед вами новичок, зеленый, как огурец.

— Рад видеть вас, — ответил я. — Давайте отойдем в тень.

— Я прожил под солнцем всю жизнь, — снисходительно заметил он и прибавил: — Я хотел бы сперва размяться.

Он вытащил свой длиннющий нож и бросил его в тиковое дерево. Нож ударился ручкой о ствол и отскочил в людей, собравшихся приветствовать нового гостя. «Почетный караул» растаял, как первый снег. А я понял, что надо готовиться к крупным неприятностям.

— Я и не собирался его выткать, — сказал он, поднимая нож.

— Давайте посмотрим ваше снаряжение, — предложил я, — а потом отдохнем.

Приезжий бросил на меня подозрительный взгляд. По-видимому, он как раз изыскивал возможность доказать, что умеет выткать нож лезвием.

Я всегда сообщаю своим клиентам, что они должны взять с собой в джунгли. В этот список обязательно входит ружье с боль-

шой убойной силой для охоты на крупного зверя. Я заметил, что Харвей пренебрег моей рекомендацией и привез только скорострельное ружье.

— Вы не сможете пользоваться этой штукой здесь, — сказал я.

— Только взгляните, — воскликнул он и схватил со стола жестянку пива.

Он подбросил ее в воздух и прострелил прежде, чем она успела упасть. К несчастью, неподалеку оказался мой помощник Али, и пиво облило его с головы до ног. Некоторое время я тщетно подыскивал какие-нибудь подходящие к случаю вежливые выражения.

— У вас здесь все какие-то нервные, — заметил Харвей.

Спорить с подобными типами бесполезно, так что я показал ему палатку и сказал, что загляну вечером. Обычно я даю гостям дня два пообыкнуть, но в данной ситуации нужно было срочно найти применение его излишней энергии.

К счастью, охотники уже обнаружили медведя в ближних горах. Я съездил в деревню, чтобы набрать загонщиков для облавы. Это оказалось делом нетрудным, так как медведь причинял немало хлопот местным крестьянам.

Договорившись обо всем, я вернулся в лагерь, где увидел Харвея, заливающего йодом огромную шишку на лбу.

— Что случилось? — спросил я.

— Эта глупая мартышка бросила в меня ветвь, — сказал он. — Завтра я с ней расправлюсь.

На всякий случай я расспросил Али, и он рассказал мне совсем другую историю. Харвей метнул свой нож в старую обезьяну лангура, вечно шлявшуюся по лагерю. Та в это время сидела на дереве, и лезвие застряло в стволе. Харвей нагнулся за камнем, чтобы вышибить нож, но обезьяна вытащила его первой. К счастью, она оказалась такой же меткой, как Харвей, и попала ему в голову рукояткой.

— Обезьяны почитаются священными животными в здешних краях, — заметил я за ужином. — Кстати, медведь уже обложен. Завтра можно охотиться.

— Великолепно! — воскликнул он. Я с радостью констатировал,

что он тут же забыл об обезьяне. Утром я заставил Харвея вылезти из его кожаных доспехов и облачиться в обычную охотничью куртку и шорты. Со своими белыми шишковатыми коленями, торчащими из-под шорт, он выглядел достаточно безобидно.

Я предложил ему взять одно из моих крупнозарядных ружей.

— Нет, — ответил он. — Когда Харвей — Меткий глаз вгоняет в зверя пулю из своего ружья, то с ним кончено.

Очень скоро ему представилась отличная возможность доказать свою теорию на практике. Старый

медведь как раз вылез из берлоги на бугорок, откуда открывался прекрасный вид на поле боя. Харвей очень быстро три раза подряд выстрелил в медведя, который катился с горы прямо на него, и три раза промахнулся. Произошло неминуемое столкновение, остаток пути по склону они проделали в объятиях друг у друга.

— Кончено, — заметил Али печально. — А ведь он обещал мне десять рупий, если убьет медведя. Мы нашли Харвея — Меткий глаз бездыханным у большого камня. Видимо, он расстался с медведем, когда они налетели на это препятствие. Все было на месте, кроме левого уха Харвея, которое Али обнаружил в нескольких метрах ниже.

Как можно быстрее мы доставили Харвея в местный госпиталь. Хирург сообщил, что приставить ухо на место не в силах современной науки.

— Сохраните его, — прошептал

Харвей перед тем, как анестезия разлучила нас.

Через восемь дней Харвей вновь объявился в лагере. Голова его была забинтована, а сам он жаждал мести.

— Что случилось с медведем? — спросил он. — Думаю, он не протянул долго?

— Он все еще в берлоге, — ответил я. — Вы можете его пристрелить, если только лучше прицелитесь.

Этот медведь имел привычку спускаться с горы по ночам и лакомиться плодами фигового дерева, растущего позади деревни. Обрато на гору он всегда поднимался вдоль песчаного оврага.

— Там мы и устроим засаду в полнолуние, — предложил я.

— Хитрое дело — стрелять ночью, — заметил Харвей — Меткий глаз.

— В овраге есть большое дерево кулу. На нем можно соорудить бамбуковую платформу. Все, что потребуется от вас, — так это бодрствовать.

Возможно, этот совет звучит слишком элементарно, но просто удивительно, как часто люди засыпают, когда им нужно чего-либо дожидаться. Ночь в джунглях кажется бесконечной для тех, кто не умеет их слушать.

Харвей, однако, обиделся на мой совет. Некоторое время он дулся, потом сообразовал заметить:

— Не вздумайте стрелять в медведя прежде меня.

— Я никогда не стреляю ни в кого, если к этому не вынуждают обстоятельства. Я буду сидеть там лишь для того, чтобы предупредить вас свистком, когда медведь отправится обратно. Как только свистну, изготовьтесь к стрельбе.

— Когда полнолуние? — спросил он.

— Через день.

Я не сказал Харвею, что один из моих загонщиков будет сидеть на дереве выше по оврагу. Я хотел быть твердо уверенным в исходе охоты, чтобы не возникло никакой задержки с отъездом моего гостя.

Наступило полнолуние, и после раннего ужина я повел Харвея к его дереву. Когда он вскарабкался наверх по веревочной лестнице, Али отвязал ее и соскользнул по стволу. Я всегда следую этой предосторожности — нужно быть уверенным, что сидящий на дереве не сможет ни за что на свете слезть с него. В этом случае вы всегда знаете, где искать

охотника, если что-нибудь случится.

— Мне нужно подложить под себя что-нибудь мягкое, — пожаловался сверху Харвей.

— Придется уж обойтись тем, что отпустила природа, — заметил я. — И не шуршите своими конфетами.

Харвей взял с собой на охоту огромный пакет сладостей.

— Лучшее средство от сна, — заметил он.

Убедившись, что его ложе лишено каких бы то ни было удобств, а потому он вряд ли сумеет заснуть, я проводил загонщика и занял свою позицию за скалой, откуда мог наблюдать за всем, что происходило вокруг фигового дерева.

Закат быстро догорел, и, когда луна взобралась на безоблачное небо, стало светло как днем. О лучших условиях для охоты нельзя и мечтать.

Медведь появился часов в одиннадцать и начал собирать упавшие фиги. Покончив с ними, он принялся трясти дерево в надежде добыть еще. Я слышал его недовольный рев. Голодный медведь — несговорчивый собеседник. Так что я зарядил оба ство-

ла на случай, если он двинется в мою сторону.

Между тем все шло, как по расписанию. Медведь посидел, поскребся и затем двинулся вверх по оврагу, туда, где сидел Харвей. Я подождал полминуты и свистнул.

Я ждал, напрягшись, выстрела. Но все было тихо. Этакая зловещая тишина.

Я полез по оврагу вверх и, наконец, увидел четкий силуэт дерева.

Это была опасная зона, так что я замедлил шаг и взвел курки. Уж не знаю, что я ожидал уви-

деть, но, во всяком случае, меньше всего рассчитывал обнаружить медведя на платформе. Чуть повыше, обняв руками и ногами не очень надежную ветвь, приютился Харвей — Меткий глаз. На земле под деревом я увидел ружье, нож и конфетные обертки, блестящие в лунном свете. Очевидно, решил я, Харвей заснул и уронил кулек с конфетами. Медведь, полакомившись неожиданным подарком, решил проверить, не осталось ли на дереве еще таких же вкусных плодов. Харвей успел проснуться вовремя, чтобы бросить амуницию и отступить с платформы.

И теперь где-то в ветвях он довольно ловко изображает загнанного опоссума — занятие, пожалуй, единственно мудрое в его положении.

Медведь, не уведомленный о моем появлении, встал на платформе и принялся трясти вершину дерева. Спасительная ветвь Харвея затрещала. Осознав, что он не сумеет удержаться ни секунды, я выстрелил из обоих стволов. Два темных предмета свалились с дерева одновременно, и я с ужасом подумал, что попал в обоих.

Харвей приземлился первым.

ОГНЕДЫШАЩИЕ ГОРЫ

«Мы не могли устоять на горячей движущейся корке, ведь температура у поверхности достигала 270 — 300 градусов по Цельсию. Лава накалена была докрасна, поэтому нам неоднократно приходилось взбираться на угловые выступы, чтобы ветер остудил наши асбестовые башмаки» — эти строки взяты из отчета советских вулканологов, работавших на Камчатке. Опасен, сложен, но интересен мир вулканов. С ним нас знакомят книги, фильмы, марки... У нас и за рубежом издано немало марок, собрав которые филателисты могут составить карту, хотя и неполную, огнедышащих гор нашей планеты. Вот некоторые из этих марок:

Недавно выпущенные советские марки изображают вулканы Камчатки. Корякский вулкан, изображенный на первой марке, последний раз извергался 70 лет назад. Курящийся конус принадлежит Ключевской сопке.

Холодные воды Северной Атлантики омывают вулканический остров Ян-Майен; расположенная здесь норвежская метеорологическая станция была одним из активных участников Международного геофизического года.

Над Северным островом Новой Зеландии царит вулкан Тонгариро высотой почти в 2000 метров. Вокруг него и пробужденных им гейзеров и горячих источников создан заповедник.

Подводный вулкан породил новый маленький остров Сёртсей у берегов Исландии. Страна ледников и вулканов провозгласила остров своей территорией и выпустила серию марок, на которых запечатлены этапы его рождения.

Священная гора, национальная гордость японцев, — Фудзи. Ее убеленная снеговыми сединами голова удивительно правильным конусом возвышается на 3700 метров над полями и субтропическими лесами острова Хонсю.

Вероятно, потому, что он уже падал, когда я выстрелил. Медведь упал на него. Перезарядив ружье, я подошел поближе, чтобы оценить обстановку.

Медведь был мертв, и я откатил его в сторону, ожидая увидеть под ним котлету. К счастью, земля оказалась мягкой, и Харвей был цел и невредим. Единственное, что отсутствовало, так это дыхание. Мне пришлось потратить минут десять, чтобы привести Харвея в себя.

— Что случилось? — спросил Харвей, обретая дар речи.

— Вы попали удивительно точно, — ответил я.

— У меня все как-то расплывается, — признался он.

— Так и должно быть, — сказал я. — Не теряйте присутствия духа и возвращайтесь в Америку со своим трофеем. Билеты уже заказаны.

Вернувшись в лагерь, мы с загонщиком освежали медведя в рекордный срок и погрузили Харвея с медвежьей шкурой в «джип».

Через десять часов тряски по жаре мы прибыли в аэропорт, где Харвей немедленно устроил

жуткий скандал: медвежью шкуру хотели забрать в багажное отделение. Профессиональная улыбка стюардессы сменилась гримасой отвращения, когда Харвей влез в салон самолета со своим ароматным трофеем.

...Позднее я узнал о Харвее одну новость (и это меня не удивило). Аэродром, на котором приземлился Харвей, чтобы пересечь на самолет, отправляющийся в Штаты, был временно парализован. Что еще успел натворить горе-охотник?

Перевел с английского
Е. АЛЕКСАНДРОВ

УКРАЛИ «ГОЛУБОГО МАВРИКИЯ»!

Эта сенсационная весть взбудоражила недавно всех филателистов мира. Кража была совершена в Лондоне — марку «убрали» со стендов Британского музея.

Что же такое «голубой Маврикий»? В тропическом поясе, среди лазурных вод Индийского океана, лежит остров Маврикий — старая колония английской короны. Остров невелик, и проживает здесь всего около 600 тысяч человек. Но нет среди коллекционеров почтовых марок человека, который бы не знал его. Этой славой он обязан случаю весьма комичному. В 1847 году губернатор острова решил дать бал. Чтобы разослать приглашения, решено было изготовить специальную марку (марки тогда только входили в моду). И она была изготовлена в двух цветах в количестве 500 экземпляров. Однако оказалось, что мастер, которому было поручено сделать надпись «Почта оплачена», ошибся. Уже после того, как приглашения (с новой маркой) были разосланы, кто-то из дотошных гостей обнаружил на марке слова «Почтовая контора».

Разгневанный губернатор приказал сжечь весь тираж марки. Сохранилось лишь три негашеных и несколько гашеных ее экземпляров. В Англии «Маврикий» имеется лишь в коллекции королевы и еще одного филателиста. Третья марка хранилась в Британском музее.

По каталогу «Липсия» (ГДР) «голубой Маврикий» оценивается в 250 тысяч марок.

Поиски украденного «Маврикия» продолжаются...

А. ПОДОЛЬСКИЙ

ДОСТОИНСТВОМ В ... КИЛОГРАММ

Самые большие и самые тяжелые в мире деньги обращаются на острове Яп (Каролинские острова) в Тихом океане. Местные жители делают их из камня. Чем крупнее монета, чем больше затрачено труда, чтобы ее вытесать, тем выше ее «достоинство». Чтобы легче было покупателю, идущему за товарами, доставить свой «кошелек» на базар, в монете делается отверстие. Если это «мелочь», ее просто нанизывают на веревку, а если крупная «купюра», то в середине «денеги» вставляют палку и катят ее по дороге. Катить иной раз приходится вдвоем и втроем — у состоятельных жителей острова Яп встречаются «монетки» весом во многие десятки килограммов.

Б. СИЛКИН

ПРОЧТИ — ПОДУМАЙ — ОТВЕТЬ

Денежный знак, изображенный здесь, вряд ли можно назвать монетой. Им нельзя было расплачиваться, на него нельзя было ничего купить, но тем не менее отсутствие этого знака грозило кое-кому крупными расходами.

На знаке нет указания его стоимости, только надпись: «Деньги взяты» и странный, не встречающийся более нигде рисунок.

Чеканили этот знак в России много лет назад по велению одного выдающегося государственного деятеля.

ЧТО ЭТО ЗА ЗНАК? КОГДА И ПОЧЕМУ ОН ЧЕКАНИЛСЯ?

Портрет Гвойи Юнгау

Эта почтовая марка появилась в обращении 14 августа 1951 года. Она вышла большим тиражом, обычным для тех марок Австралии, которым предназначена прозаическая участь рядовых знаков повседневной почтовой оплаты.

Но судьба этой коричневой марки с общедоступным номиналом в 8,5 пенса повернулась неожиданно, когда филателисты узнали, что изображенный на ней колоритный старик, судя по надписи, австралийский абориген, — лицо реальное...

Надо сказать, изображения истинных хозяев земли редко встречаются на марках колониальных и капиталистических стран. Только погоня за очередной сенсацией заставляет почтовые власти отказать от примелькавшихся райских птичек и прочей «экзотики».

...Почтовое ведомство Австралии долго искало «прилично» выглядевшего коренного жителя, чтобы увековечить портрет его на марке. Наконец один из кочевников племени ваилбри дал себя уговорить. Это был Гвойя Юнгау.

Марка с портретом аборигена полюбились филателистам. В Австралию посыпались письма со всех концов мира с вопросами, кто же изображен на марке. Но популяризировать человека из кочующего племени власти не хотели. И все же филателисты узнали, кто герой марки. Коллекционеры, приобретающие изображения Гвойи, уже прозванного Джимми, посылали ему марки с просьбами об автографе. Получатель не умел, правда, ни читать, ни писать, однако коллекционеры все-таки получали автограф: Гвойя оставлял на марках отпечатки пальцев.

Почтовые власти смекнули, что на такой «экзотике» можно неплохо заработать. Полтора года спустя выпускается новая марка. Рисунок ее полностью повторяет рисунок первой, но номинальная стоимость марки резко повышена: она составляет уже 2,6 шиллинга. Одна частная фирма выпустила специальные конверты с портретом «Джимми». За солидную сумму можно было приобрести и почтовые открытки с уже готовым автографом.

Слава не вскружила голову Гвойе Юнгау. Он не покидал своего племени, продолжая кочевать с ним по бескрайним австралийским пустыням, и решительно отклонял предложения совершить рекламное турне за границу.

Недавно Гвойя Юнгау, лицо которого так хорошо знакомо теперь филателистам всего мира, умер. Говорят, ему было 75 лет.

Е. САШЕНКОВ

КОРОЛЬ И... РЕШКА, ЧЕ-
СТОЛЮБИВЫЙ ПОЧТМЕЙ-
СТЕР И ФАЛЬШИВОМО-
НЕТЧИКИ

Людовик XVI очень заботился о своей популярности. Он причинил немало хлопот мастерам монетного двора, добиваясь, чтобы его «божественный» профиль был изображен на деньгах как можно ближе к оригиналу. Сходство было достигнуто, но это-то его и сгубило.

Когда королевская семья, скрываясь от бурь Великой французской революции, под покровом ночи бежала из Парижа, ей удалось добраться почти до самой границы. Но здесь Людовика дернула нелегкая выскочить из окна чужой кареты, в которой он ехал под чужим именем. Тут-то он и был опознан стоявшим у обочины владельцем гостиницы. Тот, правда, никогда прежде короля не видел, но отлично был знаком с его внешностью... по «решке» медного денье.

В один из дней 1860 года на почтамте небольшого городка Фредериктон (Канада) выпустили в продажу марку ценой 5 центов. Через несколько часов толпа жителей потребовала немедленно изъять ее из обращения. Оказалось, что почтмейстер Чарльз О'Коннел выпустил марку... с собственным портретом. Возмущенные жители грозили разнести в щепы здание почты. Незадачливый О'Коннел был строго наказан за свое честолюбие, а непроданные марки сожжены. Уцелевшие экземпляры представляют большую редкость.

В одной из английских газет 22 сентября 1841 года было напечатано объявление о том, что молодая дама ищет почтовые марки для... оклейки своей комнаты и что ей удалось собрать пока 15 тысяч штук, тогда как ей нужно 100 тысяч. Если бы этой любительнице необычных обоев удалось собрать хотя бы 50 тысяч, ее коллекции не было бы цены: ведь марки 1841—1842 годов — большая редкость.

В 1932 году во Франции были впервые выпущены монеты из никеля. В этом металле недостатка не было, и в обращении немедленно появились их «незаконно-рожденные братья» — фальшивые никелевые пятифранковики, как две капли воды похожие на настоящие. Полиция с ног сбилась, пока поймала фальшивомонетчиков. Однако, представ перед судом, жулики хладнокровно спросили: «А разве нельзя? Ведь в действующем кодексе перечислены лишь золотые, серебряные, бронзовые и медные монеты, которые запрещено подделывать. А про никель там нет ни слова!» Фальшивомонетчиков пришлось освободить, закон изменить, а чиновники еще тридцать лет продолжали вылавливать и изымать из обращения самодельные денги.

В 1846 году городская почта Виргинии выпустила марку ценой в 5 центов. Марка очень скоро стала редкостью — лишь три экземпляра ее хранились в коллекциях филателистов. И вдруг — уже в конце века — нашлась еще одна, четвертая. Ее обнаружила женщина почтенного возраста на конверте письма, полученного ею, когда она была еще невестой. Отпечатанная на оберточной бумаге цвета выделанной кожи, эта марка принесла своей хозяйке 3 тысячи долларов.

Ночной МОТОЦИКЛИСТ

Приключенческая повесть

ВИКТОР СМИРНОВ

Плухо гудят рельсы, дальний свет паровоза шарит по сопкам. Вскоре платформу заливают сияние прожектора и фигуры людей становятся просто черными силуэтами. За палисадником я вижу Ленку. Лунно сияет ее шлем. Дурная песенка почему-то приходит на память: «И марсианочка с фотон-наю ракетой ко мне летит, летит...»

Проводник мягкого вагона на редкость словоохотлив. Он фонтанирует, как тюменская скважина. Вид милицейского удостоверения приводит его в восторг. Этот курносый увалень любит приключения.

Да, он помнит: такой высокий, строгий пассажир, а жена его маленькая, и он поддерживал ее за руку, потому что она была больна. Да, это он на фотокарточке, факт. Наверно, научный работник. Почему? Ну, такой серьезный и ехал в мягком. Не остался ли пассажир на перроне? Нет, он ехал до конца. Билет у них был в третье купе, там ехал какой-то инженер, который пил много чая, просто даже подозрительно!

Значит, пассажир с большой женой вошли в купе, а инженер выскочил оттуда со своим чемоданом и подстаканником. У него был собственный серебряный подстаканник — тяжелый, как гиря. Даже подозрительно... Инженер сказал, что не хочет ехать в одном купе с женщиной, которая больна и громко стонет.

Инженера перевели в другое купе, а строгий пассажир с женой ехали одни. Вагон-то свободный! Выходил ли пассажир из купе? Ну, этого он не знает, потому что вскоре пошел спать, а дежурить заступил напарник.

На станции бьют в колокол.

— Да где же напарник?

— Он за кипятком помчался... Федя!

Я вижу, как мчится Федя с ведром. Поезд лягает и трогается. В два прыжка я оказываюсь у палисадника.

— Ленка! Я поехал. Соскочу на первой станции и завтра вернусь. Спасибо!

— Выходи в Лихом! — кричит Ленка. — Подожди на станции. Я скоро буду там... Вернусь в Колодин, а оттуда по тропинке.

— Не надо!

— Жди!

В служебном купе напарник Федя косит на меня глазом. Он осторожен, себе на уме и, в отличие от приятеля, не склонен радоваться приключениям.

— Значит, я заступил. Зашел в купе: не нужно ли чего? Нет, говорит, не нужно. Жена хворая лежала. В третьем часу он вышел из купе. Спросил

бинта. Ногу он поранил, прыгая с полки. Соды спросил для жены.

— Вы точно видели пассажира в третьем часу?

— А вот как вас вижу, так и его.

Вот и все. Можно возвращаться. Круг сузился. Теперь их остается только двое: Жарков и незнакомец.

— Вы извините, конечно, — говорит курносый проводник, чрезвычайно довольный происшествием. — Он что, преступник большой? Замечу где — поймаю! Я такой...

— Лучше не ловите. И про разговор этот забудьте, — говорю я сдержанно.

Пусть почтмейстер спокойно охотится на медведя. Сортирует письма. Рассылает телеграммы. Нависшее над ним подозрение в эту минуту рассыпалось прахом.

8

В Лихом на пустой платформе горит керосиновый фонарь, вокруг — августовская темь. Шумят невидимые деревья и пахнет сырým лесом.

Зря я втянул Ленку в эту поездку. Где она блуждает на своей «Яве»? Разъезд Лихое соединит с Колодином тропка, вьющаяся по тайге, как слабый ручеек. Тридцать пять километров тайги. Уж лучше бы мы договорились встретиться не в Лихом, а в Полунино — там хоть какая-то дорога.

Еще слышен шум поезда. Он плетется по однопутке, по краю озера, минуя многочисленные разъезды. Часа через три неторопливой езды поезд достигнет станции Полунино. Когда погаснет стук колес, можно будет услышать голос Катицы, той реки, по которой мы с Ленкой когда-то плыли к необитаемому острову.

В Полунино достали старую лодку. Да, тогда мы чудом избежали опасности. Железная дорога не сразу уходит от Колодина — она описывает дугу. Огромное озеро Лихое прижимает рельсы к самому хребту. Это обстоятельство и выручило нас с Ленкой во время робинзонады: обходчик заметил, как лодка входила в Катицу. Если бы мы ушли к востоку, в глухую тайгу, нас не нашли бы после «кораблекрушения».

Ленки нет. Надо идти навстречу.

Еще прежде чем услышать стук двигателя, я вижу, как над головой загорается верхушка ели, потом выступает еще несколько вершин пониже. Фара в темном лесу кажется ярче солнца.

— Ленка, сумасшедшая...

— Устала чертовски... — Голос у нее хриплый. — Разожги костер. Хорошо, что какая-то добрая душа догадалась проложить мостик через Черемшанку...

Огонь с треском поедает хвою. Ленка сидит, как любят сидеть все девчонки у костра, — подтянув колени к подбородку и неподвижно глядя на огонь. Ее щеку пересекает царапина, брюки в грязи.

Мы сидим у костра и молчим. Есть самые простые радости на свете, которые чаще всего не замечаешь, настолько они бесхитростны. Но потом — только потом — узнаешь, что они-то и были счастьем. С годами начинаешь понимать это. Мы думаем о счастье в будущем времени, но оно всегда в прошлом, потому что как настоящее неощутимо. Этот костер, и Ленка, положившая подбородок на колени, и алые сосновые стволы, и короткое ощущение покоя — все это станет потом счастьем, я знаю.

— Тебе что-нибудь дала эта поездка? — нарушает молчание Ленка.

— Да. Есть линии, которые мы называем ложны-

Продолжение. Начало в № 1—2.

ми. Но сначала надо узнать, действительно ли они ложные.

Глаза у нее сейчас темные-темные.

— Да, в жизни бывают ложные линии, — говорит она.

Что-то беспокойное, тяжелое лежит у нее на душе. Я беру ее руку и ощущаю живую прохладу. Как будто коснулся речной быстрой воды и она ящерицей трепещет в ладони.

— Я так мало знаю о тебе, Ленка.

— Любопытство следователя?

Она всегда была такой — мягкая, добрая и вдруг неожиданно резкая.

— Прости. Знаешь, мне кажется, будто я отдала ему всю жизнь и мне ничего не осталось.

Она говорит так, словно мне знаком каждый ее день из этих шести лет. Но я знаю, кого она имеет в виду.

— Я вернулась из Ленинграда... Нельзя надолго уезжать из маленьких городов, а если уезжаешь, лучше не возвращаться... Весной к нам прибыл аттракцион «Бесстрашный рейс». Знаешь — мотоциклист гоняет внутри деревянного колодца? Леша Лопушок — он теперь заводилом культуры — потащил меня: «Пойдем, познакомлю с интересным человеком». Мотоцикл ревел, стена качалась, публика ахала. Он действительно здорово работал. Потом Леша познакомил меня с ним. Он показал новый трюк и сказал: «Только для вас». Я села на его машину и спросила, как ездят по стене. Он думал, я шучу. А я поехала. Надо было резко набрать скорость и лезть вверх, когда почувствуешь, что инерция плотно прижимает машину к доскам... Мы стали встречаться. Он показался мне необыкновенным человеком. Всегда в дороге, новые города, опасность. Он предложил работать вместе, и я научилась ездить как следует. Мы должны были пожениться, но я увидела, что смельчак, ищущий тревожной жизни, давно стал торговцем и фиглярю. Каждый виток он переводил в монету. Он любил браваду, видимость успеха, балаганное почитание. Его надо было вытащить с «вертикальной стены». Мне удалось сделать это. Он переехал в Колодин. Стал чемпионом области, мастером спорта. Я думала, что все плохое позади. Но он не мог без дурных денег, без восхищенных почитательниц, ресторанного хвастовства. Завертелись темные болельщики, дельцы, девицы...

— А я-то думал: чего это чемпион живет в Колодине?

— Он все собирается уехать, но... когда ему трудно, я нужна. Он понимает, что без меня покатится вниз. Он хочет сохранить и меня и свою бездумную «артистическую» жизнь. И я тоже никак не решусь порвать с ним, хотя знаю, что прошлое — пепел, не больше... Отчего мы, женщины, так привязчивы, отчего мы живем только тогда, когда живем для кого-то?

— Просто ты хорошая, Ленка, добрая. Человек.

Ну, что я могу сказать ей? Такие клубки распутывает жизнь, время. Ни я, ни кто-либо другой не в силах ей помочь... Горит костер, и «Ява», как верный пес, смотрит на нас выпуклым глазом фары.

9

...На меня несется узенькая таежная тропинка, мелькают деревья, луч света шарит по лесу... Будит меня деликатное покашливание. Комаровский, подобрал полы шинели, сидит на стуле верхом.

— Сон — первое благо молодости. Я не мог дозвониться.

Протираю глаза. Телефон на столе как черный укор.

— Ну, что Анданов? — спрашивает Комаровский.

— Ехал в поезде. Чистое алиби.

— Я так и думал. А у меня новости. Помилуйко прибывает послезавтра. Из области пришел результат анализа. Ну и напали на след «пятого». В тайге его видели, на охоте.

Через полчаса мы сидим в горотделе.

Передо мной бланки из лаборатории криминалистики. Анализ отпечатков, оставленных преступником на бумагах Осеева, показал, что перчатки, как мы и предполагали, были смочены в бензине. Причем в бензине содержалась примесь машинного масла.

— Преступник имел дело с двигателем внутреннего сгорания. С любым двигателем, где нет централизованной смазки, — говорит Комаровский. — Но Шабашников далек от всей этой техники. И в доме у него нет никаких смазочных материалов.

— Значит, нам остается предположить самое очевидное: преступник пользовался мотоциклом или велосипедом с моторчиком...

— У нас сейчас развелось много мотоциклистов, — задумчиво говорит Комаровский. — Особенно, как началась стройка.

— Но вряд ли найдется много охотников развезать глубокой ночью. По здешним-то дорогам! Убийство произошло в ноль часов семь минут. Надо опросить жителей: не слышал ли кто ночью, около двенадцати, шума мотоциклетного или велосипедного движка? Может, нам удастся определить маршрут?

Комаровский отдергивает занавеску, закрывающую

милицейскую карту Колодина. Кружочки на карте обозначают места, где за последнее время были совершены какие-либо преступления.

— Нет ли здесь связи? Смотрите...

Капитан показывает на два кружочка, прилепившихся к окраине города.

— Не так давно у нас были похищены два мотоцикла. Один найден в лесу под Колодином, другого не нашли. Похититель неизвестен. Похоже, что это одно и то же лицо. Самое странное, что раньше у нас не уводили мотоциклов. Зачем? Угнать невозможно: тайга.

— Что гадать?.. Давайте пока займемся этим незнакомцем, проживающим вне Колодина.

— Это уж Кеша нам должен помочь. Жду его с минуты на минуту. Вы знаете Кешу Турханова?

Кто в Колодине не знает таежника Кешу? Турханов — первый здешний охотник, соболятник, в годы войны на пожертвованные им деньги были построены два истребителя. Я узнал о Кеше задолго до того, как научился читать.

— Он не раз помогал нам, — с гордостью говорит Комаровский. — Другого такого следопыта не найти.

Кеша Турханов входит без стука, отстранив секретаршу. У него свои понятия — если нужно, входи. Люди всюду должны встречаться так же просто, как встречаются они в тайге. Кеша немолод, могуч и сутул. Спина его привыкла к двухпудовой паняле, а ноги — к тридцативерстным переходам. Узкие глаза смотрят зорко и проникновенно.

— Здравствуй, следователь. Звал?

Комаровский рассказывает о новом охотнике, который объявился под Колодином. Кеша сосет трубочку и рассматривает капитана. Он такой, Кеша: если захочет, поможет, нет — и не пытайся добиться ответа. То, что мы «представители власти», для него не имеет никакого значения. Но он знает, что работа у нас справедливая, нужная, а превыше всего Турханов ценит справедливость и закон.

— Есть такой охотничек, следователь. Городской. Приехал погостить. В деревне живет, однако, у родственников.

Въезжаем на исполкомовском «газике». День облачный и ветреный. Дорога, по которой мы едем, носит гордое название — Полуниинский тракт. Это семьдесят километров проселка, соединяющего Колодин со станцией Полунино. Когда-то тракт имел значение, а сейчас по нему впору ездить лишь вездеходам.

— Кеша, ты уверен, что мы его застанем?

— Охотника-то? Он этой ночью, однако, в засадке сидел. Отдыхает...

— Откуда ты знаешь, Кеша?

— В тайге все видно. Не город ведь.

На двенадцатом километре мы сворачиваем на таежную узкую дорогу и вскоре въезжаем в деревню. Ни одного дерева близ домов. Так уж водится у сибиряков, привыкших враждовать с лесом. Останавливаемся у большой избы-пятистенки, рубленной по-старинному, «связью», с охлупнями над крышей.

Охотничек вовсе не кажется смущенным неожиданным милицейским наездом. Горбоносый, смуглый, в меховой расшитой безрукавке, он похож на радужного жителя Закарпатья.

— Дело, говорите, имеется? Милости прошу. Кваску?

Знакомимся. Сашенко Евгений Петрович, тридцати восьми лет, инженер ОТК в «почтовом ящике» большого сибирского города. Приехал погостить у родственников. Сашенко охотно рассказывает о своей

поездке в Колодин, к Шабашникову. Он уже слышал о трагическом событии и готов помочь нам, чем может.

— Собаку себе подыскиваю. У меня была чудесная лайка, Орест. Погибла. Что я могу рассказать об этом визите? Шабашников, понимаете, был под хмельком. Пришлось отложить покупку.

— Вы впервые в Колодине?

— Впервые.

— А долго пробыли у Шабашникова?

— Минут пятнадцать. Было около девяти, когда я пришел.

— Вы сразу отправились домой?

— Сразу.

— И часам к двенадцати были у себя?

— Нет. Это целая история... В двенадцать ночи я был на Полуниинском тракте.

Рисунки В. КОВНАЦКОГО
и В. НЕМУХИНА

— Один?

— Как перст! Я опоздал на «летучку» и решил дождаться попутной. Как назло — ни одной машины. Я не знал, что это такой пустой тракт... Пришлось идти пешком.

— Никого не встретили на тракте?

Наконец-то Сашенко понимает, что наш приезд вызван желанием установить его алиби. В глазах его вспыхивает и тут же гаснет тревожный огонек.

— Кого встретишь на тракте ночью? Хотя... Вы сможете разыскать его!

— Кого?

— Мотоциклиста. В Выселках, в нескольких километрах от Колодина, я присел отдохнуть у будочки. И тут услышал мотоцикл. Проголосовал. Но мотоциклист пронесся мимо как на пожар.

— Как выглядел этот человек?

— Козырек кепки закрывал лицо, я не рассмотрел. Мне показалось, он нагнул голову, проезжая мимо.

— А марку машины вы можете назвать?

— Думаю, ИЖ.

— Вы не можете вспомнить поточнее, когда это было?

— Я специально посмотрел на часы, когда промчался этот летун. Чем-то он напугал меня, я даже хотел заявить в милицию, но, видите, вы меня опередили. Без восемнадцати час, вот когда это было! Время у меня абсолютно точное.

— Ну что ж, спасибо за помощь.

Сашенко, в безрукавке, надев тяжелые охотничьи сапоги, провожает нас к «газнику».

— Я пробуду здесь недельку. Если понадобится, прошу...

«Газик» снова трясется по ухабам. Кеша Турханов меланхолично сосет свою коротенькую трубочку.

— Этому Сашенко можно доверять, кажется, — говорит Комаровский. — Если он действительно впервые в Колодине... Нетрудно проверить. Такое преступление мог совершить лишь человек, хорошо знающий город и Осеева.

10

Жарков, развалившись в кресле, насмешливо поглядывает на меня. Я нервничаю, чиркаю на бумаге какие-то закорючки. Он, конечно, знает о ночной поездке Лены в Лихое и, кажется, намерен своим поведением подчеркнуть, что к нашей беседе примешаны и личные счеты.

— Итак, Шабашников пошел за водкой, а вы оставались в его доме. Затем вы отправились к себе?

— Да.

Он длинной струей выпускает дым — облачко заволакивает мое лицо. Будь терпелив, говорю я себе.

— Вы были дома весь вечер и всю ночь?

— Вечером я выезжал к знакомым, а ночью был дома.

— Выезжали? На чем?

— Такси в Колодине нет. И трамвай еще не успели пустить. Поэтому, извините, я выехал на мотоцикле.

Что ж, сторожиха продмага, заметившая отъезд Жаркова, права: он действительно выводил свой ИЖ.

— Скажите, пожалуйста, когда вы вернулись домой?

— Двенадцати еще не было.

До убийства Осеева, отмечаю я. Так ли это? Знает ли он, что в одиннадцать тридцать на улице был выключен свет?

— Вы уверены, что до двенадцати?

— Ну, знаете ли! — возмущается Жарков. — Уж не подозреваете ли вы меня?

— Мы работаем, — как можно более спокойно отвечаю я. — Нам приходится беседовать не только с вами. Каждый точный ответ — это помощь в нашей работе.

— Хорошо, — соглашается Жарков. — Я говорю «до двенадцати», потому что, когда приехал, включил приемник, а потом услышал, как били куранты.

— У вас какой приемник?

Жарков смеется, показывая два ряда безупречных зубов. «Ну и вопросы задает мальчишка из угрозиска!» — читаю я в его прищуренных глазах. Он очень самоуверен.

— «Сакта». Раднола. Это важно?

— Важно. Еще один вопрос. Как долго вы слушали раднолу «Сакта» после двенадцати?

— Ну, часа полтора.

Удивительная выдержка у чемпиона. Кажется, права физиономистика, уверяя, что тяжелые подбородки свидетельствуют о незаурядной воле. Таким подбородком, как у чемпиона, орехи только колоты.

— Прочитайте ваши показания и подпишите.

Жарков внимательно читает. Ставит лихую закорючку.

— У вас неплохой слог. Все?

— Нет. Хотелось бы знать, как вы пользовались сетевым приемником, если с одиннадцати тридцати до четырех, в ночь с восьмого на девятое августа, у вас был выключен свет?

Улыбка сходит с лица Жаркова. Ошибку уже не исправить.

— «На пушку» берете?

— Весь квартал был отключен, на электростанции устраняли аварию. Вспомните, где вы находились той ночью?

Он выплевывает намокшую сигарету.

— Хорошо: я не был дома. Но отвечать не собираюсь. Если считаете, что я виноват в чем-то, докажите. Я не обязан обосновывать собственную невиновность. Правильно я понимаю закон?

— Вы правильно понимаете закон. Жаль только, что не хотите помочь нам. Не знаю, как это расценить!

— Как хотите. Вам я не отвечу.

Жарков с ударением произносит «вам». К нему возвращается самоуверенность. Во мне медленно, колючим клубком растет раздражение. Провожу кончиком языка по нёбу. Говорят, успокаивает.

— Очень жаль, — повторяю я.

Пожалуй, не стоит продолжать. Пусть Жарков успокоится, а мы посмотрим, как он будет вести себя дальше.

В сумрачной комнатухе, увешанной схемами, Комаровский вместе с начальником ГАИ колдует над картой, словно над шахматной доской.

— Нам пришлось поднять человек тридцать дружинников. Ну и все ГАИ, разумеется... Опросили жителей этого участка, — капитан обводит ладонью добрую половину города. — Некоторые действительно слышали ночью шум мотоциклетного движка. Я отметил места.

Красные кружочки лежат на карте как конфетти.

— Один человек даже видел нашего «гонщика». Дворник, проживающий в доме сорок шесть по Ямщицкой, заметил мотоциклиста, мчавшегося к тракту.

— А когда это было?

— Тут нам повезло. Дворник говорит: «Сразу же

ЧИТАЙТЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

«МОСТ ЧЕРЕЗ РЕКУ КВАЙ» — ГЛАВЫ ИЗ РОМАНА ФРАНЦУЗСКОГО ПИСАТЕЛЯ ПЬЕРА БУЛЯ.

«ЗАПАХ МЫСЛИ» — ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ АМЕРИКАНСКОГО ПИСАТЕЛЯ РОБЕРТА ШЕКЛИ.

после того, как на стройке раздался взрыв. Еще земля не успела успокоиться». Я звонил взрывникам, на стройку, узнал время: ноль часов тридцать минут. Через двадцать минут после убийства. Как видите, совпадает... Скорость мотоциклиста, заявляет дворник, была очень большой. Кепка с козырьком, прикрывавшим лицо, темный плащ, перчатки. Показания Сашенко подтверждаются.

— Дружинники и наши сотрудники опросили всех владельцев мотоциклов, — продолжает Комаровский. — В городе и районе. Никто из них не проезжал в первом часу ночи по Ямщицкой и Полунинскому тракту.

— Однако показания дворника и Сашенко совпадают. Ну... а если это был сам Сашенко?

— Подтверждено, что Сашенко действительно ранее не был в Колодине.

— Борис Михайлович, что вы можете рассказать о Жаркове?

— Он у нас заметная фигура, местная знаменитость, — говорит капитан. — Человек легковесный, любит успех, деньги, ресторанный жизнь. Все это, конечно, не повод для подозрений, связей с уголовным миром у него нет. Откровенно говоря, мне жаль Лену Самарину — в городе считают, что она невеста Жаркова, и не без оснований считают. Он не очень порядочно ведет себя по отношению к ней. А она хорошая девушка. Я ведь Лену давно знаю, да и вы, Павел Иванович, тоже.

Капитан, вздохнув, испытующе смотрит на меня. Очевидно, наша встреча с Ленкой в ресторане и ночное путешествие не прошли незамеченными для Колодина... Интересно, действительно ли боязнь потерять Лену удерживает чемпиона в Колодине?

— А вчера Жаркова видели вместе с дочерью Осеева, — как бы невзначай бросает Комаровский.

Дочь инженера Осеева заметно осунулась с тех пор, как я видел ее. Глаза тусклые. Завтра похороны. Будет долгий путь на Мольку, где в защищенном от ветров распадке приоткрылось кладбище. Старушки в платочках будут бросать с машин еловые ветви, угощать «панафидкой». Для них, старушек, хоть горький, но привычный ритуал, а для Осеевых — ни с чем не сравнимая боль.

Я только вношу лишнее беспокойство в эти суетные черные дни — словно еще одна ненужная бумажка в той канцелярской волоките, которой окружают уход человека из жизни... Сверстники — физики, летчики, геологи, здоровые, веселые хлопцы, — знаете ли вы подлинную тяжесть грубого милиционерского дела?

— Скажите, вы давно знакомы с Жарковым?

Она отвечает бесстрастным глухим голосом:

— Мы познакомились, когда я первый раз приехала в Колодин.

Она не спрашивает, почему меня интересует Жарков. Ей все равно.

— Он подошел ко мне как-то... в магазине. Сказал, что знает отца. Помог донести домой покупки. Даже сейчас, с лицом, серым от бессонницы и волнений, она очень красива. Словно монашенка с картин Нестерова.

— Жарков бывал у вас дома?

— Нет. Он провожал меня, случалось.

— Как вы открывали дверь? Ключом?

— Я стучала в окно. Отец знал мой стук.

— Условный?

— Да, пожалуй. Он ведь был радистом в армии. Ну, а я — телеграфистка. Морзянке он меня выучил еще в детстве.

— Что же вы выстукивали?

— Да так, глупость... Три точки, три тире, три точки.

Сигнал «SOS».

Наверно, еще девочкой она придумала это. Возвращалась со школьного вечера и постучала в окно: три точки, три тире, три точки. Было морозно, она зябла в легких туфельках и подала сигнал о помощи. С тех пор отец всегда ждал, когда раздается знакомый стук. Ждал и в последние дни...

— Жарков знал, что вы должны были снова приехать к отцу?

— Да. Я писала ему, просила достать машину, чтобы помочь отцу перевезти мебель.

До Осеевой так и не доходит смысл вопросов. Мы с ней существуем сейчас в разных измерениях времени.

11

Облачный день стремительно несется над Колодином. Он выплывает из-за Мольки и уходит в тайгу, словно падает где-то там, за лесным морем, в хранилище времени.

Скоро сумерки. Мне хочется, чтобы облака неслись помедленнее и не так спешили стрелки часов...

Просмотренные мною дела об украденных мотоциклах ничего не дали. В конце июля с окраины Колодина исчез БМВ. Спустя два дня БМВ нашли близ тропы, ведущей к Черемшанке. По этой тропе мы с Ленкой возвращались из Лихого. Места там глухие, можно надежно припрятать мотоцикл. Однако поломка машины помешала вору, и он просто бросил ее. Второго августа точно так же неизвестным лицом был увиден ИЖ. На этот раз мотоцикл найти не удалось.

Возможно, между кражей машин и убийством Осеева есть связь, но приходится заняться главным вопросом — откуда мог взяться таинственный ночной мотоциклист, кто он?

Стандартный перечень вопросов... Как он выглядел? Неизвестно. Как был одет? Кепка, серый плащ... Вся мужская половина Колодина носит кепки (дань моде) и плащи благородного мышиного цвета (постарались снабженцы). Откуда он держал путь? Неизвестно. Хорошо ли он ездил на мотоцикле? Неизвестно.

Стоп. Это можно определить. Дом сорок шесть на Ямщицкой, где дворник в половине первого ночи заметил мотоциклиста, стоит на окраине. Отсюда до Выселок, места встречи «гонщика» с Сащенко, девять километров. Сверенные с нашими часы Сащенко показывали сорок две минуты первого. Итак, гонщик мчался со средней скоростью около пятидесяти километров в час. Это ночью, по плохой дороге! Наверняка такой стремительный бросок под силу только опытному мотоциклисту, асу.

Это предположение надо проверить. Следственный эксперимент — вот как будет называться мой следующий шаг. Но надо спешить. Маленькая милицмейская комнатка с грубыми деревянными столами и стульями уже в полумраке.

- Лена, мне опять понадобится твоя «Ява».
- Бедная милиция, безлошадные!
- У нас тяжелые мотоциклы. А мне нужны «средние кубики».
- Ну что же, я начинаю привыкать к твоим звонкам, — отвечает Ленка.

На Ямщицкой, у дома 46, я останавливаюсь, чтобы засечь время. Еще горит вечерняя заря, ставни не закрыты. Восходит луна, огромная, алая и такая близкая, что рукой можно достать.

Резко поворачиваю рукоятку газа и едва не вылетаю из седла. Рывок. Шестнадцать лошадиных сил ревет в цилиндрах. Держитесь, амортизаторы!

Колеса упруго прыгают через выбоины. Я едва успеваю вертеть рулем, выбирая безопасный путь.

Луч света мечется, свистит ветер, тело коченеет от ночной летящей в меня сырости. Мотоцикл, подпрыгнув, повисает на миг в воздухе, и мне кажется, что я лечу над дорогой, словно ведьма на шабаш.

Врываюсь в лес, рассеянный трактом. Шумно! Бьют эхо. Корни деревьев бьют в шины. Сосновые

стволы раскалены закатом. Близость их обжигает лицо.

Раз! Проскакиваю между двумя сосенками. Чувствую, как заднее колесо вертится, не находя опоры. Доля секунды — и оно рвануло дорогу, метнуло ее за спину.

Лужи бросаются под мотоцикл — склизкие, округлые, как черные медузы. Грязь брызжет в лицо.

Вот уже светятся Выселки. Фонарь у автобусной остановки — как вторая луна.

У столба с фонарем я торможу. Сразу на оба тормоза. «Ява» приседает, словно готовясь поползти по земле.

Восемнадцать минут. А мне казалось, что я мчался как рекордсмен. Я проигрываю «ему» по меньшей мере минут пять.

Попробуем еще раз. До Колодина я доезжаю за шестнадцать минут. Прогресс. И еще раз — в сторону Выселок. Удастся побить собственное достижение, но у самых Выселок, на взгорке, меня подстерегает беда.

Вылетев на вершину крутого холмика, «Ява» угрожающе задирает переднее колесо, стартуя в небо. Сбрасываю газ, но уже поздно. И я, описывая дугу, лечу в кювет. К счастью, склон крут. Скольжу по наклонной, прямо к темной воде. Сверху, продолжая светить фарой, сползает по грязи «Ява».

Я хватаю мотоцикл, чтобы остановить его угрожающее движение. Резкая боль обжигает руку, и машина наваливается на меня. Я не сразу освобождаюсь от тяжести.

Наконец поднимаюсь на ноги. Кости целы. И мотоцикл невредим. Левую руку жжет нестерпимо. Так и есть: приложился к раскаленному глушителю. Кожа уже вздувается волдырем. Говорят, при ожогах помогает сода. Знать бы да прихватить!..

А все-таки можно считать, что я выиграл в по-

следний раз по крайней мере еще минуту. Так что не горюй, лейтенант. Свою задачу ты выполнил: от Колодина до Выселок можно проехать за двенадцать минут. Только для этого необходимо быть гонщиком высокого класса.

Нет, так просто чемпион по мотокроссу от меня не уйдет!

12

Помилуйко развивает бурную деятельность. Его начальственная хватка помогает в первые же дни сотворить чудо. Райисполком выдает в распоряжение майора единственную в городе «Волгу». На этой «Волге» я мотаюсь по Колодину, привожу и отвожу людей — сначала Жаркова, потом белокурую девушку, которую я видел с чемпионом в ресторане, потом Сашенко, еще какую-то бородатую личность...

Так я превращаюсь в «рыбку на посылках». Но иного и не следовало ожидать. Помилуйко любит работать в одиночку.

После обеда майор решает ознакомить меня и Комаровского с результатами следствия, которое он прочно взял в свои руки.

— Садись, Чернов. Как рука? Все на перевязи?

Помилуйко торжественно перебирает бумаги. Он доволен сегодняшней работой. Низенький, коренастый, энергичный, он любит говорить: «Я — человек действия». Это так. Он умеет быть бесстрашным и решительным, когда нужно. Я видел, как Помилуйко один, отстранив помощников, взял пьяного бандита, вооруженного пистолетом.

Но в таком деле...

— Мне пришлось кое-что привести к общему знаменателю. Почитай-ка, Чернов.

Это протокол допроса Жаркова. «В ночь с 8 на 9 августа я находился у гражданки Любезновой М. Н.». Так вот зачем я ездил за этой белокурой «гражданкой». «Однако в беседе с оперуполномоченным Черновым вынужден был скрыть этот факт, так как Чернов находится в дружеских отношениях с моей невестой Самариной Е. Д. и мое признание, как я считал, могло стать известным ей». Хорosh гусь этот Жарков!

— И вот это почитай.

Протокол допроса гр. Любезновой. «Жарков находился у меня с 23 часов 8 августа до четырех часов утра 9 августа, что может засвидетельствовать А. И. Русых, присутствовавший на вечеринке...» Русых — та самая бородатая личность, которую я возил на «Волге». Я перевожу взгляд на Комаровского. Долговязый капитан сочувственно и несколько виновато улыбается:

— Да, показания безупречны. Алиби...

— Он как на духу все выложил мне, — гремит Помилуйко. — Тики-так. Вот так, Чернов. Жизнь посложнее наших схем.

Он подмигивает и шутливо грозит коротким пальцем.

— Ох, Чернов, молодец! Не успел приехать, невесту чуть не отбил. Напугал мотоциклиста! Молодежь. За ней глаз да глаз нужен. А, Комаровский?

Начальник колодинской милиции улыбается в ответ. Это характерная улыбка капитана, который откликается на шутку майора. Субординационная улыбочка. А мне невесело. Дал я маху с этим Жарковым. Что ж, остается лишь признаться майору, что следствие заходит в тупик?

— Видимо, вы тут усложняете, — говорит майор сочувственно. — «Комоловщиной» занимаетесь, ин-

теллигентскими штучками. Надо нам вернуться к этому Шабашникову. Но ты не огорчайся, Чернов. Не твоя вина.

Он предоставляет мне возможность принять сторону сильного. В данной ситуации сильная сторона — майор Помилуйко.

— Я продолжаю сомневаться в причастности Шабашникова к преступлению.

Две сердитые морщинки появляются на лице майора.

— А твои ли это сомнения? Ты еще молод, легко поддаешься влиянию. Посуди сам: ты логично замечаешь, что сапоги и нож могли быть похищены только одним из тех, кто посетил Шабашникова вечером восьмого августа. Так? Ни Лях, ни Малевич, ни Анданов, ни Сашенко, судя по твоим же правильным заключениям, не могут быть замешаны в преступлении. Отпадает и последний, Жарков. Ну?

Я молчу.

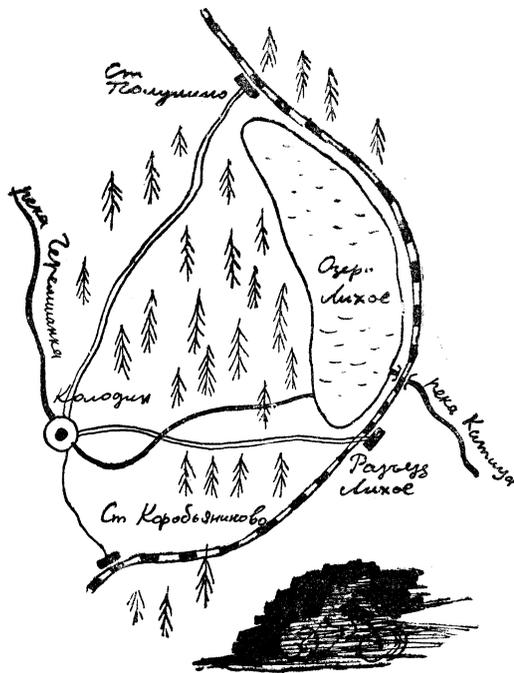
— А ведь улики, свидетельствующих против Шабашникова, достаточно для прокуратуры... И для суда, разве нет? Надо только доработать кое-что. Тики-так!

Он практик, Помилуйко, он умеет «глядеть в корень». Шабашников — это синица в руки, тогда как я со своими сомнениями предлагаю ловить журавля в небо... А что, если этот журавль окажется «глухарем», безрезультатно закончившимся делом?

Я смотрю на Комаровского. Он молчит.

— Я остаюсь при своем мнении, — говорю я. — Исчезновение дневника, следы горячего на бумагах — не вижу ответа на эти вопросы. Прошу дать мне возможность доработать версию, согласно плану, намеченному Комоловым. Вы ничем не рискуете.

— Ну, хорошо, — поморщившись, соглашается майор. — Попробуй. Только не напортать. А я займусь Шабашниковым.

13

Теперь я могу отлежаться в номере как следует, баюкая обожженную руку. Медный маятник настенных часов отмахивает секунды. Лежи, братец. Ты бестолочь. Ты запутался в этом деле и никак не найдешь разгадку. Скажи: «Шабашников виновен», — и все сразу станет легко и просто. Не можешь? Не веришь, значит.

Что бы ты ни делал, твоя судьба всегда скрещивается с чужими судьбами. И никуда не уйти от этой огромной ответственности.

Попробуй еще раз. Собери себя в кулак. Еще раз восстанови в памяти трагическую ночь восьмого августа. Попытайся найти новые звенья.

В двенадцать десять он был у дома Осеева. Кто он? Не реидивист, не профессионал — такие идут на «мокрое» лишь в случае крайней необходимости. А необходимости-то и не было. Он мог оглушить Осеева, связать. Но он убил. Нанес второй удар, чтобы быть полностью уверенным в смерти инженера. Эта хладнокровная жестокость свидетельствует о преступном опыте, о привычке убивать.

Он сделал все, чтобы запутать след. Выкрал нож. Подсунул деньги. Что еще должен был сделать такой осмотрительный, расчетливый преступник? Обеспечить алиби. Дутое алиби — вот с чем я обязательно должен был столкнуться.

В начале первого ночной мотоциклист покинул дом Осеева. В полпервого он на Ямщицкой, без восемнадцати час — в Выселках. Куда он спешил?

Вот карта. Можно построить график движения. Скорость, как установлено, около пятидесяти километров в час. В час двадцать он должен был приехать в Медведково. Это небольшое тихое село. В нем ему делать нечего. Значит, он миновал Медведково и помчался дальше. В час сорок он — у Рубиной заимки. В два часа он достиг Полунино, конечного пункта на тракте. Далее лишь узкие таежные тропы.

Полунино, Полунино. Захудалая станция, пригнувшаяся к берегу озера Лихого. Три десятка домов... Можно предположить, что он спешил на железнодорожную станцию, его интересовал поезд.

На первом этаже гостиницы должно быть расписание поездов. Спускаюсь в вестибюль. Вот оно, на стене. Где я видел этот белый реактивный самолет над красным электровозом?.. Впрочем, это неважно. «Ст. Полунино». Сюда в два пятнадцать прибывает тридцать второй пассажирский поезд: стоянка десять минут.

В тридцать втором в эту ночь ехал Анданов! Странное совпадение. Стоит подумать. Когда столько разрозненных фактов, малейшее их совмещение заслуживает пристального внимания. «Ищите странное. В странном — разгадка».

Анданов... Восьмого августа почтмейстер навещает Шабашникова. В тот же вечер срочно выезжает из Колодина. С большой женой. В отдельном купе. Что мне известно о его поведении в вагоне?

«Значит, я заступил. Зашел в купе: не нужно ли чего? Нет, говорит, не нужно. Жена хворая лежала. В третьем часу он вышел из купе. Попросил бинта. Носу он поранил, прыгая с полки. Соды спросил для жены».

В третьем часу — сразу же после того, как поезд вышел из Полунина. Говорят, сода помогает при ожогах. Говорят еще, что у мотоциклистов ожог ноги — довольно частая травма. Если бы «Ява» сразу же накрыла меня, я бы вспомнил об этом в ту же секунду. Странное совпадение.

Факты, только факты. Не спешите...

Медсестра в районной поликлинике, полная и меланхоличная, перебирает карточки — вот-вот заснет. — Анданов? Да, был на перевязке. У хирурга Малевича.

С Малевичем мы уже хорошие друзья. Утром он бинтовал мою руку, предварительно в пламенной речи изничтожив изобретателей, которые додумались до мотоцикла. «Раньше предпочитали лошадак. Тихая, мирная езда. Укрепляла нервную систему. Сейчас у нас в Колодине каждый второй — мотоциклист. Мои пациенты. Настоящие или будущие».

Малевич — очень экспансивный товарищ, с жестикуляцией, какую можно увидеть только в старых немых фильмах.

— Вы снова ко мне? Рука беспокоит? Может, вы опять взобрались на это железное помело?

Я объясняю причину визита.

— Анданов? Только что был у меня. Весь мир помешался на мотоциклах. Даже этот немолодой человек. У него тоже травма. Ожог ноги. И выглядел он вначале похуже, чем вы. Он смешной человек. Стыдится признаться. Думает, что я посмеюсь над его увлечением. «Кипятком обварил». Это он мне говорит. Как будто я не видел ожогов.

— Доктор, когда Анданов впервые пришел к вам с травмой?

Медсестра приносит историю болезни. Малевич с трудом вчитывается в записи, сделанные его топорливой рукой.

— Сейчас, сейчас... Да, вот. Десятого августа, утром.

Десятого августа утром Анданов, оставив жену в клинике, возвратился в Колодин. Как он умудрился получить ожог в купе мягкого вагона?

(Окончание в следующем номере.)

ЛЕВ НА ПОВОДКЕ И ОСЕЛ В ЧЕМОДАНЕ

«Майору» не было еще и полугода, когда его привезли из Африки. Сейчас ему четыре, и весит он двести пятьдесят килограммов. Он на целый год старше Трэйси Хэггерти, а потому с большим пониманием относится к капризам своего маленького друга. Все время, не занятое съемками многочисленных фильмов о Гарзани, лев проводит в обществе Трэйси: они вместе завтракают и гуляют, вместе играют в непонятные взрослые игры и разговаривают о каких-то своих секретных делах. Когда лев устает и укладывается на траву, Трэйси дергает его за гриву, кричит ему, что «никогда не видала таких лентяев», и тянет его вперед за цепь. «Майор» послушно встает, и они снова идут открывать Трэйсины джунгли.

У Рона Бруэра «дружки» поменьше и безобиднее, но зато их много: на своей ферме в Миддлсексе он выращивает карликовых осликов. На снимке вы видите, как Рон Бруэр доставляет одного из своих воспитанников покупателю.

ЗА АРАВИЙСКОЙ ЧАДРОЙ

(Окончание. Начало на стр. 8)

Под огромными лавовыми глыбами, ровными, гладкими и засыпанными песком, прячутся глубокие ямы; если машина попадет в такую яму, катастрофы не миновать.

Иногда вдруг охватывает беспричинный страх. Подобное ощущение я однажды испытал в детстве, когда отошел слишком далеко от берега по молодому льду.

Да и само одиночество пустыни все время сдавливает железным обручем, разорвать который стоит немалых усилий.

ГЛАЗА В СУМЕРКАХ

Солнце только что зашло за горные цепи на западе, но еще не покинуло небосвода. Разноцветные потоки света льются через гребни хребтов, опоясывая небо оранжевыми, кроваво-красными и фиолетовыми полосами.

Совершенно зачарованный, я сижу в оазисе посреди пустыни между Шибамом и Сеюном и провожаю день. Позади остался трудный путь, наполненный зноем, песком и ревом мотора.

Лишь здесь, в тени пальмовой рощи, под журчание воды, которую черпают из глубокого колодца и направляют по узеньким оросительным каналам, я забываю о песке и зное.

Вместо рева мотора слышно лишь монотонное поскрипывание колодезного колеса да шаги женщин, когда они поднимаются вверх с полными бурдюками воды или спускаются к колодцу.

Вверх — вниз... Вверх — вниз...

На ослах или быках воду возят лишь в отдаленные уголки оазиса.

От бурдюка веревка тянется к колесу, выпиленному из целого куска дерева и укрепленному над самым колодцем. Чтобы вытащить полный бурдюк, берут конец веревки и медленно отступают по небольшому углублению, вырытому возле колодца. К сожалению, бурдюк дырявый, и прежде чем его удастся поднять, из него вытекает слишком много воды. Если воду достают сразу несколько человек, они расплетают конец веревки, и каждый обматывает один конец вокруг пояса.

Полупустой бурдюк вытаскен наверх, но из него не выливают всю воду. На дне всегда оставляют немного воды, чтобы было легче зачерпнуть новую порцию в обмелевшем колодце.

Если какому-нибудь семейству удастся приобрести выючное животное, то управляет им мужчина. Женщина может разнообразить свой тяжелый унылый труд лишь платением всевозможных циновок.

Прежде чем вырыть новый колодец, на соответствующем месте высаживают пальмы. Через несколько лет они вырастут, и в их тени смогут хоть немного отдохнуть и люди и животные, работающие возле колодца.

Когда поднимают воду и тащат ее наверх, мелодия нескончаемой песни насыщена страстью и огнем, а когда медленно возвращаются к колодцу, она звучит гораздо спокойнее; во время отдыха слышится мягкий незамысловатый мотив.

Я не слышал ничего прекраснее этих песен: они

несутся, перекликаясь, со всех концов оазиса под скрип колодезных колес. Но как только заходит солнце, работа прекращается, пение затихает, не плачут и колодезные колеса, не слышно и плеска воды.

...На землю опустился великий покой. В долине тихо, как в церковном склепе. И когда где-то неподалеку вдруг завyla собака, я даже вздрогнул от неожиданности — она выла так пронзительно и отчаянно. И снова опустилась на оазис мертвая тишина — на крошечное селение и его жителей, которые весь день трудятся, не разгибая спины, чтобы напоить влагой опаленную солнцем землю.

Передо мной молчаливо сидит старый, изможденный водонос. С семи часов утра до полудня и с двух часов до захода солнца, напрягая все силы, он наполняет эту «бочку Данаид». И при этом поет:

Ямали! Ямали! Сагиб дель вади эс гбал абдит.
Богатство! Богатство!

Перед собой в вади я вижу господина,
Он едет мимо меня на лихом скакуне.

Это мой господин.

Мой господин — богатый человек.

Он богат и могуч,

Но богатые станут бедными,

Ибо и богатые люди когда-нибудь умрут.

Их богатство тоже умрет.

Богатый человек иногда обвешивает

Бедняка, немножко обвешивает.

Но лишь тогда, когда он откажется

От своего богатства и раздаст его беднякам,

Он сможет попасть на небо к аллаху!

— Да, у меня много песен, — сказал он мне как-то вечером, — но приходят они ко мне, лишь когда я работаю.

Он дави́ф — почти то же, что раб. Он никогда не уезжал из оазиса. И не знает, сколько ему лет. Не знает даже корана. Он знает только, что есть некто, кого называют аллахом, и аллах когда-нибудь сделает его счастливым. Ему не платят за работу, но дают небольшую часть урожая, который он и его семья помогают вырастить.

В течение полугода, пока не вырос новый урожай, он берет еду, одежду и занимает деньги у своего хозяина. На эти деньги он покупает всякую мелочь у купцов, остающихся в оазисе. А когда урожай собран, хозяин по своему усмотрению сокращает причитающуюся ему долю. Водонос и его семья никак не могут свести концы с концами. И наверняка им никогда не удастся уехать отсюда.

Вся семья водоноса — жена, двое сыновей и дочь — сидит рядом. Я смотрю на них, и мои глаза встречаются с глазами дочери. В сумерках они сияют, как звезды.

Ее взгляд зачаровывает меня с самой первой минуты. Я почти не замечаю, что одежда ее состоит из жалких лохмотьев, которые совершенно скрадывают линии ее тела, не замечаю конусообразной соломенной шляпы. Я вижу только ее глаза.

Как и большинство здешних женщин, она слегка подводит краской уголки глаз. И это зажигает их удивительно глубоким блеском. В ее взгляде ка-

кая-то бескрайняя даль, задумчивая и загадочная... Я никогда не смогу забыть этого взгляда.

Она работала у колодца, как и вся семья, носила воду в маленьких бурдюках, поднималась от колодца вверх и снова спускалась... Вверх — вниз, вверх — вниз...

Наверное, если бы не она, я не просидел бы столько часов у колодца. Мы сидели и молчали, окутанные мраком аравийской ночи...

Жители этого маленького оазиса привыкли молчать, когда они отдыхают после целого дня тяжелой однообразной работы. Да и о чем им говорить между собой? День заканчивается и переходит в следующий, и все дни, как две капли воды, похожи один на другой. Наше появление почти не нарушает это однообразие. Мы сидим и молчим. Я не понимаю их диалекта. А говорить о госте в его присутствии им не позволяет врожденное чувство такта — хотя, разумеется, я ни слова не пойму.

Да и мне не хочется нарушать царящую здесь тишину. Лишь изредка бросаю украдкой взгляд на девушку с бездонными глазами. И беспрестанно спрашиваю сам себя, откуда в этих глазах столько непонятной магической силы...

Говорят ли эти глаза о великой боли или о трагедии? О неосознанных желаниях? О никогда не умирающей надежде почувствовать себя хоть когда-нибудь человеком?

О чем она мечтает? О далеких оазисах? О том, чтобы убежать отсюда?

Едва ли. За всю свою жизнь она ничего не видела, кроме родного оазиса, и вряд ли слышала от проезжих купцов рассказы о заморских краях, ибо они избегают разговаривать с женщинами. Здесь она родилась, здесь она и умрет, если только какой-нибудь проезжий шейх или купец не купит или не похитит ее.

Перевел К. ТЕЛЯТНИКОВ

ДИАГНОЗЫ, КОТОРЫМ ТЫСЯЧА ЛЕТ

Археологи, историки, искусствоведы не раз замечали, что некоторые древние скульптуры, фигуры людей в нескольких росписях или в барельефах имеют определенные дефекты, как бы преднамеренно подчеркнутые древними мастерами.

Например, можно было увидеть, что автор специально изобразил левшу, эднорукого или безногого, указывая на какие-то характерные физические недостатки человека.

Всему миру известен знаменитый «Давид» Микеланджело. Изученная историками и искусствоведами скульптура, кажется, уже ничего нового не могла сказать о себе. И вдруг один итальянский врач, присмотревшись к исполнению, обнаруживает у него признаки... пупочной грыжи. По его мнению, натурщик, который позировал мастеру, был довольно крепким и физически развитым человеком, страдавшим этим недугом. После этого флорентийские медики-эксперты взяли за обследование и других произведений Микеланджело. Если окажется, что и у остальных скульптур будут обнаружены симптомы подобной болезни, значит великий скульптор пользовался одной и той же моделью. Так врачи стали консультантами у археологов и искусствоведов...

И вот при нью-йоркском медицинском колледже открылась «археологическая клиника». «Больных» собрал сюда профессор Вейсман. Он пытается диагностировать болезни, с которыми приходилось сталкиваться врачам древних майя, ацтеков, инков доколумбовского периода. «Больным» — крошечным глиняным фигуркам, найденным при археологических раскопках в гробницах и поселениях, — тысяча и больше тысячи лет. Как предполагают археологи, эти глиняные фигурки клались в могилу умершего в качестве... медицинского заключения о причине смерти. Вот некоторые диагнозы, которые поставили врачи древности и которые подтверждает профессор Вейсман.

...Встревоженная мать баюкает тяжелобольного сына. У ребенка жар, это видно по его приоткрытому рту. Это наводит на мысль, что у ребенка какое-то простудное заболевание или воспалительный процесс.

...Темные пятна на лице древней перуанской статуэтки, нос и губы скульптуры наполовину уничтожены болезнью. Ясно видно, что в данном случае речь идет о проказе или же о подобном тропическом заболевании.

...А вот женская фигурка со скрюченными ногами. Вейсман утверждает, что это сильное размягчение костей, вызванное недостаточностью кальция в костях.

...И наконец, еще три мужские фигурки. Изнуренный болезнью человек, его тело покрыто сплошными опухолями. Живот и левая рука распухли. Вероятный диагноз — рак. Лицо другой фигурки исказила гримаса боли. Человек потирает больное плечо. Его сломанная левая рука в лубке. Очевидно, этот человек стал жертвой несчастного случая. А вот фигурка мальчика, выполненная в форме урны. Его спинной хребет сильно изогнут и торчит наружу. В этом случае, как считает профессор Вейсман, наличие врожденная деформация позвоночника.

Таким образом, эта уникальная коллекция глиняных фигурок помогает ученым не только установить возраст некоторых болезней и говорить о распространенности заболеваний той или иной болезнью в древности, но и проследить историю развития медицины у древнего индейского населения Америки.

Г. БОСОВ

ЛЕСТРЫЙ МИР

ЗАКЛИНАТЕЛИ ДОЖДА

Во время очередной засухи некто Эдмонд Джеффи предложил совету города Сан-Диего (Калифорния, США) вызвать осадки за 40 дней (библейский срок!) в 40 дюймов (больше, чем в Москве за год!) и всего за 8 тысяч долларов. Власти отказались от его услуг: в прошлом манипуляция с осадками уже принесла городу убытки.

А дело обстояло так. В 1905 году некто Чарлз Гатфильд за 10 тысяч долларов взялся «рассеять» грозовые тучи над зоной водохранилища Морено. Он расставил посудины с химикалиями, испускавшими невыносимое зловоние. По мысли «изобретателя», дым от реакций должен был сконденсировать влагу в виде мелкого дождя. Но небеса разверзлись лишь через неделю, причем хлынул ливень, вызвавший катастрофический паводок. Воды Колорадо прорвали плотину, затопили пашни, разрушили мосты, на большом протяжении были смыты железнодорожные пути, погибло 7 человек. Однако Гатфильд потребовал выплаты гонорара за «разгон» туч... Власти согласились, но при условии: Гатфильд должен оплатить стоимость разрушений — несколько миллионов долларов, ибо он только... отсрочил дождь, а не предотвратил его полностью.

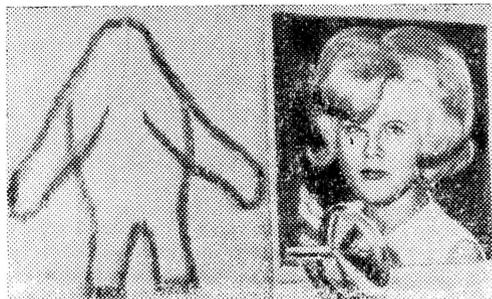

Рисунки В. ЧИЖИКОВА

То, что синяк является вещественным доказательством, в юриспруденции известно давно. А недавно синяк под левым глазом у 17-летней американки Кристи Ван Аккер (город Монро, штат Мичиган) претендовал на роль свидетельства в научном открытии. Однажды вечером, как утверждает Кристина, она подверглась нападению огромного волосатого чудовища. Оставив на лице Кристины «вещественное доказательство», волосатый субъект скрылся в лесу. «Разумеется, — говорит она, — это мог быть только «Йети» (так в Гималаях называют «снежного человека»).

И для пушей убедительности Кристина нарисовала портрет «снежного человека», которого она рассмотрела одним правым глазом.

ФАКТЫ НА... ЛИЦЕ

САМЫЙ БОЛТЛИВЫЙ

Недавно в ФРГ прошли большие соревнования на титул «самого болтливого человека мира». Победителем стал 62-летний Петер Шпигель из Эссена. За одну минуту он выговорил около тысячи слогов. Когда выступал Шпигель, создавалось впечатление, что это проигрывалась пластинка, поставленная на максимальную скорость. К соревнованиям Шпигель готовился с течение 14 дней, все время прослушивая себя на магнитофоне.

ЖРЕБИЙ БРОШЕН!

В программе этой партии только один пункт, он гласит: «Мы требуем упрощения процесса развода». С таким лозунгом выступает в Италии вновь созданная партия противников старого «развода по-итальянски».

РОБИНЗОН БЕЗ ПРОПИСКИ

Двадцатипятилетний английский студент Майкл Свифт решил стать новым Робинзоном Крузо. Он поселился на крохотном атолле, расположенном в Тихом океане на расстоянии 800 километров от ближайшей «цивилизации». Избранный им островок был так мал, что его можно было обойти за десять минут. Новоявленный «робинзон» высадился со всем необходимым имуществом, он даже обеспечил себя бензином для заправки на 10 лет.

Но, увы! Владелец яхты, который доставил его к острову, не сохранил в тайне это путешествие. Новозеландские власти, узнав о местопребывании «робинзона», послали на остров своего представителя. При проверке документов оказалось, что у Майкла Свифта нет новозеландской въездной визы, и незадачливый «робинзон» был удален из пределов не только острова, но и страны.

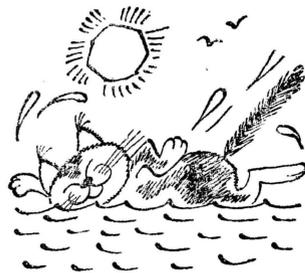

ПРАВДУ, ТОЛЬКО ПРАВДУ

Под таким лозунгом прошла недавно в шведском городе Борас выставка современной живописи. Своеобразие этой экспозиции заключалось в том, что на ней демонстрировались произведения как маститых мастеров, так и любителей. К тому же устроители выставки решились на следующий эксперимент: под картинами не было фамилий авторов, а любителям и знатокам живописи предлагалось решить самим, какую из картин следует оценить в 500, 1000, 5000 или 10 000 крон. И буквально «с порога» большинством голосов в категории картин стоимостью в 5000 крон получила работа... 4-летней Лотты Мальмстром. Действительно: «*ags loppa, vita brevis*» — искусство вечно, жизнь коротка...

ГРОМОВЕРЖЕЦ ИЗ КАЗЕРТЫ

Некто Антонио Бизоньо из итальянского города Казерты очень рассердился, когда не смог открыть окно в своей квартире, и стукнул кулаком по раме. Результат превзошел все ожидания: от его удара отвалился фасад дома, построенного больше ста лет назад. Едва Бизоньо и еще пять семейств, живущих в доме, выбежали на улицу, ветхое строение рухнуло.

КОШКИ, НЕ ПОХОЖИЕ НА ДРУГИХ

Существует распространенное и вполне справедливое мнение, что кошки терпеть не могут воды. И действительно, не одному любителю кошек приходилось ходить с расцарапанными и искусанными руками после попытки искупать свою подопечную.

Однако есть порода кошек, которая проводит большую часть своей жизни в воде. Водятся они в Турции по берегам озера Ван. Этим красивых зверьков с белой пушистой и очень мягкой шерстью так и называют ванскими, или плавающими кошками. Ванские кошки очень любят воду и способны часами купаться и плавать в озере. Даже для сна и отдыха они располагаются в неглубоких местах. Впрочем, еще одним эти кошки отличаются от обычных — они никогда не ловят мышей, предпочитая рыбешку и моллюсков.

НЕ СУЙ НОС...

— Если у вашей собаки есть вполне «собачья» привычка подбирать крохи с земли, а вы считаете это не совсем приличным, купите нашу мышеловку, — советует покупателем одна австрийская фирма, торгующая мышеловками. — Помимо того, что у вас исчезнут все мыши, мышеловка поможет обучить вашу собаку правилам хорошего тона. Для этого купите дюжину наших приборов, «зарядите» их кусочками мяса, разбросайте по двору и выпускайте вашу собаку. Получив несколько щелчков по носу, собака непременно поумнеет...»

ПОТЕРЯ ПЕРВЕНСТВА

Боснийский крестьянин, по имени Гадзи-османкаракапетанович, до сих пор предполагал, что у него самое длинное имя во всей Югославии. Из заблуждения его вывело письмо, которое ему прислал из Любляны Папандовалорокомондурониколакопуловский.

ЗАПОЗДАЛАЯ МЕСТЬ

Как известно, сейчас в Англии ведется подготовка к переходу с принятой в этой стране системы мер и весов на континентальную, то есть метрическую. По этому поводу английская газета «Дейли Экспресс» шутила: «Предлагаемое введение в Великобританию метрической системы мер и весов является запоздалой мстостью Наполеона за Ватерлоо».

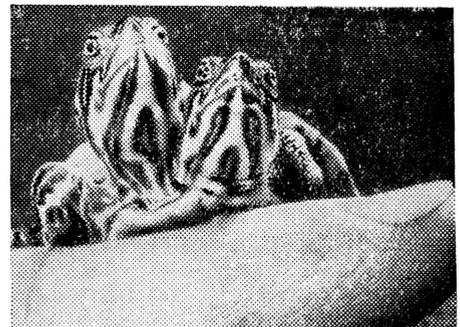
ПРИРОДА РАЗВЛЕКАЕТСЯ

У этой рыбы было в два раза больше шансов попасть на крючок рыболова. У нее два рта, и оба одинаково развиты. И тем не менее этот редчайший экземпляр серебристого лосося — кижуча, весом в полтора килограмма, был пойман в Британской Колумбии (Канада) простой рыбацкой сетью...

А эти две головы обычной речной черепахи, которая живет в Вашингтонском аквариуме, своим существованием опровергают известную поговорку: «Одна голова — хорошо, две — лучше». Дело в том, что каждая из голов управляет только двумя лапками. И когда черепаха спасается бегством от врага, одна из голов

командует «вперед», другая — «назад». В результате черепаха остается на месте. Несмотря

на то, что головы имеют одну общую систему кровообращения и одну крышу — панцирь над головой — большинство органов у них раздельны. Уж не поэтому ли головы живут «своим умом»: они часто ссорятся из-за еды и редко приходят к общему согласию.

Книги издательства «Мысль»

ЮБИЛЕЙНОЕ ИЗДАНИЕ

В связи со знаменательной датой — 50-летием Великого Октября издательство «Мысль» выпускает 22-томное подписное издание «Советский Союз».

Это будет первое научно-популярное географическое описание нашей страны в целом и каждой союзной республики в отдельности. Каждый том выйдет с приложением, в котором будут опубликованы новейшие данные о городах, реках, лесных массивах; список основных растений и животных на латинском языке, их местное и русское название; краткий топонимический словарь.

В подготовке издания участвуют коллективы ученых союзных республик, краев и областей РСФСР, известные географы Академии наук СССР, университетов и институтов страны. Тома «Армения», «Белоруссия», «Латвия», «Литва», «Эстония», «Грузия» выйдут уже в 1966 году.

С «ЗАРЕЙ» ВОКРУГ СВЕТА

Трехмачтовое парусное судно — маленькое и легкое, скорлупка рядом с огромными океанскими и военными кораблями — видели уже у берегов всех континентов, оно много раз пересекло Тихий и Атлантический океаны, экватор, ревущие сороковые широты, убегаю от тайфунов и не ускользало от них. Сколько их было на его пути — тайфунов, с именами нежными и красивыми — «Вера», «Зельма», «Опал», «Сара»...

Судно это называется «Заря». Это научно-исследовательская парусно-моторная, немагнитная, гафельная шхуна Академии наук СССР. На ее постройку шли только дерево, бронза, медь, латунь, алюминий, специальные немагнитные сплавы. Из бронзы сделаны ее якоря и якорные цепи, комингсы и стойки для лееров, брашпиль и гребной винт. Даже балласт на «Заре» — свинцовые чушки и глыбы немагнитного гранита...

«Заря» — второе такое судно за всю историю немагнитных исследований. Первое — американская шхуна «Карнеги» — сгорело в 1929 году при заправке топливом в порту Паго-Паго на Самоа...

Журналист Л. Плешаков в сво-

ей книге «Вокруг света с «Зарей» (серия «Путешествия. Приключения. Фантастика») подробно рассказывает об очердном — шестом — рейсе «Заря» вокруг света. Автор ведет читателя в места, о которых сам он мечтал еще в детстве. Вместе с ним мы ходим по крытому рынку в Хакодате: огненно-красные большеголовые окуни, крапчатые серебряные лососи, голубоватые скумбрии, плоские бородавчатые палтусы, трепанги, губки, моллюски, крабы, омары, чилимы, улитки, ракушки... На центральном рынке Сувы — столицы острова Вити-Леву, самого большого из островов Фиджи, — вместо стен проволочная сетка, рынок продувается со всех сторон, чтобы торговцы и покупатели не задохнулись от жары, а на прилавках оранжевые манго, гроздь бананов, кокосовые орехи, плоды хлебного дерева, ананасы, сахарный тростник; в рыбных рядах — красные лангусты, серебряные тунцы, зеленватые корифены и черные устрицы...

В Сан-Франциско автор с товарищами едут к джеклондонскому Дому Волка, в Лунную Долину, а потом заходят в знаменитый кабачок Джона Хейноулда «Первый и последний шанс», в котором юный Джек Лондон заключил первую большую сделку: приобрел яхту «Рэзл-Дэзл», где он познакомился со многими героями своих будущих рассказов и романов: устричными пиратами, бродягами, моряками, старателями с Клондайка. Кабачок и теперь такой же, как во времена Джека Лондона, хозяйничает в нем сын старого Хейноулда — Джордж,

стены и потолок этого своеобразного музея покрыты визитными карточками в несколько слоев, на стенах висят сомбреро, книги, боксерские перчатки, «смит-вессон» 38-го калибра, у входа — портрет Федора Шалапина с дарственной надписью...

На острове Самоа автор ведет нас к могиле Роберта Стивенсона, которого местные жители называли Тузитала — слагатель историй. Восемь стихотворных строк «Реквиема», выбитых на бронзовых плитах могилы писателя, стали на Самоа народной песней: Стивенсона здесь помнят, любят и считают своим... А на Таити автор мчит нас на мыс Таравао и останавливает машину на обочине дороги: два столба с поперечной доской, черной краской по-английски и по-французски написано: «На этом месте был дом, где с 1896 по 1901 год жил Поль Гоген...»

Маленькая «Заря» останавливалась в десятках портов, автор и его товарищи встречались с людьми самыми разными: американцами, полинезийцами, русскими и украинцами, отцы и деды которых много лет назад покинули родину, мы знакомимся с удивительными человеческими судьбами.

За 300 дней рейса шхуна прошла около 32 тысяч морских миль.

Проделав вместе с «Зарей» это увлекательное путешествие, рассказ о котором хорошо иллюстрирован фотографиями автора, читатель узнает много нового о далеких странах и интересных исследованиях советских ученых.

Ф. СВЕТОВ

ЧЕЛОВЕК И ВУЛКАНЫ

„Кое-что из того, о чем прочтете вы в этой книге, напомним вам необыкновенные истории, рассказанные достопочтенным бароном Мюнхгаузеном. Вы прочтете в ней, например, о разогревании обеда на раскаленных камнях, выброшенных из глубин земли огнедышащей горой, о морской ракушке, которая поймала черного баклана, о золотистых волосах богини огня, о волшебных фейерверках в кратере одного из величайших вулканов — Ключевого сопки, о заборах из китового уса, о горячих ручьях, бегущих с заснеженных гор, о поселках, в которых дома отапливаются глубинным теплом Земли, короче — о многих удивительных вещах. Однако это не выдумки. Все, о чем рассказано в книге, автор своими глазами видел в стране огнедышащих гор».

Так начинается книга Е. Мархинина «Цепь Плутона» (серия «Рассказы о природе») — книга о вулканах и вулканологах. Она написана человеком, который много лет — зимой и летом, осенью и весной — проводил научные наблюдения и измерения на склонах вулканов, в кратерах, близ лавовых потоков.

Е. К. Мархинин рассказывает много интересного о вулканах вообще, но больше всего о тех, которым он посвятил свою жизнь — о вулканах Камчатско-Курильской дуги.

Автор пишет о собственной профессии, его рассказы правдивы, полны ошеломляющих подробностей.

И еще Е. Мархинин пишет о встречах с красотой. Он находит точные слова для того, чтобы передать впечатления, которые вызывает вулканический пейзаж: «Мы поднимаемся по ноздреватым лавам, снежникам, шлаковым осыпям. Под ногами то тут, то там попадают звездчатые сростки кристаллов полевого шпата. Иногда они белые, иногда черные от покрывающей их пленки блестящего, как вар в изломе, вулканического стекла»...

Автору книги помогает и отличное оформление: многочисленные цветные фотографии В. Гиппенрейтера, участника нескольких походов к пылающему, дымящему и гремящему сердцу гор.

Н. ГОРБАНЕВСКАЯ

ЗЕМЛЯ И ЛЮДИ, 1966

В такой оригинальной обложке вышел девятый выпуск популярного географического календаря-ежегодника «Земля и люди». Книга отличается богатством оформления и впервые включает цветные иллюстрации, в частности репродукции офортов Рембрандта и полотен Сурикова.

Разнообразно содержание календаря. Увлекательные статьи рассказывают об изменениях на карте Родины, происшедших за годы семилетки. Любопытно прочесть и о настоящих природных водах под Москвой, и о температуре растений, которая, оказывается, почти никогда не совпадает с температурой окружающего воздуха, и о других новейших открытиях ученых, изучающих природу нашей планеты. Интересны впечатления советских путе-

шественников, побывавших в зарубежных землях. Повествуя о днях давно минувших, календарь зачастую сообщает новые и малоизвестные факты. Так, впервые публикуются найденные в архиве материалы об Аральской экспедиции под начальством Бутакова, а в статье о Даниеле Дефо, создателе знаменитого «Робинзона Крузо», рассказывается о его последователях — добровольных отшельниках 60-х годов нашего века. Проблеме будущего посвящен раздел «Проекты, дискуссии, гипотезы», где, в частности, есть рассказ о возможностях изменения условий жизни землян посредством преобразования радиационных поясов нашей планеты.

ИПП. ПЕРВАКОВ

СОДЕРЖАНИЕ

А. ГОРЯЧЕВ, В. СИМАКОВ — Сибирь электрическая	1, 13, 14, 34
Е. ФЕДОРОВСКИЙ — Северное притяжение	3
Вот она какая — Луна!	6
ЙОРГЕН БИЧ — За аравийской чадрой	8
ДЖОН СТЕЙНБЕК — Бегство	17
Острые скалы — острые ощущения	20
В поисках подземных дворцов	20
Огненный шлейф над Сан-Франциско	21
И. ГРИЧЕР, Н. ЛОБОВ — Четыре точки на карте	26
Е. ЧЕРНЯК — Ожерелье Марии-Антуанетты	29
С. ВАРШАВСКИЙ — Про пещеру Колоссал, про одного шерифа и четырех бандитов	31
Н. АЛЕЕВ — Держу в руках огонь	32
Л. ДОБРЯГИН, Г. ЕРЕМИН — Под чужим флагом	36
География спорта	40
В. ВОЙТОВ, Л. СКРЯГИН — Один шанс Альфреда Джонсона	42
В объективе: Его Величество Морской Змей?	45
На меридианах Родины	47
А. НИКОЛАЕВ — Сивуч атакует судно	48
С. ОЖЕГОВ — Находка в Ямщине	48
Г. ХРАПАК — Баку — город ветров	49
С. РЕМОВ — Кто погасил в Нью-Йорке свет?	52
И. ЗАБЕЛИН — Снежный путь Тимофея Булдакова	54
О. КОКОРИН — Как поймать форель?	59
ПИТЕР ХОЛЛ — Харвей — меткий глаз	60
Огнедышащие горы	62
А. ПОДОЛЬСКИЙ — Украли «голубого Маврикия»!	63
Б. СИЛКИН — Достоинством в... килограмм	63
Прочти — подумай — ответ	63
Е. САШЕНКОВ — Портрет Гвояи Юнгарау	64
Король и... решка, честолюбивый почтмейстер и фальшивомо- нетчики	64
ВИКТОР СМИРНОВ — Ночной мотоциклист	65
Лев на поводке и осел в чемодане	73
Г. БОСОВ — Диагнозы, которым тысяча лет	75
Пестрый мир	76
Юбилейное издание	78
Ф. СВЕТОВ — С «Зарей» вокруг света	78
Н. ГОРБАНЕВСКАЯ — Человек и вулканы	79
ИПП. ПЕРВАКОВ — Земля и люди, 1966	79

Гласный редактор **В. С. САПАРИН**

Члены редакционной коллегии: **В. И. АККУРАТОВ, И. М. ЗАБЕЛИН, М. М. КОНДРАТЬЕВА, В. Л. КУДРЯВЦЕВ, А. А. НОДИЯ** (заместитель главного редактора), **К. Г. ПАУСТОВСКИЙ, П. Н. РЕШЕТОВ, Ю. Б. САВЕНКОВ** (ответственный секретарь), **А. И. СОЛОВЬЕВ, В. С. ЧЕРНЕЦОВ, Л. А. ЧЕШКОВА, В. М. ЧИЧКОВ.**

Оформление **В. Чернецова** и **Т. Гороховской**

Рукописи не возвращаются. Технический редактор **А. Бугрова**

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

Наш адрес: Москва, А-30, Суцеская, 21. Телефон для справок Д 1-15-00, доб. 2-29; отделы «Наша Родина» — 2-68; иностранный — 2-85; литературы — 3-93; науки — 3-38; иллюстрации — 3-16; при-
ложение «Искатель» — 4-10.

А01046. Подп. к печ. 18/II 1966 г. Печ. л. 5(8,4).
Уч.-изд. л. 12. Тираж 1 500 000 экз. Заказ 2757. Цена 60 коп.

Типография «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия», Москва,
А-30, Суцеская, 21.

К СВЕДЕНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ

Подписка на «Вокруг света» на второе полугодие 1966 года принимается общественными распространителями печати по месту работы, районными отделениями «Союзпечати» и отделениями связи (почтовыми отделениями) до 5 июня.

После 5 июня можно подписываться только на остающиеся месяцы (начиная с августовского номера).

На первой странице обложки: *Ирина Архангельская* — одна из молодых строителей Красноярской ГЭС. Фото *К. ТОЛСТИКОВА*. (См. фото-очерк «Сибирь электрическая».)

На третьей странице обложки: *ИНДИЯ*. Ранним утром, когда туман только начинает сползать с реки, у берега появляются женщины. Они идут медленно — может быть потому, что несут на голове большие медные кувшины, а может быть потому, что день только начался и колесо ежедневных забот еще не завертелось с обычной скоростью. Солнце еще не печет, и можно, не торопясь, пройти по мокрой траве, постоять минуту в теплой речной воде, подумать о дне, который весь впереди.

Но день идет, туман пропадает, и пора приниматься за работу: чистить кувшины, набирать в них воду, стирать...

Лит 26-19

Цена 60 коп.

БЮРО МЕЖДУНАРОДНОГО МОЛОДЕЖНОГО ТУРИЗМА

Бюро международного молодежного туризма СССР «Спутник» приглашает Вас совершить путешествие по Советскому Союзу.

Москва и Ленинград, столицы союзных республик, Закарпатье и Средняя Азия, Крым и Кавказ, Новгород, Волгоград и Одесса.

Выбирайте!

В самых красивых уголках нашей страны расположены международные молодежные центры бюро «Спутник».

В каждом из них Вы будете весело и интересно отдыхать. «Спутник» принимает своих гостей в любое время года, предоставляя самые различные льготы!

Индекс 70142